

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 4 (846)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

4

выпуск 846

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

4

Issue 846

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Мальгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Альварес Солер А. А., Гончаренко Е. С.</i> Ритмическая организация афористических высказываний в испанском языке	9
<i>Борисова Е. С., Дадыко А. В.</i> Эволюция национального языка в отражении итальянского кинематографа. Попытки стандартизации и неизбежность обращения к диалектам	19
<i>Вареник Е. С.</i> Особенности кулинарного дискурса как субжанра инструкции	30
<i>Дренясова Т. Н.</i> Инфинитив в системе нидерландского глагола: семантико-грамматический аспект	43
<i>Кирсанова Е. М., Польская С. С.</i> Выбор способа перевода безэквивалентной лексики: по пути наименьшего сопротивления	53
<i>Козлова А. С.</i> Концепт «благоутробие» в оригинальных библейских текстах и в итальянских переводах Библии	65
<i>Коломиец Н. А.</i> Эволюция диалектного континуума нидерландского языка во Фландрии	80
<i>Кудинова Е. С., Юкляева Е. А.</i> Лингвистические и экстралингвистические критерии успешности имиджа современных политиков	95
<i>Кузнецов А. В., Писанова Т. В.</i> Аллюзия в прецедентном поле испаноязычных СМИ	104
<i>Ливанова А. Н., Воробьева Е. В.</i> Некоторые особенности употребления определенного артикля в современном норвежском языке	117

<i>Мавлеев Р. Р., Мавлеева Д. В.</i>	
Сравнительно-сопоставительное исследование военных терминов корейского и китайского языков	129
<i>Макарова С. А.</i>	
Непрямая определенная анафорическая референция в англоязычном лингвистическом дискурсе	140
<i>Мозоль Т. С.</i>	
Языковое творчество в эпоху коронавируса (на примере неологизмов корейского языка)	154
<i>Романович М. Ю.</i>	
Номинативно-когнитивные основания метафорических трансформаций в английской неологии	165
<i>Саркисян А. А.</i>	
Проблемы синхронного перевода в языковой комбинации турецкий / русский и поиск практических способов их решения	176
<i>Терешко Е. В.</i>	
Формальное подлежащее <i>er</i> в вопросительных предложениях с местоимениями <i>wie / wat</i> в нидерландском языке	190

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Быстрова Т. А.</i>	
Фотография в романе Хелены Янечек «Девушка с лейкой»	203
<i>Яковлева Л. Н., Солдатова М. В.</i>	
Вклад женщин-писательниц в расширение тематики корейской литературы в колониальный период	213

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Николаева М. В.</i>	
Россия и Египет. Литературные и культурные связи вчера и сегодня	225
<i>Степаненко Е. А.</i>	
Лингвокультурологический анализ поздравительных речей на русском и нидерландском языках	236

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Alvares Soler A. A., Goncharenko E. S.</i> Rhythmical Organization of Spanish Aphoristic Units	9
<i>Borisova E. S., Dadyko A. V.</i> Evolution of the National Language as Reflected by Italian Cinema. Attempts of Standardization and Inevitability of Return to Dialects	19
<i>Varenik E. S.</i> Features of Culinary Discourse as a Subgenre of Instruction	30
<i>Drenyasova T. N.</i> The Infinitive in the Dutch Verb System. Semantic and Grammatical Aspect	43
<i>Kirsanova E. M., Polskaya S. S.</i> Choosing the Means of Translating Words with No Direct Equivalents: Going with the Easiest Option	53
<i>Kozlova A. S.</i> The Concept of Compassion in the Original Biblical Texts and in the Italian Bible Translations	65
<i>Kolomiets N. A.</i> The Evolution of the Dialect Continuum of Dutch in Flanders	80
<i>Kudinova E. S., Yuklyaeva E. A.</i> Linguistic and Extralinguistic Success Criteria of Modern Politicians' Image	95
<i>Kuznetsov A. V., Pisanova T. V.</i> Allusion as Part of the Precedent Field of the Spanish Media	104
<i>Livanova A. N., Vorobyeva E. V.</i> Changes in Article Usage in Modern Norwegian	117
<i>Mavleev R. R., Mavleeva D. V.</i> Comparative Study of Korean and Chinese Military Terms	129

<i>Makarova S. A.</i> Indirect Definite Anaphoric Reference in the English Linguistic Discourse	140
<i>Mozol T. S.</i> Language Creativity in the Era of the Coronavirus (Focusing on Korean Language Neologisms)	154
<i>Romanovich M. Yu.</i> Cognitive Basis for Metaphoric Nomination in English Neology	165
<i>Sarkisyan A. A.</i> The Problems of Simultaneous Interpretation in the Turkish / Russian Language Combination and Search for Practical Solutions	176
<i>Tereshko E. V.</i> The Formal Subject Er in Interrogative Sentences with Pronouns Wie / Wat in Dutch	190

LITERARY STUDIES

<i>Bystrova T. A.</i> Photography in Helena Janeczek's Novel "The Girl with the Leica"	203
<i>Yakovleva L. N., Soldatova M. V.</i> Women Writers' Contribution to Thematic Widening of Korean Literature in the Colonial Period	213

CULTUROLOGY

<i>Nikolaeva M. V.</i> Russia and Egypt. Literature and Cultural Ties Yesteday and Today	225
<i>Stepanenko E. A.</i> Analyzing Festive Speeches in Russian and in Dutch from Linguocultural Angle	236

УДК 811.134.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_4_846_9

А. А. Альварес Солер, Е. С. Гончаренко

Альварес Солер А. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета
anna.alvaressoler@gmail.com

Гончаренко Е. С., преподаватель кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета
elisea@rambler.ru

РИТМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АФОРИСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу фонетических и ритмико-интонационных средств создания образности в афористических единицах, специально созданных для воздействия, заведомо рассчитанных на внушение и призванных вызвать реакцию адресата. Рассматривается ритмическая организация лексической и фонетической структуры афористических высказываний. Делается вывод о роли просодических средств кодирования информации в афористических высказываниях.

Ключевые слова: афористические высказывания; рифма; ритм; метро-ритмическая организация; рекламное сообщение.

A. A. Alvares Soler, E. S. Goncharenko

Alvares Soler A. A., PhD (Philology), Associate Professor of the Spanish Language Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
anna.alvaressoler@gmail.com

Goncharenko E. S., Lecturer of the Spanish Language Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
elisea@rambler.ru

RHYTHMICAL ORGANIZATION OF SPANISH APHORISTIC UNITS

The article is devoted to the analysis of phonetic and rhythmic-intonational means of creating imagery in aphoristic units, specially created for influence, aimed at

suggesting and designed to elicit a recipient's reaction. The article deals with the rhythmic organization of the lexical and phonetic structure of aphoristic statements. The study findings demonstrate that prosodic means play a key role in transmitting linguistic information in aphoristic units.

Key words: aphoristic units; rhyme; rhythm; rhythmical organization; advertising message.

Введение

В последнее время в области лингвистики и переводоведения возрастает интерес к несобственно вербальным составляющим речи и их семантическому ореолу. Так, в статье «Мультимодальная лингвистика» Андрей Кибрик пишет: «...Просодия очень разнообразна – существуют десятки просодических явлений и большинство из них семантически нагружены. К числу наиболее очевидных относятся паузация, акценты, темповые и долготные характеристики, тональные регистры, степени редукции, гортанные признаки, громкость и т. д...» [Кибрик 2010, с. 136]. Главным, с точки зрения того или иного воздействия на реципиента, элементом просодического уровня традиционно признается ритм как динамический фактор текстообразования: речевая мелодия, уподобляясь музыке, сама по себе способна внушить нам необходимое настроение или вызвать определенные ассоциации. Особый ритм создается как с помощью традиционно стихотворного инструментария – деления текста на строфы, строки, стопы, придания ему определенного размера, так и с помощью общежанровых ритмических приемов – например, различных лексических и синтаксических повторов: анафора, градация, синтаксический параллелизм, эллипсис, эпифора.

Особняком среди ритмически организованных текстов стоят высказывания, непричисленные ни к стихотворной, ни к прозаической формам речи, но при этом имеющие признаки обеих. Мы имеем в виду разнообразные афористические высказывания: паремии, крылатые слова, а также их дериваты в современном языкотворчестве – слоганы, девизы, лозунги.

На наш взгляд, при всех коммуникативных и стилистических различиях этих видов текстов, ритм объединяет их в одну группу неслучайно – он используется нарочито для того, чтобы эти тексты легко запоминались и воспроизводились, вызывали в подсознании произносящего либо слышащего определенные ассоциации, подспудно воздействуя на наши эмоции и принимаемые нами решения.

Прежде чем перейти к изучению признаков ритмической организации афористических высказываний, которым свойственны стихотворная и прозаическая формы, рассмотрим более подробно понятие рифмы.

Рифма. Основные понятия

В данной статье мы не ставим своей целью описать все функции, признаки и классы рифмы. Остановимся лишь на тех понятиях, которые представляют наибольший интерес для нашего исследования.

В первую очередь нужно ввести такое понятие, как *клаузула*. Клаузула – это всё графическое или акустическое пространство стихового ряда от последней ударной гласной до последней звукобуквы в строке. В свою очередь, рифма есть звуко-буквенный повтор в клаузулах двух или более стиховых рядов.

Существует, как минимум, четыре классификации рифмы: структурно-фоническая, структурно-ритмическая, структурно-позиционная и грамматическая.

В рамках структурно-фонической классификации рифмы выделяют *консонанс*, *ассонанс* и *диссонанс*. Обратимся к определению собственно терминов «консонанс» и «ассонанс», так как именно они понадобятся нам при дальнейшем изучении рифмы в афористических высказываниях.

Ассонансной в испанской поэтике считается та рифма, которая возникает при совпадении последней ударной гласной двух и более стиховых рядов. Кроме того, желательно, чтобы послеударные гласные совпадали тоже или хотя бы сохраняли акустико-артикуляционное сходство. Следовательно, «вся часть клаузулы между ударной и последней гласной звукобуквой как бы не принимается в расчет, в связи с чем могут рифмоваться между собой слова с неравносложными клаузулами» [Гончаренко 1995, с. 234]. Более того, рифмованными могут считаться слова, оканчивающиеся на разные согласные или гласные. Однако последняя комбинация имеет некоторые ограничения. Так, стоит учитывать, что в неударной позиции схожими и, следовательно, создающими рифму, могут считаться такие гласные, как: *o* с *u* или *i* с *e*.

Следовательно, соответствовать определению ассонанса могут такие словопары, как, например: *contigo – amarillos; mono – heróico; natural – Juan; coro – cónsul*.

Таким образом, на первый взгляд, неискушенному читателю, который не является носителем испанского языка, может показаться, что рифма в испанском стихотворном тексте отсутствует в принципе, или что такой принцип рифмования слишком прост. Однако за кажущейся простотой часто скрывается поистине виртуозный прием – соблюдение монорима на протяжении всего ритмически организованного текста или одной из его самостоятельных частей. Следует отметить, что моноримом называется такой рифмоярд, который берет на себя функцию всей рифмосистемы текста.

Консонансный вид рифмы является, пожалуй, самым доступным и понятным для русского уха из всех видов испанской рифмовки, поскольку больше остальных видов приближается к классической рифме. Но только приближается, ибо и здесь есть правила, которые могли бы удивить российского читателя / слушателя.

Дело в том, что консонансом является такая испанская рифма, в которой совпадают все звукобуквы, расположенные вправо от ударной гласной, включая её, но, как правило, исключая совпадение согласной, предшествующей клаузуле. Первое условие вполне соответствует принципам русской традиционной рифмовки. Сравним: *кручина-пучина; hueso-queso*.

Однако даже этот принцип действителен лишь с некоторой оговоркой. В испанском языке слабые гласные *i* и *u*, находясь в непосредственном соседстве с остальными гласными, образуют с ними один слог. Но в поэзии же это правило фактически нарушается. Так, если эти две гласные стоят в препозиции к гласной ударной, то поэт вправе наделять их функциями отдельного слога или отдельной звукобуквы. То есть для испанского консонанса рифма типа *dependo – durmiendo* считается абсолютно полноценной. В то же время русский поэт будет ощущать некоторый дискомфорт, рифмуя *рьяный с незванный*. И, скорее всего, если его сверхзадачей является элегантность и точность рифмы, он будет стараться избегать подобной рифмовки.

Более того, совпадение согласных, предшествующих клаузуле, считается, по испанским канонам, не то что необязательным, но даже нежелательным. То есть вариант *nada – parada* для испанцев более приемлем, чем *nada – Granada*. Нам же, напротив, комбинация *дворник-беспризорник* покажется менее удачной, чем комбинация *дворник – затворник*. Как пишет в своей работе «Искусство

перевода» Иржи Левый, «...существует две группы стиховых систем: в одной – совпадение опорных согласных оценивается, по крайней мере, для некоторых типов поэзии, положительно, в другой – отрицательно. Не осознавший это переводчик может оценить стих подлинника, исходя из своих собственных представлений о рифме, и в иных случаях совершенно исказить в переводе стиль оригинала» [Левый 1974, с. 298].

Рифма в афористических высказываниях

В ходе нашего исследования выяснилось, что рифма является одним из структурообразующих элементов ритмически организованного текста, примером которого служит афористическое высказывание.

Афористические высказывания обладают такими характеристиками, объединяющими их со стихотворной речью с точки зрения ритма, как:

- наличие рифмы (как в русском, так и в испанском языке);
- паузация-цезура;
- соотнесенность с определенным метром и размером;
- соотнесенность с одной из наблюдаемых в испанском языке системой стихосложения.

Что касается рифмы, она является, бесспорно, ритмообразующим элементом, так как представляет собой звуковой повтор, основу ритма, а также задает ритм, делая акцент на рифмованных элементах. Наличие рифмы дает нам право говорить о том, что современные слоганы и лозунги строятся по принципам народных высказываний, поговорок, заимствуя для определенных целей их структуру. Известно, что в ряде традиционных жанров фольклора рифма чаще всего бывает непреднамеренной, обусловленной особенностями синтаксиса. Однако, как показывают наблюдения, рифмы в пословицах, а тем более в построенных по их примеру современных лозунгах и слоганах, являются не случайными, а преднамеренными, специально созданными. Они обычно падают на наиболее значимые слова, являются имплицитным сигналом границы какой-то мысли, имеют свою семантическую нагрузку.

По нашим наблюдениям, в испанских афористических высказываниях можно обнаружить все виды рифмы с точки зрения ее структурно-фонической классификации [Гончаренко 1995], однако частота одних видов явно превалирует по сравнению с частотностью других.

Отдельного упоминания заслуживают испанские афористические высказывания, в которых присутствуют рифмы в разных видах, усиливающие общий художественный эффект:

1. Ассонанс в паремиях: *Abril y mayo, aves de todo el año.*
2. Ассонанс в слоганах, лозунгах: *¡Vamos Ciudadanos!* (лозунг политической партии *Ciudadanos*).
3. Консонанс в паремиях: *Abad avariento, por un bodigo pierde ciento.*
4. Консонанс в лозунгах, девизах: *El pan hecho con leche* (реклама хлеба *Bimbo*).

По нашим наблюдениям, консонансные формы встречаются в испанских афористических высказываниях чаще ассонансных. Приверженцы ассонанса, испанцы, словно нисходят до этой более привычной русскому уху формы в таких высказываниях, показывая, что они не являются отточенными литературными формами, а, скорее, принадлежат языкотворчеству большинства.

Сигнализировать об условном делении однострочного текста на несколько частей может не только рифма, но и имплицитное наличие цезуры в тексте. Неслучайная цезура посреди строки заставляет нас разделить однострочное высказывание на несколько строк и превратить ее в двустипшие, а иногда и в целый терцет или четверостишие. Например: *A la noche, chichirimoche, y a la mañana, chichirinada* [Campos 2000].

Метро-ритмические структуры

Необходимо также рассмотреть не только такие приемы реализации ритма, как рифма и цезура, но и непосредственно метро-ритмические структуры, которые тоже часто могут быть обнаружены в афористических высказываниях. В качестве приемов метро-ритмической организации речи в афористических высказываниях, с помощью которых создается имплицитная ритмическая структура звуковых повторов, отмечены следующие:

1. Ямб (на примере паремий):
La ocasión la pintan calva.
2. Хорей (на примере паремий):
Por la boca muere el pez.

3. Хорей (на примере рекламы):
El jabón de las estrellas.
4. Дактиль (на примере паремий):
El que regala bien vende, si no es ruin el que prende.
5. Амфибрахий (на примере паремий):
Bien ama quien nunca olvida.

Мы предлагаем классифицировать такие примеры в рамках силлабо-тонической системы, поскольку такое членение иктов и неиктов представляется наиболее соответствующим целям создания высказывания, характеризующегося простотой запоминания и воспроизведения. В силу того, что некоторые из иктов в наших примерах приходятся на вспомогательные слова и в силу других факторов, можно было бы рассмотреть их и с точки зрения тонической системы, характеризующейся изосиллабизмом. В любом случае, налицо факт построения высказываний согласно одной из возможных для испанского языка систем стихосложения [Anscombe 1999].

Также обращает на себя внимание тот факт, что, например, у последних двух паремий в испанском языке есть и другие варианты, однако наиболее известными и часто произносимыми являются те, в которых присутствуют рифма и ритм, что еще раз указывает на эти приемы как на влияющие на запоминаемость и выживаемость высказывания, что, в свою очередь, принимается во внимание авторами и маркетинговых слоганов.

Другие способы построения ритма афористических выражений

Но ритм афористических высказываний выстраивается не только за счет стихотворных метро-ритмических структур. Ведь основой ритмического рисунка может стать любой повтор. Например, тип параллельных конструкций, анафор, эпифор, представляющий собой использование бинарных элементов предложения, составляющих коммуникативную ось рекламного текста: *Tu descanso de hoy, tu descanso de mañana. / Transpira, no transpasa. / Mira lo que oyes, escucha lo que ves.* Такие бинарные схемы особенно часто используются в рекламе потому, что весь рекламный сюжет построен по бинарному принципу:

нам преподносится какая-то история, которая потом либо подкрепляется рекламным слоганом, либо опровергается им.

Иногда, уподобляясь стихотворному тексту, текст рекламного сообщения оказывается графически организованным в строки:

A lo lejos. Disfruta.
A tu alrededor. Emociónate.
A tu lado. Siente. (Varilux)

В подобных рекламных сообщениях содержится установка на внушающее воздействие – латентную суггестию, являющуюся одним из важнейших способов речевого воздействия. Для внушения характерен бесконфликтный характер приема информации, так как в стадии восприятия оно переживается как нечто сугубо личное. С помощью суггестивной информации выполняется регулятивная функция: близость названия продукта или иного рекламируемого блага, и позитивно-окрашенного понятия из нашей жизни запечатлеваются в памяти человека по законам мнемотехники, апеллирует к эмоциям и чувствам, вызывает ассоциативные образы, благоприятные для восприятия информации, и в итоге заставляет рекламу «работать» [Vellón Lahoz 2007].

Нельзя не отметить, что наличие ритмической организованности часто сопряжено с использованием и других фонетических средств выразительности: аллитерацией, ассонансом, звукоподражанием, эвфонией либо же какофонией. Так, в рекламе часты случаи использования чисто фонетических приемов: исп. *estilo – estola* являются очевидным обыгрыванием созвучности слов, имплицитно указывающим на чувство стиля и вкуса у автора и, соответственно, на качество предлагаемого. В паремиях же аллитерация действует не только как ритмообразующий повтор, но и как средство выразительности, вспомогательный прием для создания образа, иногда уподобляясь ономастопеям. Так, в испанской поговорке *Cría cuervos y te sacarán los ojos* налицо использование согласных, передающих зловещее карканье вóрона.

В этой связи следует подчеркнуть, что упомянутые нами ономастопеи и прочие звукоподражательные элементы тоже можно рассматривать как воспроизводимый подавляющим большинством населения короткий текст, вызывающий одинаковые ассоциации и эмоции

у реципиентов и построенный по определенному ритмическому рисунку, в частности, основанный на повторах. Таким образом, как ни странно, мы могли бы изучать оноματοпеи как еще один вид коротких ритмически образованных текстов, наряду с паремиями и слоганами. Яркими примерами подобных оноματοпей являются исп. *bul-bul, tic-tac, tiquismiquis*. Во всяком случае нельзя сбрасывать вид оноματοпей-ческих высказываний со счетов, рассматривая прецедентные языковые формы по отношению к дериватам народного творчества, как мы это делаем в рамках нашей статьи, сопоставляя паремии и слоганы. Ведь эти языковые единицы являются, по сути, доказательством того, что ритм присущ самым естественным формам языкотворчества.

Заключение

Понимая, что объединение в одну группу столь, на первый взгляд, разнородных языковых единиц, как оноματοпеи, паремии и рекламные слоганы, может вызвать некоторые вопросы, напомним, что даже такой мастер пера, как Габриэль Гарсиа Маркес, не гнушался работать с рекламными текстами, доказывая, что для создания успешного слогана необходимо чувство языка во всех его проявлениях, в частности, в таком присущем его природе проявлении, как ритм.

Определенные ритмические приемы используются в афористических высказываниях с целью кодирования информации и достижения конкретного эффекта. И в испанском языке, в частности, использование таких приемов наблюдается довольно часто. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что необходимо принимать во внимание тему ритма как при обучении языку, так и при обучении переводу. Именно при переводе, в первую очередь, на наш взгляд, необходимо учитывать наличие или отсутствие намеренно маркированного ритма текста, будь то обширное произведение или однофразовый текст. Ведь в ритме может быть заложена информация, упуская которую в переводе, мы теряем большую долю удельного веса не только стилистической, но и часто семантической и прагматической составляющих текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гончаренко С. Ф. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Рема, 1995. [Goncharenko, S. F. (1995). *Sobranie sochineniy*. Moscow: Rema. T. 3. Монографии. (In Russ.)].

- Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 135–152. [Kibrik, A. A. (2010). Multimodalnaya lingvistika (Multimodal Linguistics). Moscow: Institut psikhologii RAN. (In Russ.)].
- Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. [Leviy, I. (1974). Iskusstvo perevoda. (Art of Translation). Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Campos J. G.* Diccionario de refranes. Madrid: Espasa Calpe, 2000.
- Anscombe J.-C.* Estructura métrica y función semántica de los refranes // *Parremia*. 1999. № 8. P. 25–36. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Estructura-m%C3%A9trica-y-funci%C3%B3n-sem%C3%A1ntica-de-los-Anscombe/1c10a8cc3098cf2228853df043bc5ee7e3da4e10>.
- Vellón Lahoz J.* Estrategias lingüísticas de los textos publicitarios. Barcelona: Editorial UOC, 2007.

Е. С. Борисова, А. В. Дадыко

Борисова Е. С., кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
borisova.es@linguanet.ru

Дадыко А. В., старший преподаватель кафедры итальянского языка переводческого
факультета Московского государственного лингвистического университета
avdad@bk.ru

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ОТРАЖЕНИИ ИТАЛЬЯНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА. ПОПЫТКИ СТАНДАРТИЗАЦИИ И НЕИЗБЕЖНОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ К ДИАЛЕКТАМ

Кинематограф наряду с литературой, радио и телевидением служит одним из средств формирования общенационального итальянского языка, в котором до сих пор широко представлена диалектная вариативность. С появлением звукового кино, сценаристы и режиссеры с некоторыми исключениями стали предпринимать попытки стандартизировать язык, что, в свою очередь, совпало с тенденциями национальной языковой политики начала XX века. В последнее время в кинематографе усиливается тенденция обращения к диалектам, которые позволяют лучше передать колорит персонажей, вернуться к истокам языкового разнообразия Италии и освободиться от стандартов, навязанных обществом потребления.

Ключевые слова: кинематограф; общенациональный итальянский язык; диалекты; фонетические особенности; лексический состав.

E. S. Borisova, A. V. Dadyko

Borisova E. S., PhD (Philology), Head of the Italian Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
borisova.es@linguanet.ru

Dadyko A. V., Senior lecturer of Italian Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
avdad@bk.ru

EVOLUTION OF THE NATIONAL LANGUAGE AS REFLECTED BY ITALIAN CINEMA. ATTEMPTS OF STANDARDIZATION AND INEVITABILITY OF RETURN TO DIALECTS

Cinema alongside with literature, radio and television serves as a means of diffusion and development of the national language in Italy where dialects are still widely used. After the invention of talking pictures scriptwriters and film directors, with some exceptions,

attempted to develop a standard language, which in its turn coincided with the trends of the national language policy at the beginning of the 20th century. Lately in Italian cinema, we can see a growing trend to use dialects that enable to explain the ideas of characters, to return to their origins and to get free of consumer society standards.

Key words: Italian language; cinema; dialects; standard language; phonetic characteristics; vocabulary.

Введение

Несмотря на появление и развитие новых форм аудиовизуальной продукции, язык кино продолжает занимать вызывать интерес лингвистов. С самого начала своей истории итальянский кинематограф отличался от кинематографа других стран (например, от голливудского) необыкновенной близостью изображаемого и изображающего. И именно эта репрезентирующая составляющая, включающая в себя лингвистические и социальные аспекты, является благодатной почвой для исследования. С одной стороны, язык кино становится прототипом для усредненного языка (и в этом смысле он крайне полезен как инструмент методики преподавания, благодаря разнообразию коммуникативных ситуаций и «вкраплению» диалектов, часто недоступных пониманию широкой публики). С другой стороны, отличие языка кино от письменной речи, также как и от живого разговорного языка – интересный повод для сравнения его с письменным и устным узусом. На протяжении всей своей истории язык итальянского кинематографа колеблется между двумя полюсами: жестким реализмом (и это относится не только к использованию диалекта в некоторых фильмах периода неореализма), воспроизведением многоязычного хаоса и упорядочением хаоса, сведением его к более-менее искусственным формам стандартизованного языка, между языком дубляжа (*doppiaggese*) и псевдодиалектными формами в комедиях по-итальянски и в фильмах так называемого розового неореализма 1950-х годов, возникшего как своеобразный лингвистический ответ на мало понятную широкой публике (и потому мало тиражируемую) диалектную насыщенность классического неореализма.

От «великого немого» до «кино белых телефонов»

Начиная с 1910-х годов, в итальянском немом кино появляются полноценные титры, увеличивается метраж, сюжеты становятся

более сложными, и появляется необходимость вербального дополнения экранного действия подробными описаниями и диалогами (об истории итальянского кинематографа см. [Кураш 2013]). Используется литературный язык, нередко отличающийся высокопарностью и изысканностью стиля. Известны случаи, когда авторами титров выступали известные писатели, по произведениям которых снимались фильмы. Например, Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938) лично участвовал в подготовке титров к фильму «Кабирия», его имя указано среди авторов. Язык, далекий от реального разговорного итальянского, был свойствен не только костюмным мелодрамам. Публика ожидала, что персонажи будут говорить на языке олимпийских богов настолько же далеко от действительности, насколько далека была большая часть населения от грамотности [Brunetta 1993, с. 6] – в Италии Закон об обязательном начальном образовании утвердили только в 1977 г. [Борисова 2018, с. 84]. Редким исключением стал фильм 1915 года «Assunta spina» режиссера Густаво Серены, в титрах которого встречаются элементы неаполитанского диалекта. Однако подобные проявления вызывали беспокойство как у пуристов, так и у власти. Так, в Королевском указе от 9 июля 1914 «О процедуре исполнения закона о надзоре за производством кинофильмов» [Regio decreto 1914, п. 352] говорилось о недопустимости использования диалектизмов и иностранных заимствований.

Хотя в большинстве первых звуковых фильмах превалирует литературно-мелодраматический стиль, свойственный титрам немого кино, все чаще встречается разговорный язык, диалекты и даже иностранные языки, что само по себе представляет интерес из-за противоречивости языковой политики в период фашистского двадцатилетия. Самым известным и значительным в этом отношении стал фильм «1860» Алессандро Блазетти (1900–1987). Он вышел на экраны в 1934 году и рассказывает о путешествии гарибальдийца через всю Италию от Сицилии до Альп. Географическая составляющая фильма обусловила использование в нем итальянских диалектов от юга до севера, а также французского, немецкого языков и латыни. Эту картину можно считать предшественницей знаменитого фильма периода неореализма Роберто Росселлини (1906–1977) Паиза (1946), в котором персонажи также говорят на разных диалектах и языках. Так, в фильме «1860» года встречаются реплики на:

- сицилийском диалекте:
ora tut e ne vai in paise co' patre Costanzo a pigghiari istruzioni precisi;
site piccioti, tempo n' avere; ritorno subito, Gisuzza, tantu arrivu au paisi;
va' a pigghiarmi 'u cavallu; gigghiu meu!; Garibaldi ha dettu ch' amu fattu
l' Italia;
- тосканском диалекте:
anche te tu vieni a Genova?; oh, bisognava vvedere a Firenze l' accoglienza
he gl' e stata fatta al nostro re!; io 'un so come la la pensa lei; oh,
intendiamoci, come uomo io gli fo tanto di cappello;
- пьемонтском
nduma = andiamo; suta = sotto;
- венецианском
non sta a pianser, mama! и др.

В определенной степени реально существующий в жизни плюрализм стилей и диалектов встречается и в так называемом кино белых телефонов [Богемский 1989], продолжающем традиции итальянской комедии. Например, персонажам, исполненным Витторио Де Сикой (1901–1974) в фильмах Марио Камерини (1895–1981), совмещается и официально-деловой стиль и разговорный с вкраплениями диалекта и иностранных заимствований.

В откровенно пропагандистских фильмах того периода тоже встречаются диалектизмы, что является свидетельством лицемерной природы фашистского режима. С одной стороны, мы видим стремление создать образ современного, эффективного, сплоченного и сильного государства с единым литературным языком (что расходится с реальной отсталостью окраин и диалектальной раздробленностью), а с другой – чтобы завоевать поддержку широких масс населения, используется вызывающий сочувствие и симпатию образ простого человека из народа (чаще всего патриота и солдата), говорящего на диалекте.

Новое кино – новый язык

Полное переосмысление всего, что связано с жизнью простых людей из глубинки происходит в фильмах неореализма, где разговорный итальянский язык уже не является дополнительным декоративным

элементом и комическим приемом, а приобретает идеологическое значение, по праву принадлежащим массовому языку (а не языку избранных), который достоин народа, возрождающего послевоенную Италию, избавившуюся от фашизма. Впервые признано достоинство этого языка: на нем уже стали говорить герои фильмов в любых ситуациях и обстоятельствах, а не исключительно эпизодические персонажи и массовка.

Дискуссия о необходимости обновления итальянского кинематографа именно через изменения языка началась задолго до неореализма. С появлением первых звуковых фильмов журналисты, сценаристы и режиссеры чувствовали необходимость срочно найти компромисс между письменным итальянским, основанным на литературной традиции и разговорным языком с элементами диалектов, выработать язык, который они пока не слышали с подмостков театров и который, возможно, пока не узнавали в повседневной речи, хотя приемы, введенные в литературу Карло Гольдони (1707–1793), Алессандро Мандзони (1785–1873), Джованни Вергой (1840–1922) и Луиджи Пиранделло (1867–1936), несомненно, сказывались на общей языковой картине объединенной Италии. Это должен был быть красивый, понятный всем, но не закостенелый и консервативный язык, существующий в строго установленных грамматических и стилистических рамках. Одним словом, усредненный итальянский, или *неостандарт*, который, хотя и был описан лингвистами только в 1980-е годы [Sabatini 1985; Berruto 1987], уже ясно представлялся некоторыми кинокритиками еще в 1930-е годы.

Рассуждая о языке современного кинематографа, Паоло Милано отмечал, что «Необходимо искать подлинные примеры жизни итальянцев не в книгах и хрестоматиях <...>. Итальянцы не разговаривают на итальянском, обычно они говорят на диалекте и в любом случае на разговорном, а не на письменном языке...» (здесь и далее перевод А. Дадько) [Milano 1938, с. 10]. А Луиджи Коменчини отмечал взаимосвязь социума и языка, которые необходимо учитывать при создании сценария фильма: «Автор диалогов должен уметь разговаривать на языке рабочих и служащих, думать, как выдающийся писатель, который не боится слов. Действие лучшего итальянского фильма разворачивается на улицах и площадях Италии, где народ разговаривает, собираясь большими группами, на полях, где работает, в кафе, где отдыхает вечерами» [Comencini 1938, с. 6].

Некоторые видели в языке дубляжа наиболее удачные решения и для языка италоязычного кино, благодаря его усредненному стилю, эффектному, с короткими фразами, наполненному междометиями, элементами разговорного стиля – самому, что ни на есть разговорному языку. При этом, конечно, существовали и проблемы дубляжа (*doppiaggese*): кальки (часто англо-американские вроде *Non c'è problema, andare a vedere qd, dacci un taglio, datemi ancora cinque minuti, l'hai detto, non ci posso credere*), неестественность, отказ от диалектизмов и игнорирование речевого многообразия: портовый грузчик и профессор могли одинаково прекрасно говорить на общенациональном варианте итальянского языка без какого-либо акцента.

Следует признать заслугу комедии по-итальянски в апробировании почти всей гаммы языка кинематографа: от приближенного к норме с невыразительными элементами диалекта, иногда кажущегося искусственным и надуманным в репликах малозначительных персонажей, до буйства полилингвизма в экспрессионистской манере, продолжающего традиции комедии дель арте, например, Тотò (1898–1967) в «Бранкалеоне»; от костюмной сатиры до фарса с казарменным юмором. Можно также вспомнить некоторых узнаваемых и невероятно смешных персонажей, изъясняющихся на разговорном итальянском, например, героев фильмов Этторе Сколы (1931–2016) «Мы так любили друг друга», фильмы с участием Тотò и Паоло Вилладжо (1932–2017) в роли Уго Фантоцци, «великого наследника» Антонио Де Куртиса в том, что касается использования просторечных форм конъюнктива: все глаголы второго и третьего спряжения, оканчивающиеся на *-a*, в речи Фантоцци приобретают окончание *-i*: *venghi* вм. *venga*, *vadi* вм. *vada* и пр. О неправильных формах конъюнктива см. подробнее в [Della Valle, Patota 2014]:

- Allora, ragioniere, che fa? Batti!
- Ma mi dà del tu?
- No, no, dicevo: “Batti lei!”
- Ah, congiuntivo...

Полилингвизм в комедии по-итальянски пересекается с виртуозной языковой игрой в авторском кино. Прежде всего, речь идет о Федерико Феллини (1920–1993), который часто экспериментировал с языком. Помимо известных опытов по «смешиванию» итальянского,

диалектов и иностранных языков, он придумал несколько слов, вошедших в лексический состав многих языков: *дольчевита* и *панарацци* – в русском и др. языках, *amarcord*, *bidone*, *vitellone* – в английском и французском. Всё это примеры влияния кино на разговорный и письменный языки, используемые в жизни.

Некоторые примеры гибридизации итальянского языка и диалекта представляют особый интерес, например, фильм 1957 года «Бедные, но красивые» Дино Ризи (1916–2008). Здесь речь персонажей представляет собой разновидность римского диалекта «романеско», или, точнее, «недоделанного неитальянского», который становится символом лингвистического демократизма. Гибридность состоит в искусственном сочетании сложно совместимых элементов в речи одного носителя. Молодые римляне и другие персонажи фильма (большинство из которых озвучено другими актерами) живут в самом центре города и в социокультурном плане относятся к низшему слою общества. Тем более удивительно слышать из их уст стандартизированное, соответствующее академической форме произношение. Например, дифтонг [uo] вместо монофтонга [o] – *buongiorno*, нёбный согласный звук вместо полугласного [j] – *l'avete svegliato, vogliamo*, вокальную апокопу вместо syllabической (*lo vogliamo far_ dormire, deve lasciar_ libero*), личные местоимения *le* и *gli* вместо римского *je*, полные формы вместе с апокопированными. В следующей реплике сталкиваются синтаксические плеоназмы вместе с нормативными морфологией и произношением:

Non *le* bastavo io a mamma che *le* volevo tanto bene? Dagli a *fa'* figli. Guarda che disgraziati che *sono* venuti fuori!

Таким образом, в фильме мы слышим диалект, переведенный на итальянский язык, для которого были выбраны «простые словосочетания из реально существующих диалектов и не использовались выражения, не понятные основной части населения страны» [Raffaelli 1996, с. 312]. И этот прием стал одним из самых оригинальных лингвистических изобретений итальянского кино, обреченных на многолетний успех. Массовый зритель оценил его и поддался заблуждению, поскольку привык соглашаться с кинематографическими условностями – язык-подделка (более близкий к письменному, нежели к разговорному), который исполнял роль живого диалекта. Впрочем, его можно считать таким же инструментом кинематографа, как монтаж,

дубляж, спецэффекты и изображение реальными людьми (актерами) вымышленных персонажей. Успех у публики, подобные фильмы заслужили, возможно, и потому, что «смогли освободить итальянцев, в частности, “косноязычных понаехавших” от страха “говорить неправильно” и побудить их изъясняться так, как они умеют, пусть и с нарушением установленных норм» [Raffaelli 2001, с. 884].

Фабио Росси выделяет десять функциональных особенностей диалекта в кинематографе [Rossi 2017, с. 21–24]:

1. Дополнительная краска в устах второстепенных персонажей для придания местного колорита.
2. Реалистично или документально воспроизведенный диалект, например, в фильме «Земля дрожит» (1948) Лукино Висконти (1906–1976).
3. Лирико-ностальгический диалект, как личные или исторические реминисценции в «8,5» (1963) и «Амаркорд» (1973) Федерико Феллини, «Дерево для башмаков» (1978) Эрманно Ольми (1931–2018), фильмы Пьер Паоло Пазолини (1922–1975).
4. Символический диалект. Используется для речевой характеристики персонажей, акцентирования их происхождения или социальной принадлежности, для преодоления трудностей в налаживании общения с окружающими. Это римский диалект Альберто Сорди (1920–2003) и американские фильмы об итальянской мафии.
5. Диалектная маска. Типичный прием комедии по-итальянски, где аналогично Комедии дель арте каждому социальному типу соответствует определенный диалект, служащий своего рода маской.
6. Кривое зеркало – диалектные искажения и игра слов для создания комического эффекта в игре Тотò, Пеппино (1903–1980) и Титина Де Филиппо (1898–1963), Альдо Фабрици (1905–1990) и пр.
7. Преувеличенный диалект. Отображение коммуникативных трудностей, возникавших в силу политической и лингвистической раздробленности страны.
8. Диалект в качестве карикатуры. Вариант трех предыдущих функций, получивший развитие в 1980-е годы. Комикование в стиле телевизионного кабаре, прямой потомок конференса.

9. Переход диалекта к жаргону – первые работы Нанни Моретти (1953) и Массимо Троици (1953–1994). Диалект, или региональный итальянский, который до сих пор используется в Италии и является единственным выбором молодых людей для идентификации себя в определенном временном пространстве и конкретной социальной группе.
10. Отрицание диалекта (чаще всего в телесериалах). Нередко сюжет, место действия и статус персонажей требуют употребления диалекта, но звучит (за редким исключением) общенациональный вариант итальянского языка.

Из недавних фильмов, где диалект и иностранные языки имеют символическое и идеологическое значение, стоит отметить фильмы Эмануэле Криалезе (1965), в которых остров (Сицилия и окружающие ее малые острова) становится метафорой изоляции и самоизоляции, в том числе языковой. Больше всего это ощущается в фильме 2011 года «Материк». В нем худшая сторона итальянизации (метафора глобализации) представлена в образе дяди главного героя, говорящем на итальянском. В то же время диалект играет в фильме двойную роль: это средство идентичности и ограничения. Главный герой – молодой парень рыбак Филиппо не способен оторваться от своей родной среды и поэтому более привязан к деду, тоже рыбаку. Филиппо говорит на архаичном диалекте острова Лампедузы или молчит, как немой (вследствие психологических, а не физиологических причин), что противопоставляется неумной болтовне туристов с севера, с которыми он взаимодействует и вступает в конфликт. Этот дефект Филиппо мешает освобождению, восстанию, изменению – парень не только отказывается уехать с острова, но и улучшить свое социальное положение. Его молодая мать, более продвинутая, чем сын, пробует растормозить его, призывая перейти с диалекта на итальянский. В одном из эпизодов она упрекает его: «Ты даже по-итальянски разговаривать не умеешь!».

Выбор языковых средств в этом фильме иллюстрирует не только отношения между поколениями, но и между глобальной и локальной перспективами. Внуку гораздо ближе локальная перспектива деда, чем перспектива дяди. В то время как мать находится как бы посередине и выступает посредником. Именно взаимодействие матери, деда, внука и мигрантов (становящихся новой лингвистической

составляющей жизни острова) определяет в идеале перспективу, вмещающую глобальное и локальное (бегство из микромира в макромир при сохранении гордости за свою идентичность и все, что с ней связано), то есть разрыв с прошлой жизнью и перемены. После первоначального неприятия нового и иного, представленного африканскими мигрантами, спасшимися благодаря деду и разыскиваемыми властями, Филиппо с одобрения матери и деда помогает беженцам, незаконно пересекшим границу, бежать с острова. Чтобы диалоги на малопонятном диалекте были доступны зрителю, во многих современных фильмах используются субтитры. Таким образом наблюдается своего рода сопротивление унификации итальянского языка и оспаривание принадлежности ее отдельных областей Италии.

Заключение

Если еще несколько десятилетий назад язык итальянского кино был направлен на упорядочение хаоса, то сегодня создается впечатление, что его лингвистическое разнообразие знаменует собой возврат к хаосу, под которым подразумевается ненормализованное многообразие реальной жизни, в том числе и жизни языка. Тем не менее этот хаос, представленный итальянскими фильмами последних лет, не всегда выходящими на большой экран и распространяемыми в Сети, плодотворен, поскольку оказывает в том числе и лингвистическое воздействие на зрителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богемский Г. Д. Кино Италии. Неореализм: 1939–1961. М.: Искусство, 1989. [Bogemsky, G. D. (1989). *Kino Italii. Neorealism: 1939–1961 (Cinema of Italy. Neorealism: 1939–1961)*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)].
- Борисова Е. С. Роль радио в формировании *italiano standard* в период фашистского двадцатилетия // *Verbum*. 2017. № 8. Vilniaus. P. 83–92. [Borisova, E. S. (2017). *Rol radio v formirovanii italiano standard v period fashist-skogo dvadzatiletija. Verbum, 8. Vilniaus, 83–92*]. URL: <http://www.zurnalai.vu.lt/verbum/article/view/11338>.
- Brunetta G. P. *Storia del cinema italiano*. Roma: Editori Riuniti, 1993.
- Comencini L. La mostra cinematografica di Venezia // *Vita giovanile*. 1938. I, 15.
- Milano P. L'italiano del cinema // *Cinema*. 1938, III, 49.
- Raffaelli S. La parola e la lingua, in Brunetta // Gian Piero (a cura di). *Storia del cinema mondiale, V, Teorie, strumenti, memorie*. Torino: Einaudi, 2001.

Raffaelli S. Il cinema in cerca della lingua. Vent'anni di parlato filmico in Italia (1945–1965) // *Identità italiana e identità europea nel cinema italiano dal 1945 al miracolo economico*. Torino: Fondazione Giovanni Agnelli, 1996. Pp. 309–335.

Rossi F. L'italiano al cinema, l'italiano del cinema: un bilancio linguistico attraverso il tempo // *Patota Giuseppe, Rossi Fabio "L'italiano al cinema, l'italiano del cinema"*. Firenze: Accademia della Crusca, Firenze: goWare, 2017. Pp. 21–24.

Е. С. Вареник

аспирантка кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
katuhka063@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ КУЛИНАРНОГО ДИСКУРСА
КАК СУБЖАНРА ИНСТРУКЦИИ¹**

В статье исследуются вербальные и невербальные особенности инструктивного типа дискурса на материале кулинарного рецепта. В процессе полимодального исследования устного дискурса выявляются языковые и жестовые паттерны, которые анализируются с помощью методов количественного и качественного анализа. В результате анализа подтверждается гипотеза о дискурсивном характере жестов, сопровождающих речь.

Ключевые слова: инструктивный дискурс; кулинарный рецепт; жестовая функция; полимодальность.

E. S. Varenik

Post-graduate student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University
katushka063@mail.ru

**FEATURES OF CULINARY DISCOURSE
AS A SUBGENRE OF INSTRUCTION**

The article is devoted to the study of the verbal and non-verbal features of the instructive type of discourse based on the material of the culinary recipe. In the course of the multimodal study of oral discourse, language and gesture patterns are identified, which are analyzed using methods of quantitative and qualitative analysis. The analysis confirms the hypothesis of the discursive nature of gestures that accompany speech.

Key words: instructive discourse; culinary recipe; gesture function; multimodality.

Вступление

Среди всех устных типов дискурса инструкция остается одной из наименее изученных. В большинстве случаев объектом исследований

---

¹ Исследование выполнено в МГЛУ в рамках государственного задания Минобрнауки России (№ 0703-2020-0021; тема НИР АААА-А20-120071690041-3).

являлись письменные тексты инструкций официально-делового стиля, например, аннотации к лекарствам и различному оборудованию, пользовательские инструкции и рекомендации по применению различных товаров [Носова 2013; Канащук 2011; Кондрашкина 2015]. Однако нам представляется не менее важным изучать также устный тип инструкции. В настоящей статье описаны результаты полимодального исследования языковых и жестовых особенностей устного неформального варианта инструктивного дискурса, а именно – кулинарного рецепта, который, вслед за [Буркова 2004], мы относим к жанру инструкции.

Языковые особенности кулинарного рецепта

Одной из основных работ, посвященных исследованию текста кулинарного рецепта, является исследование П. П. Бурковой, проведенное на материале русского и немецкого языков [Буркова 2004].

Кулинарный рецепт определяется автором как «письменный, монологический, подготовленный, лапидарный текст, хранящий информацию «накопительного» характера, рассчитанную на длительное использование, при этом автор имеет преимущество перед адресатом в определенной области знаний, который может приобрести необходимые знания и умения» [Буркова 2004, с. 10]. Ученый обращает внимание на то, что кулинарный рецепт может функционировать как в поваренной книге, так и в художественном тексте и является отражением обычаев и традиций, а также средством национальной идентификации и фрагментом картины мира.

Мы понимаем кулинарный рецепт более широко, а именно, считаем, что помимо письменного не менее важен и частотен устный тип такой инструкции, а сферы его функционирования значительно расширились с развитием интернета и других цифровых технологий. В частности, огромную популярность получили кулинарные телепередачи и видеоролики в социальных сетях.

Кулинарному рецепту традиционно присущи такие черты, как алгоритмичность и рекомендательный характер. Каждое действие совершается определенным образом и в строго установленной последовательности. Язык инструкции также должен быть четким, ёмким и лаконичным.

Структура кулинарного рецепта состоит из четырех блоков:

- название;
- список ингредиентов;
- описание способа приготовления (алгоритм);
- заключительный блок, содержащий дополнительную информацию.

В отличие от других жанров инструкции, текст кулинарного рецепта может воздействовать на сенсорную сферу реципиента, которая активизируется благодаря лексическому слою текста, насчитывающему большое количество именных и атрибутивных конструкций с положительной коннотацией (*вкусный, воздушный, ароматный, пышечка*). Ведущими модальностями являются вкусовая и зрительная.

Письменный текст кулинарного рецепта (например, в поваренной книге) обладает чертами научно-популярного стиля, что предполагает наличие четкой структуры, рациональную организацию и нейтральный тон изложения информации, специфические для данной области знания термины, а также доступное и понятное широкому кругу читателей изложение информации за счет элементов разговорного дискурса (эмоциональное и оценочное).

Устный вариант кулинарного рецепта, проанализированный в данной статье, носит, скорее, неформальный характер. Участники эксперимента не были профессиональными фуд-блогерами, их речь была неподготовленной, а значит, не отличалась ни четкой структурой, ни организацией, ни последовательным изложением информации. Вместо этого появлялись сбои в ритмической и семантической организации дискурса, копулярные глагольные конструкции (с глаголом «быть»), междометия и стилистически сниженная лексика.

Текст кулинарного рецепта обладает рядом особенностей на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Морфологическая структура достаточно однообразна. В кулинарном рецепте преобладают самостоятельные части речи, а именно – имена существительные и глаголы. Личные местоимения, напротив, употребляются достаточно редко.

Распределение имен существительных по всему тексту неравномерно: они являются основными лексическими единицами в интродуктивном блоке, а также на этапе перечисления ингредиентов. Такое распределение особенно заметно в письменном варианте кулинарного рецепта, где увеличение числа существительных в данных частях

кулинарного текста происходит из-за использования производных от глаголов, прилагательных и наречий (*тушение, запекание*), что может рассматриваться как проявление тенденции к экономии языковых средств и компрессии текста.

В устном варианте кулинарного текста доминирующая роль именных конструкций особо заметна на этапе перечисления ингредиентов, которые представляются, как правило, списком вначале.

Местоимения малочисленны, но отличаются большой частотой повторения. В большинстве случаев они заменяют имена существительные и относятся к разрядам личных, притяжательных и определительных.

Глаголы, используемые в тексте кулинарного рецепта, в большинстве случаев являются глаголами действия, поскольку данный текст представляет собой строго определенную последовательность действий, совершаемых для получения желаемого результата.

Еще одной особенностью глагольных конструкций для инструктивного дискурса является повелительное наклонение, выраженное инфинитивом и инфинитивными конструкциями с модальными словами, передающими значения возможности / невозможности, необходимости. Такая форма изложения подчеркивает объективность процесса и его независимость от адресанта: «Предложение с инфинитивом лишено авторской субъективности и даже всякой связи с говорящим» [Кристева 2004].

Синтаксическая организация текста кулинарного рецепта характеризуется простыми предложениями, последовательно выражающими ход выполнения действий. Обычная длина предложения в тексте кулинарного рецепта составляет 7–9 слов. Короткие односоставные предложения помогают синхронизировать текст с конкретными этапами приготовления блюда. Читатель последовательно читает предложение за предложением и выполняет соответствующие действия. Процесс происходит поэтапно и линейно, чтобы не возникало помех для прагматической координации. Устному варианту кулинарного текста присущи те же синтаксические особенности.

Жестовые особенности устного кулинарного рецепта

Для сбора данных об особенностях функционирования жестов в устном инструктивном дискурсе, необходимо было провести

эксперимент, в котором испытуемые продуцировали бы инструктивный дискурс в кулинарной области, например, учили собеседника готовить блюдо. Такой эксперимент был проведен в лаборатории «Полимод» Центра социокогнитивных исследований дискурса СКО-Дис Московского государственного лингвистического университета Е. С. Вареник, ассистент М. Г. Дудкинская.

В начале эксперимента участнику было предложено посмотреть видео о приготовлении лазаньи¹. Перед ними стояла цель запомнить как можно больше информации с тем, чтобы потом научить готовить лазанью ассистента, который, якобы, должен был приготовить это блюдо по памяти на следующий день. Испытуемые не знали о настоящей роли ассистента и считали его вторым участником эксперимента. Во второй части эксперимента испытуемым предлагалось научить «второго участника эксперимента» готовить свое любимое блюдо.

Из всего корпуса видеопримеров было проанализировано 74 минуты 31 секунда, что включает в себя монологи 18 испытуемых (среди них 16 девушек и 3 юношей). В эксперименте принимали участие студенты Московского государственного лингвистического университета, большинство из которых являлось студентами 2-го курса факультета английского языка. Все студенты, принявшие участие в эксперименте, являлись носителями русского языка. Языком эксперимента также был русский.

Поскольку настоящая работа представляет собой полимодальное исследование, были проанализированы только те языковые конструкции, которые сопровождались жестами. Коммуникативные единицы, в которых присутствовала только одна модальность, вербальная или невербальная, не были включены в корпус примеров.

В основе нашей классификации жестов лежит функциональная типология, предложенная А. Ченки [Cienki 2013]. Исследователь выделил реферирующую (указательные и репрезентирующие жесты), дискурсивную и прагматическую функции жестов. В процессе анализа данных мы разделили эти функции на более частные. Получившаяся классификация жестов, а также результаты анализа видеоданных, представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы, наиболее часто повторяющимися жестами были дискурс-структурирующие жесты. Они выполняют функцию

---

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hoCMJxaro9w>.

Таблица 1

Жестовые особенности устного кулинарного рецепта

Прагматические жесты	145 (10%)
Дискурс-формулирующие жесты	26 (2%)
Дискурс-структурирующие жесты	600 (42%)
Репрезентативные жесты с именными конструкциями	248 (17%)
Репрезентативные жесты с глагольными конструкциями	414 (29%)
Общее количество жестов	1433
Общее количество слов	7782
Слова / жесты	5,4

структурирования дискурса и используются для выражения перечисления, противопоставления, а также для невербальной акцентуации важных фрагментов дискурса (см. рис. 1). Жесты данного типа составляют почти половину (42%) всех жестов, использованных говорящими при продуцировании кулинарной инструкции, в силу вербальных компонентов данного дискурса, которые часто являются носителями фокусной информации и выделяются невербально: ингредиенты, этапы приготовления блюда, советы и замечания по приготовлению блюда.

Так, на рисунке 1 мы видим девушку, которая описывает начальный процесс приготовления лазаньи и выделяет жестом важную деталь: вода должна быть горячей.

Вторыми по частотности являются репрезентативные жесты, коррелирующие с глагольными конструкциями. Жесты данной функции иллюстрируют семантическое значение, выраженное в глаголе. На рисунке 2 говорящая жестом показывает действия, совершаемые при процессе растопления масла.

Доля жестов данной функции (29%) достаточно велика также из-за вербальных особенностей инструктивного дискурса, который характеризуется разнообразными глаголами действий, сопровождающих

Рис. 1. «В горячую воду»

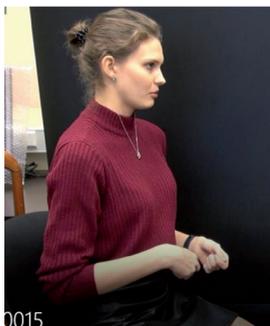

Рис. 2. «Растопить там растительное масло»

Рис. 3. «Вот эти штучки из теста»

Рис. 4. «Так... начнем сначала»

Рис. 5. «Несколько минут... около 10»

каждый этап приготовления блюда. В центре внимания кулинарной инструкции находится именно последовательность действий, процесс, а не объекты действий, что объясняет почти вдвое большее количество репрезентативных жестов, сопровождающих глагольные конструкции, по сравнению с репрезентативными жестами, сопровождающими именными конструкциями (17%). Последние репрезентируют свойства и характеристики объектов, например, размер, форму и т. д. На рисунке 3 участница эксперимента показывает форму и размер листов теста для лазаньи.

Несмотря на то, что коммуникативной задачей испытуемых было научить второго участника эксперимента готовить лазанью и их

любимое блюдо, что подразумевает активную интеракцию между партнерами по коммуникации, прагматические жесты, имеющие функцию обращения к собеседнику, были использованы сравнительно редко (10%). Жесты данного типа имеют функцию обращения к собеседнику, а также помогают говорящим невербально выразить свое отношение к тому, о чем они говорят. Мы предполагаем, что для говорящих было важнее подчеркнуть ключевые моменты рецепта, а также проиллюстрировать действия, совершаемые для приготовления лазаньи, чем установить невербальный межличностный контакт, который поддерживался за счет зрительного контакта. Имеющиеся жесты данной категории в большинстве случаев были употреблены во второй части исследования, где испытуемые рассказывали о своих любимых рецептах и были более вовлечены в процесс инструктирования. На рисунке 4 девушка активно машет руками как бы говоря «я что-то не то сказала, забыли, давайте попробуем еще раз».

Самой малочисленной (2%) является группа дискурс-формулирующих жестов, которые используются при возникновении трудностей с продуцированием фрагмента дискурса. Нечастое употребление жестов данной функции, по-видимому, можно объяснить относительной легкостью самого задания, в ходе которого участники

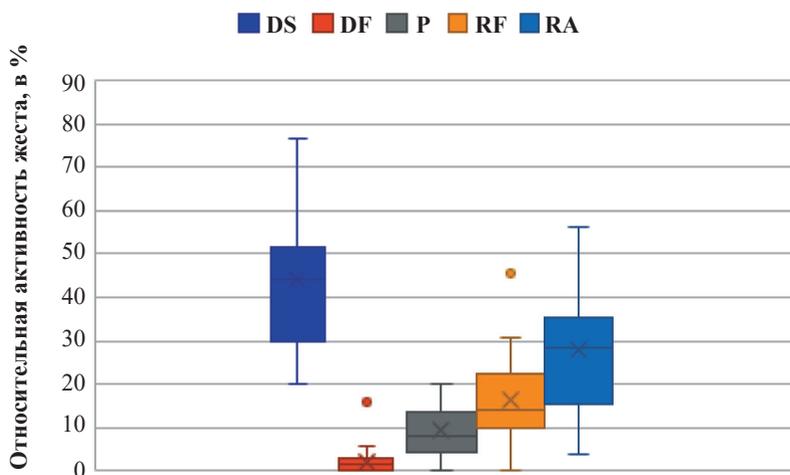

Рис. 6. Диаграмма размаха показателей относительной активности пяти типов жеста в инструктивном дискурсе

эмпирического исследования запоминали и воспроизводили фрагменты дискурса небольшой протяженности, в которых отсутствовала сложная для запоминания информация. На рисунке 5 участница эксперимента долго не могла вспомнить, сколько времени нужно запекать лазанью, и совершала повторяющиеся движения рукой, как будто помогавшие ей говорить.

На рисунке 6 приведена диаграмма размах выборки относительных показателей активности пяти типов жеста в инструктивном дискурсе. Видно, что наибольшей вариативностью обладают дискурс-структурирующие (DS) жесты и репрезентативные жесты, представляющие действие (RA). При этом распределение показателей по двум типам жеста, дискурс-формулирующие (DF) и репрезентативные жесты, представляющие форму (RF), не является нормальным, так как допускает выбросы.

В связи с этим для анализа сопряженности индивидуальных показателей относительной активности типов жестов и усредненных показателей применяется анализ корреляции с применением коэффициента корреляции Спирмана.

Анализ проведен при установлении сопряженности (с применением коэффициента r -Spearman) относительных показателей участников и относительных суммарных показателей активности. Результаты приведены в таблице 2.

Таблица 2

Абсолютные и относительные показатели активности жеста, показатели сопряженности (r -Spearman) распределения относительной активности жестов и относительной суммарной активности по каждому участнику в инструктивном дискурсе

Участники	Активность типов жеста, абс. и относит.					r -Spearman
	DS	DF	P	RF	RA	
ID1	15	2	3	4	10	
	44.126	5.88	8.82	11.76	29.41	0.98
ID2	16	0	4	1	4	
	64	0	16	4	16	0.88

Участ- ники	Активность типов жеста, абс. и относит.					r-Spear- man
	DS	DF	P	RF	RA	
ID3	29	1	9	17	16	
	40.28	1.39	12.5	23.61	22.22	0.95
ID4	69	2	9	24	40	
	47.92	1.39	6.25	16.67	27.78	1.00
ID5	58	2	22	21	29	
	43.94	1.52	16.67	15.91	21.97	0.96
ID6	57	5	14	12	41	
	44.19	3.88	10.85	9.3	31.78	0.97
ID7	23	1	4	22	22	
	31.94	1.39	5.56	30.56	30.56	0.81
ID8	24	0	14	25	48	
	21.62	0	12.61	22.52	43.24	0.62
ID9	59	3	3	9	3	
	76.62	3.9	3.9	11.69	3.9	0.82
ID10	35	0	31	35	53	
	22.73	0	20.13	22.73	34.42	0.64
ID11	55	0	6	24	49	
	41.04	0	4.48	17.91	36.57	0.96
ID12	37	0	3	8	26	
	50	0	4.05	10.81	35.14	0.98
ID13	17	2	5	7	40	
	23.94	2.82	7.042	9.86	56.34	0.6
ID14	38	0	2	5	6	
	74.51	0	3.92	9.8	11.76	0.89
ID15	41	1	5	15	10	

Участ- ники	Активность типов жеста, абс. и относит.					r-Spear- man
	DS	DF	P	RF	RA	
	56.94	1.39	6.94	20.83	13.89	0.91
ID16	7	0	7	16	5	
	20	0	20	45.71	14.29	0.19
ID17	1	0	0	0	1	
	50	0	0	0	50	0.89
ID18	19	7	4	3	11	
	43.18	15.91	9.09	6.82	25	0.86
Сумма	600	26	145	248	414	
	44.28	2.19	9.38	16.14	28.01	

Был выполнен расчет коэффициента корреляции Спирмана по показателям каждого участника в соотношении с относительными показателями, полученными для всей выборки в целом. При критическом r -Spearman для данного размера выборки и $p=0.01$ значимыми будут показатели, превышающие 0.77. Таким образом, распределение показателей четырех испытуемых не демонстрирует сопряженность с характерным распределением показателей жестов по данному типу дискурса. Однако наличие высоких индексов корреляции у 14 других испытуемых свидетельствует о стабильности распределений типов жестов в данном типе дискурса, что подтверждает дискурсивный характер жестов, сопровождающих речь. Стоит также отметить, что для того, чтобы сделать более точные выводы о дискурсивном характере жестов в устном инструктивном типе дискурса, необходимо проанализировать большее количество данных, собранных от большего числа испытуемых.

Заключение

Результаты количественного и качественного анализа видео данных, собранных в результате эксперимента, выявляют ряд вербальных и жестовых особенностей устного неформального инструктивного

дискурса, в частности, кулинарного рецепта, и подтверждают гипотезу о детерминации дискурсом функционирующих в нем жестов.

Устный инструктивный дискурс имеет те же морфологические, синтаксические особенности, что и письменный, однако он менее структурирован и носит неформальный характер.

В качестве жестовых особенностей можно выделить доминирование дискурс-структурирующих жестов, что связано со стремлением говорящих невербально подчеркнуть важные компоненты, этапы рецепта, а также репрезентативных жестов, коррелирующих с глагольными конструкциями, что объясняется большим количеством смысловых глаголов, находящихся в вербальном и невербальном фокусе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Буркова П. П. Фреймовая организация текста кулинарного рецепта // Актуальные вопросы социальной теории и практики: сборник научных статей. М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола. 2003. Вып. 1. Ч. 1. С. 297–304. [Burkova, P. P. (2003). Frame organization of the text of a cooking recipe. *Aktual'nye voprosy social'noj teorii i praktiki: sbornik nauchnyh statej. Moscow: Ileksa; Stavropol': Servisshkola, 3 (1), 297–304.* (In Russ.)].
- Канащук С. А. Структурные, стилистические и коммуникативные особенности традиционных текстов дискурса инструкций // Вестник Томского государственного университета. Серия: Языкознание. 2011. № 344. С. 18–21. [Kanashchuk, S. A. (2011). Structural, stylistic, and communicative features of traditional discourse texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yazykoznanie, 344, 18–21.* (In Russ.)].
- Кондрашкина Е. Ю. Инструктивный дискурс в коммуникативно-прагматическом аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 55–62. [Kondrashkina, E. Yu. (2016). Instructional discourse in the communicative-pragmatic aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya, 5, 55–62.* (In Russ.)].
- Кристева Ю. Избранное: разрушение поэтики. М.: Российская политическая энциклопедия. 2004. [Kristeva Yu. (2004). *Izbrannoe: razrushenie poetiki.* М.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (*Favorites: The Destruction of Poetics*). Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].
- Носова Л. Н. Особенности адресации в письменном фармацевтическом дискурсе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3. С. 158–160. [Nosova L. N. (2013). Features of addressing in written

pharmaceutical discourse. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* 3, 158–160). (In Russ.)].

Cienki A. (2013). Grammar, Space, Gesture and Cognition. In P. Auer, M. Hilpert, A. Stukenbrock & B. Szmrecsanyi (eds.), *Space in Language and Linguistics* (pp. 667-686). Berlin: De Gruyter.

Т. Н. Дренясова

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры скандинавских, нидерландского
и финского языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
nedcent@yandex.ru

ИНФИНИТИВ В СИСТЕМЕ НИДЕРЛАНДСКОГО ГЛАГОЛА: СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается инфинитив как особая глагольная форма, вошедшая в систему глагола нидерландского языка. Анализируются наиболее значимые аспекты употребления инфинитива в нидерландском языке по сравнению с близкородственными германскими языками – английским и немецким. Рассматривается частотность употребления инфинитива как характерной черты грамматического строя нидерландского языка. Исследование основано на обобщении работ ведущих отечественных и зарубежных лингвистов.

Ключевые слова: нидерландский язык; глагольная система; инфинитив; категория; модальный глагол; предикатив; частотность.

T. N. Drenyasova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
nedcent@yandex.ru

THE INFINITIVE IN THE DUTCH VERB SYSTEM. SEMANTIC AND GRAMMATICAL ASPECT

The article considers the infinitive as a special verb form, which is included in the verb system of the Dutch language. The article analyzes the most significant aspects of the use of the infinitive in the Dutch language in comparison with the closely related Germanic languages – English and German. The frequency of the use of the infinitive as a characteristic feature of the grammatical structure of the Dutch language is considered. The research is based on the generalization of the works of leading Russian and foreign linguists.

Key words: Dutch; verb system; infinitive; category; modal verb; predicative; frequency.

Введение

Одной из дискутируемых в современной лингвистике и, в частности в германистике, является проблема инфинитива как «неопределенной формы», обладающей глагольными и именными характеристиками, и которую исследователи связывают с одной из двух знаменательных частей речи – именем или глаголом.

Исходной точкой подобной двойной интерпретации является, в том числе, историческое происхождение инфинитива в индоевропейских языках как формы имени со значением действия, перешедшей в парадигму глагола, и вся история последующего развития инфинитива рассматривается как история его постепенного включения в глагольную систему.

Неопределенность в отношении инфинитива присутствует в теориях многих западных и российских ученых. Так, французские лингвисты Ф. де Соссюр, Л. Теньер, Э. Бенвенист, а также представители фортунатовской школы склонялись к пониманию инфинитива как именной формы, считая, что инфинитив не является центром глагольной системы и не принадлежит к числу предикативных форм глагола. В то же время большинство английских и немецких ученых-лингвистов, такие как Л. Блумфильд, Г. Шухардт, Г. Пауль и другие придерживаются мнения о принадлежности инфинитива к числу глагольных форм.

Трактовка инфинитива как особой глагольной формы представлена в работе В. Н. Ярцевой [Ярцева 1976], где автор определяет инфинитив (от *лат. modus infiniivus* – неопределенный способ) как исходную форму, обозначающую действие вне связи с его субъектом, т. е. безотносительно к лицу, числу, времени и наклонению и где доказательно показано, что «свойственная инфинитиву “абстрактность” в назывании действия способствует тому, что в инфинитиве практически всегда выражается меньше глагольных категорий, чем в финитных формах, но отнюдь не означает, что их выражение вообще невозможно» [там же, с. 56]. Вместе с тем отмечается неразработанность вопроса о том, как в инфинитиве отражаются глагольные категории, выраженные в парадигме личных форм, какова степень «глагольности» инфинитива. Другие ученые предлагают также учитывать при определении принадлежности инфинитива к части речи и когнитивный аспект, указывая на то, что в частях речи находит отражение расчленение человеком окружающего мира [Кубрякова 1988].

Двойственная отнесенность при рассмотрении инфинитива решается в пользу глагола в определении, где инфинитив рассматривается как «нефинитная форма» глагола, которая характеризуется «меньшей категориальной нагруженностью», так как, в отличие от финитных форм, в инфинитиве не выражены такие категории глагола, как абсолютное время, наклонение, а также лицо и число. Благодаря меньшей категориальной нагруженности инфинитив в германских языках используется как словарная форма – «представитель глагольной леммы в словаре» [Большой энциклопедический словарь 1998, с. 198–199].

Анализ литературы по данному вопросу показывает, что проблема грамматического значения инфинитива в теоретических работах до сих пор остается неопределенной.

Инфинитив в нидерландском языке

В нидерландском языке, как и в других германских языках, инфинитив как именная форма глагола образовался в исторические периоды по германским моделям [Зеленецкий 2000] и сохранял двойственность употребления. В представленных ниже примерах видны следы склонения форм инфинитива в средненидерландском языке (в отличие от современного) [Wal M. van der 1992, с. 146]. Так, инфинитив с окончанием – *e* после *te* употребляется в форме дательного падежа, например:

- в средненидерландском: *daer hi vele te ligghene plach*;
- в современном нидерландском: *waar hij gewoon was veel te liggen*.

В средненидерландском языке встречался еще инфинитив и в форме родительного падежа:

- в средненидерландском: *Want hem begonste slapens lusten*;
- в современном нидерландском: *Want hij begon zin te krijgen in slapen*.

Если инфинитив выступал в качестве подлежащего или предиката, то он использовался в несклоняемой форме: *dits der heiligher kerken claghen*, в современном нидерландском – *dit is het klaghen van de heilige kerk*. Выступая в качестве предиката, инфинитив со вспомогательным глаголом *zullen* в языке средненидерландского периода уже использовался как аналитическая форма будущего, например:

Doe seide die wolf: “du bevuulst mi al Dwater, dat ic *drinken sal*” [Зеленецкий 2000, с. 247].

В последующие периоды развития нидерландского языка инфинитив, как и в других германских языках, тем не менее, входит в систему глагольных форм и традиционно представляет собой одну из трех основных форм глагола.

В современном нидерландском языке и близкородственных ему германских языках – английском и немецком при их генетической общности инфинитив как неличная форма глагола вошел в систему глагола и при минимальной категориальной нагруженности парадигмы форм инфинитива в каждом из этих языков имеются количественные и качественные отличия. Так, в нидерландском и немецком языках инфинитив имеет четыре основные формы, а в английском языке – шесть, в котором добавляются формы пассивного длительного инфинитива.

Четыре основные формы инфинитива в нидерландском языке – это две формы инфинитива действительного залога: инфинитив I и инфинитив II (перфектный), которые не имеют категории лица, числа и склонения. Разница между этими формами состоит в том, что инфинитив I обозначает действие, одновременное с действием, выраженном в сказуемом, без указания на определенное время, склонение или вид, например: *spreken, komen* (инфинитивы переходных глаголов имеют и категорию залога: *geven, nemen*), тогда как инфинитив II, который образуется из сочетания причастия II спрягаемого глагола с инфинитивом соответствующего вспомогательного глагола *hebben* или *zijn*, и, таким образом, представляя собой аналитическую форму глагола, обозначает предшествование действию, выраженному в сказуемом: *gesproken hebben, gekomen zijn*. По аналогичным моделям образуются две формы инфинитива страдательного залога – инфинитив I пассива: *geschreven worden* и инфинитив II пассива (перфектный): *geschreven zijn*. В случае с перфектными формами инфинитива представляется целесообразным говорить о категории относительного времени и вида, поскольку данные формы, выражая предшествование, употребляются только в составе сложного сказуемого.

С семантической точки зрения инфинитив в нидерландском языке может быть охарактеризован как форма, называющая действие само по себе в максимальном отвлечении от его грамматических характеристик. При таком вневременном употреблении инфинитив во всех трех германских языках выступает как словарная – «исходная» форма глагола.

Гораздо шире синтаксические функции инфинитива, который может выступать в предложении как подлежащее, определение и предикат. Например:

- как подлежащее: *нид. Slapen is goed voor je.* – или в форме **het leven, het lezen** – это так называемое вторичное субстантивирование (ср. с *нем. das Leben, das Lezen*);
- как определение: *нид. het te lezen boek.*

В то же время в германских языках наибольшую частотность синтаксического употребления инфинитив показывает в качестве предиката. Наиболее типичными позициями употребления инфинитива в нидерландском языке могут считаться позиции дополнения, т. е. инфинитив выступает в предложении чаще всего для обозначения предиката, зависимого от каузальных глаголов (*dwingen, veroorloven, verbieden* – *заставляет, разрешает, запрещает что-то сделать*), фазовых (*beginnen, doorgaan, eindigen* – *начинает, продолжает, заканчивает какое-либо действие*), модальных (*willen, kunnen, mogen, moeten u laten* – *хочет, может, требует, должен, позволять*), а также от глаголов, обозначающих эмоции и отношение субъекта к совершаемому действию (*houden van, haten, verkiezen, vrezen* – *любит, ненавидит, предпочитает, боится*) и словах типа *mogelijk, noodzakelijk* – *можно, нужно, нельзя*. Кроме модальных глаголов инфинитив в таких глагольных сочетаниях употребляется, в основном, с частицей **te**, сравните, например:

De moeder verbiedt haar zoon **te roken**.
 Hij begint **te stotteren**.
 Zij verkoos alleen **te blijven**.

Сравните:

Ze **moet** een aardig persoon **zijn**. Hij **wil** met het kind **spelen**.

Входя в структуру составного глагольного сказуемого, инфинитив попадает в предикативную зависимость от финитной формы данного сказуемого и в качестве зависимого компонента представляет собой так называемую подчиненную предикацию. Когда инфинитив подчинен финитной форме, он может быть субъектным (если его субъект совпадает с субъектом финитной формы), например: *Hij moet hard werken*, или объектным, например: *Zij verbiedt ons luid te spreken*, или имеет собственную субъектную соотнесенность.

Особенностью составного глагольного сказуемого с модальным глаголом в качестве финитной формы в нидерландском языке является употребление в конечной глагольной группе не одного, а нескольких инфинитивов I, обычно три-четыре, что нехарактерно для немецкого и английского языков. При таком употреблении модальный глагол показывает необычную валентность, причем в создаваемой цепочке инфинитивов встречаются и другие модальные глаголы. Особой частотностью отличаются сочетания *zullen – moeten* и *laten – moeten*, например:

...dat we onze economie harder *moeten laten werken*...

...onmogelijk dat de winkels zolang *zullen moeten sluiten*...

Необычным в синтаксическом употреблении инфинитива в нидерландском языке является его предикативное употребление в составе аналитической формы модальных глаголов, где инфинитив перенимает на себя функции причастия прошедшего времени как «замещающий инфинитив» (*infinitivus pro participio*)¹. Таким образом, инфинитив, который выполняет роль дополнительного уточнителя модальности, способа действия используется в композитном прошедшем времени как второй инфинитив вместо причастия прошедшего времени. Такое использование инфинитива получило название **правило двойного инфинитива**. Примеры по нидерландскому языку здесь и далее приводятся из [Geerts et al. 1984]:

Ik *kan* mijn horloge niet *vinden*;

Ik *heb* mijn horloge niet *kunnen vinden*.

Это правило также характерно и для близкородственного немецкого языка:

Er *will* das Buch *lesen*. Er *hat* des Buch *lesen wollen*.

Но если в немецком языке количество инфинитивов в аналитических формах времени от модальных глаголов ограничивается в основном двумя, то в нидерландском языке в таких конструкциях глагольных распространителей личной формы насчитывается значительно больше, например:

---

¹См. «Всеобщая грамматика нидерландского языка» [Geerts et al. 1984, с. 523].

Ze zijn in Groningen blijven gaan wonen.
Hij heeft altijd al in Spanje willen gaan wonen.

В аналитических формах модальных глаголов с двойным инфинитивом основная нагрузка по выражению грамматического значения времени приходится на вспомогательные глаголы *hebben* и *zijn*, в то время как инфинитив в качестве неличной формы глагола находится «в состоянии синтаксического покоя» [Богданов 1980, с. 171], что вполне соответствует дефиниции инфинитива как «неопределенной формы», например:

Door de gladheid hebben / zijn ze niet kunnen komen.
Ze heeft / is daar sindsdien nooit meer naar toe willen gaan.
Als voorzitter heeft / is hij tot het bittere einde moeten blijven.

Инфинитивы во втором полюсе нидерландского предложения

На фоне приведенных примеров употребления инфинитивов в конечной глагольной группе составного глагольного сказуемого особого внимания заслуживает порядок следования глагольных элементов, составляющих *второй полюс* нидерландского предложения [Geerts et al. 1984, с. 917]. Например, в предложении:

Ik zou jou wel eens hebben willen zien durven blijven staan kijken.

При этом, по мнению Ван дер Люббе [Lubbe v.d. 1958], между внешним порядком следования глагольных элементов – инфинитивов и внутренней структурой глагольного словосочетания устанавливается определенная взаимосвязь. Основной принцип этой взаимосвязи можно определить как расположение инфинитивов друг за другом соответственно смыслу предложения, при этом каждый новый инфинитив сообщает определенную дополнительную информацию о самостоятельном значимом глаголе справа, который замыкает цепочку инфинитивов. Такая схема расположения, показана на примере предложения:

Hij zei dat hij de chauffeur had willen laten blijven staan wachten [Geerts et al. 1984, с. 596–599].

За исходную форму берется модель предложения:

(Men zegt dat) de chauffeur wacht.

К нему начинают присоединять вспомогательные глаголы, каждый из которых что-то добавляет в характеристику смыслового глагола, в данном случае глагола *wachten*:

Men zegt dat de chauffeur *staat te wachten* (как ждет?)

Men zegt dat de chauffeur *blijft (staan wachten)* – т. е. *de chauffeur blijft, staat en wacht*.

Если в качестве следующего шага добавить в это предложение вспомогательный глагол *laten*, введя имплицитированное подлежащее инфинитива самостоятельного глагола и превратив, таким образом, слово *chauffeur* в прямое дополнение:

Men zegt dat de directeur de chauffeur *laat blijven staan wachten* (приказ директора).

Дальнейшее расширение инфинитивной группы может произойти при помощи модального глагола:

Men zegt dat de directeur de chauffeur *wil laten blijven staan wachten* (хочет отдать приказ).

И, наконец, добавляется вспомогательный глагол времени:

Men zegt dat de directeur de chauffeur *heeft willen laten blijven staan wachten*.

Таким же образом можно пойти в обратном направлении от полной модели предложения с расширенной инфинитивной группой до простой конструкции, постепенно отделяя от инфинитивной группы глаголы, стоящие слева от смыслового глагола. В результате мы получим предложение:

De directeur *laat de chauffeur blijven wachten*.

Подобное употребление инфинитивов, так называемое нанизывание глагольных распространителей личной формы представляет собой характерную черту глагольной системы нидерландского языка.

Заключение

В результате исторического развития инфинитив, оставаясь «неопределенной формой», или формой «неопределенного наклонения»,

вошел в глагольную систему нидерландского языка на правах особой глагольной формы, выражающей минимум глагольных категорий (в некоторых случаях – вид и залог). Основной функцией инфинитива, как наиболее отвлеченной неличной формы глагола, является, таким образом, называние действия, а не обозначение реального происходящего.

Частотность употребления инфинитива в нидерландском предложении является выражением характерной черты грамматического строя нидерландского языка, а именно, его вариативности, в данном случае в выражении различных модальных значений и в целом, модальности предложения. Проблема инфинитива затрагивает и когнитивный аспект, который выражается в своеобразии грамматического членения картины мира каждым отдельным языком, на что указывал Л. Вайсгербер, создавая свою теорию языковой картины мира. Благодаря своему своеобразию грамматического членения картины мира нидерландский язык занимает в ней отдельную «нишу», отличную от других языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богданов В. В. Семантико-грамматический статус инфинитива. Опыт типологического анализа // Исследования по семантике. Лексическая грамматическая семантика. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1980. С. 164–182. [Bogdanov, V. V. (1980). *Semantiko-grammaticheskij status infinitiva. Opyt tipologicheskogo analiza. Issledovaniya po semantike. Leksicheskaya grammaticheskaya semantika.* (Semantic-grammatical status of the infinitive. Experience of typological analysis). In: *Research on semantics. Lexical-grammatical semantics* (pp. 164–182). Ufa: Bashkir Univ. (In Russ.)].
- Зеленецкий А. Л. Глагол // Историческая грамматика нидерландского языка: в 2 кн. Книга 1: Фонология, морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 155–255. [Zeleneckij, A. L. (2000). *Glagol. Istoricheskaya grammatika niderlandskogo yazyka: in 2 books. Book 1: Fonologiya, morfologiya.* (Verb). In: *Historical grammar of Dutch Language Book 1* (pp. 155–255). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой когнитивной картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172. [Kubryakova, E. S. (1988). *Rol' slovoobrazovaniya v formirovanii yazykovoj kognitivnoj kartiny mira. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. YAzyk i kartina mira.* (The role of word-formation in forming the cognitive view of the world). In: *Role of human*

factor in Language. Language and View of the world (pp. 141–172). Moscow: Nauka. (In Russ.).

Ярцева В. Н. Глагольные категории в инфинитиве индоевропейских языков // Иранское языкознание: история, этимология, типология. / под ред. В. С. Расторгуевой. АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976. С. 54–63. [Yarceva, V. N. (1976). Glagol'nye kategorii v infinitive indoevropijskih yazykov. Iranskoe yazykoznanie: istoriya, etimologiya, tipologiya / pod red. V. S. Rastorguevoj. AN SSSR. In-t yazykoznanija. (Verbal categories in the infinitive of Indo-European languages). In: *Iranian linguistics: history, etymology, typology* (pp. 54–63). Moscow: Nauka. (In Russ.).]

Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. [Yartseva, V. N. (ed.), (1998). Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar'. Yazykoznanie. (*Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics*). Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya jenciklopedija. (In Russ.).]

Geerts G. [et al.] / ANS. Algemene Nederlandse Spraakkunst. Wolters-Noordhoff bv Groningen, The Netherlands; copyright Wolters Leuven, Belgium, 1984. (In Dutch).

Lubbe H. F. A. van der. Woordvolgorde in het Nederlands. Een synchrone structurele beschouwing. Assen, 1958. (In Dutch).

Wal M. van der. Geschiedenis van het Nederlands. Aula. Den Haag. 1994. (In Dutch).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БЭС – Большой энциклопедический словарь.

Е. М. Кирсанова, С. С. Польская

Кирсанова Е. М., кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
elena.kirsanova@mail.ru

Польская С. С., кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка № 4 факультета международного бизнеса
и делового администрирования, Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД РФ
polskaya7@gmail.com

**ВЫБОР СПОСОБА ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ:
ПО ПУТИ НАИМЕНЬШЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ**

В статье описывается эксперимент по выявлению самых эффективных стратегий перевода безэквивалентной лексики английского языка. Объект исследования – существительные, образованные от глаголов суффиксацией, способы перевода которых мы проанализировали. Согласно нашей гипотезе, прогнозировался приоритет описательного перевода, а также перевода с использованием других частей речи. Посредством таких общенаучных методов, как анализ и синтез данных, были сделаны выводы о приоритете способов транслитерации и создания неологизмов.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика; перевод безэквивалентной лексики; транслитерация; описательный перевод; генерализация.

Е. М. Kirsanova, S. S. Polskaya

Kirsanova E. M., PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of the English Language, Faculty of Translation and
Interpreting, Moscow State Linguistic University
elena.kirsanova@mail.ru

Polskaya S. S., PhD (Philology), Associate Professor at the English Language
Department # 4, Faculty of International Business and Business Management,
Moscow State Institute of International Relations (University) (MGIMO)
polskaya7@gmail.com

**CHOOSING THE MEANS OF TRANSLATING WORDS
WITH NO DIRECT EQUIVALENTS: GOING WITH THE EASIEST OPTION**

The article describes the experiment conducted to reveal efficient strategies of translating the English language lexis without direct equivalents in Russian. Our

interest was focused on the nouns made from verbs by suffixation, with further analysis of the translation techniques of such nouns. As per our hypothesis, descriptive translation will be the most common one, followed by translating using different parts of speech. Via such general scientific methods as obtained data synthesis and analysis, the conclusions were made on the priority of transliteration technique, along with creation of neologisms.

Key words: words with no-direct equivalents; translation of words with no-direct equivalents; transliteration; descriptive translation; generalization.

Введение

Проблема перевода лексики, которая не имеет эквивалентов в языке, на который осуществляется перевод, является важным аспектом, изучаемым в рамках теории перевода. Несмотря на существующие многочисленные теоретические изыскания и подробным образом разработанную классификацию способов перевода данной лексики, вопросы выбора наиболее оптимальных вариантов перевода таких лексических единиц остаются решенными не до конца, вызывая споры исследователей и переводчиков.

Под безэквивалентной лексикой понимаются «слова и устойчивые словосочетания исходного языка, не имеющие более или менее полных соответствий в виде лексических единиц переводящего языка» [Латышев 2000, с. 32]. Также подчеркивается, что они (такие слова) «не имеют аналога в лексической системе языка перевода, то есть такого готового слова или устойчивого словосочетания, которое можно поставить вместо него в переводе» [там же].

Предпосылки для эксперимента

В рамках данного исследования нас интересовала определенная группа существительных английского языка – существительные, мотивированные глаголами и образованные посредством их суффиксации:

To make policy – policy maker

To forecast – forecaster

To dine – diner

To earn – earner

Такого рода существительные «являются носителями отвлеченного действия или состояния с сохранением типичного для глагола

процессуального признака, совмещенного со значением существительного как части речи» [Шведова 2002, с. 52]. В большинстве случаев семантическое значение подобных существительных – это лицо, производящее действие (часто в рамках профессии или в рамках единовременного действия).

В русском языке также встречаются лексические единицы такого рода (*петь – певец, бежать – бегун, мыслить – мыслитель*). Однако их количество значительно меньше и ограничено определенным рядом глаголов. Таким образом, сталкиваясь с единицами такого рода в английском языке, переводящий испытывает затруднения. В результате, несмотря на определенную универсальность языкового выражения понятия «процесс», поиск эквивалентов в отношении таких единиц в русском языке может представлять определенный вызов на словообразовательном, грамматическом и лексическом уровне. Как справедливо указывают в этом отношении исследователи, «наличие в современных аутентичных текстах ... значительного количества безэквивалентной лексики препятствует адекватному пониманию англоязычного экономического текста» [Тер-Минасова 2007, с. 162]. Парадоксально, но «практически невозможно предложить какие-либо конкретные рекомендации в отношении перевода различных видов неэквивалентности, которая существует среди отдельных языков» (перевод авт.) [Baker 2011, с. 216].

Согласно классификации Л. С. Бархударова, который разделил безэквивалентную лексику на три разряда, такого рода лексические единицы могут быть отнесены к 3-му разряду – «случайные лакуны», лексические единицы, которым по каким-либо причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка» [Бархударов 1975, с. 195].

Данное исследование ставило целью выявить, к каким именно способам перевода этой лексики будут прибегать те, кто осуществляет ее перевод. Нами было выдвинуто предположение, что самым частотным используемым будет описательный перевод, так как, стремясь обеспечить наиболее точную семантизацию понятий, которых не существует в языке перевода, участники эксперимента будут прибегать к нему как к самому «безопасному» и надежному способу, посредством которого можно передать смысл предложенного им текста. Вторым по частотности использования, согласно нашему предположению, станет применение в процессе перевода других частей речи.

Как подчеркивают в этом отношении лингвисты, «если под переводом понимать бессмысленную подстановку слов в той же последовательности, что и в оригинале, тогда действительно дойдя до слова, у которого нет эквивалента, мы вынуждены остановиться <...>. Если же под переводом понимать передачу смысла, то есть мы воспринимаем слова, ориентируемся по ним, “вынимаем” смысл и облекаем его в присущую русскому языку форму, тогда никаких проблем не возникнет» [Фалалеев, Малофеева 2014, с. 155].

В проведенном нами эксперименте приняли участие 44 человека (6 языковых групп студентов-выпускников одного из университетов г. Москвы), средний возраст – 21 год, уровень знания английского языка – В2–С1. Перед всеми участниками ставилась задача: перевести с английского языка на русский предложения, в которых есть описанные нами выше существительные, мотивированные глаголами, уделяя таковым особое внимание при переводе. Полученные русскоязычные переводы были подробно проанализированы нами с целью выявления, какой именно способ перевода данных единиц являлся наиболее предпочтительным для участников эксперимента.

Все студенты-выпускники дали добровольное согласие на участие в данном исследовании и были осведомлены о его цели.

Методы и процедуры

В рамках нашего исследования использовались такие общенаучные методы, как анализ, обобщение и синтез полученных данных. Основным методом послужил метод сопоставительного анализа перевода с оригиналом, что дает ясную картину того, как преодолеваются переводческие трудности, относящиеся к специфике каждого из языков. Посредством количественного метода были интерпретированы полученные статистические результаты в отношении используемых способов перевода безэквивалентной лексики. После выполнения переводческого задания участники эксперимента также заполнили индивидуальные анкеты, в которых требовалось обосновать выбор того или иного способа перевода безэквивалентной единицы.

Каждый участник эксперимента получил для перевода небольшой англоязычный текст (250–255 знаков без пробелов). Каждый текст обязательно включал интересующую нас безэквивалентную единицу:

Таблица 1

Текст для перевода

Chicago Fed head Charles Evans also acknowledged that lowering the benchmark fed funds rate may be called for if activity softens more than expected or if inflation and inflation expectations continue to run too low. The central bank forecasters have faced public pressure from the Trump administration to keep rates low. (*The FT*)

Интерес для нашего эксперимента представляли существительные, не имеющие очевидных эквивалентов в русском языке. Среди способов, к которым прибегали участники эксперимента при переводе данных единиц, были отмечены следующие:

1. **Категория 1.** Транслитерация (policy makers – полиси-мейкеры, fixers – фиксеры).
2. **Категория 2.** Создание неологизма (forecaster – прогнозист)
3. **Категория 3.** Использование другой части речи (denier – отрицающий, earner – зарабатывающий).
4. **Категория 4.** Описательный перевод (policy makers – лица, разрабатывающие экономическую политику).
5. **Категория 5.** Замена единицы более общим понятием (strategist – специалист по стратегическим вопросам).

Таблица 2

Образец индивидуальной анкеты

Чем обусловлен выбор способа перевода слова *forecasters* (нужное подчеркнуть):

- легкость / быстрота данного способа
- возможность наиболее точно передать смысл данного слова;
- удалось подобрать необходимое слово в русском языке;
- только с помощью описания возможно передать в русском языке смысл переводимого слова
- с помощью других частей речи есть возможность перевода данного слова

Результаты перевода отрывков текстов были подвергнуты анализу с точки зрения перевода интересующих нас безэквивалентных единиц и представлены нами в виде следующего графика (см. график 1).

Способы перевода существительных, мотивированных глаголами

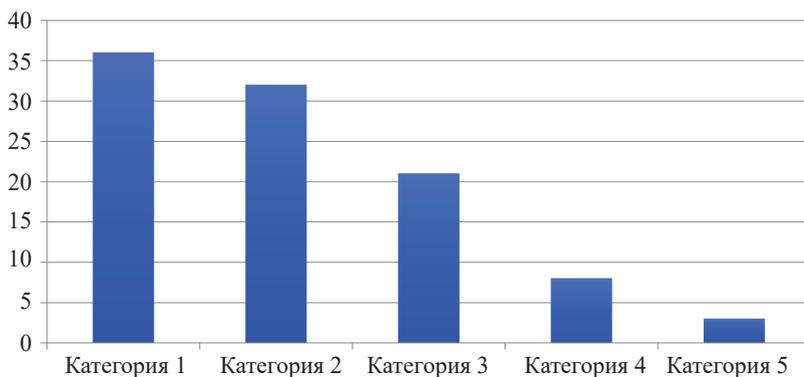

График 1. Процентное распределение способов перевода существительных, мотивированных глаголами по способам перевода

Как мы видим из данной таблицы, больше всего переводящие использовали способ транслитерации: 36% участников использовали данный способ. Еще одним популярным способом стало применение неологизмов (32%). 21% переводящих прибегли к помощи других частей речи, и, вопреки нашему предположению, только лишь 8% воспользовались описательным переводом. Обобщение понятия, т. е. его генерализация, составило 3%.

В таблице 3 нами приводятся наиболее яркие примеры перевода посредством указанных способов.

Таблица 3

Примеры перевода безэквивалентных единиц, означающих человека, который что-либо делает

Контекст / безэквивалентное слово	Перевод
Akihito Saito, <i>vehicle developer</i> , said that Toyota's new investment in its R & D center not only shows the importance we attach to R& D, but also...	Акихито Саито, <i>девелопер</i> транспортных средств, сообщил, что инвестиции компании Тойота в новый научно-исследовательский центр показывают не только ту важность, которую мы придаем научным разработкам, но и ... (=транслитерация)

Контекст / безэквивалентное слово	Перевод
<i>Price-cutters</i> represented by numerous companies, aim at undermining their competitors' performance	<i>Прайс-каттеры</i> , которые представлены многочисленными компаниями, преследуют цель подорвать деловую активность конкурентов (<i>транслитерация</i>)
The OECD <i>projectors</i> suggest price pressures remain subdued	<i>Прожектёры</i> из ОЭСР предполагают, что ценовое давление останется слабым (<i>транслитерация-неологизм</i>)
Data published by the Commodity Trading Commission shows that those who hold long position will be real <i>profit-makers</i>	Данные, опубликованные Комиссией по торговле сырьевыми товарами, указывают, что те, кто держит длинные позиции, станут настоящими <i>прибыльщиками</i> (<i>неологизм</i>)
The presence of these <i>defaulters</i> amid quite favorable economic situation casts certain doubts on the way these companies were managed in the past	Присутствие этих <i>дефолтеров</i> на фоне благоприятной экономической ситуации ставит под сомнение то, каким образом осуществлялось в прошлом управление этими компаниями (<i>транслитерация</i>)
<i>Negotiators</i> argued that a flood of imports would drive farmers to plant illegal crops	<i>Ведущие переговоры</i> утверждали, что избыточные объёмы импорта заставят фермеров сажать запрещенные культуры (<i>использование другой части речи</i>)
Labor market growth <i>deniers</i> assert that the number of unemployment benefits has risen almost twice recently	<i>Отрицатели</i> роста объёмов рынка труда утверждают, что в последнее время количество пособий по безработице увеличилось практически в два раза (<i>неологизм</i>)
Economic <i>planners</i> believe it will lead to a substantial increase in the UK and Europe imports of textile	<i>Экономисты-плановики</i> считают, что это приведет к значительному увеличению импорта текстиля в Великобритании и Европе (<i>неологизм</i>)
At Thursday meeting, the ECB <i>fixers</i> are set to take action in order to fight the threat of deflation	На встрече в четверг <i>фиксеры</i> ЕЦБ должны предпринять ряд действий, чтобы бороться с угрозой дефляции (<i>транслитерация</i>)
Masaki Kuwabara, a <i>strategist</i> at Nomura, said: "I'm sure Mr. Abe will be very happy with this GDP report	Масаки Кувабара, <i>специалист по стратегическим вопросам</i> из компании Nomura, сообщил: «Я уверен, что г-н Абе будет доволен отчетом по данным ВВП» (<i>генерализация</i>)

Контекст / безэквивалентное слово	Перевод
Large <i>oil pumpers</i> have ordered international energy companies to reduce their oil production by as much as 10%	Крупные <i>добытчики</i> нефти потребовали у международных энергетических компаний уменьшить производство нефти на целых 10% (<i>неологизм</i>)
Most <i>spenders</i> driven by lowering income do not open their wallets	Большинство <i>тратчиков</i> по причине уменьшения уровня дохода, не спешат открывать кошельки (<i>неологизм</i>)
Deutsche <i>Bankers</i> are expected to lead and manage this sale	Ожидается, что продажа компании будет организована и контролироваться <i>представителями Deutsche Bank</i> (<i>генерализация</i>)
The number of <i>green spenders</i> among older people and manual workers has risen substantially	Среди старшего поколения количество <i>тех, кто тратит деньги на экологически чистую продукцию</i> , значительно возросло. (<i>описательный перевод</i>)

Результаты и дискуссия

Вопреки нашим ожиданиям, самым распространенным способом перевода указанных единиц стала транслитерация. Данный результат можно объяснить тем, что именно этот способ представляет собой наиболее легкий путь перевода лексических единиц, не требующий длительного размышления, о чем и указали в последующей анкете практически все те, кто использовал данный способ. Одновременно при его использовании удастся избежать толкования понятия и, как следствие, его неверной интерпретации. Следует отметить, что на перевод отрезка текста отводилось достаточное количество времени – около 30 минут. В отношении этого способа исследователи справедливо указывают, что транслитерация есть «неудачный способ перевода безэквивалентной лексики, так как смысл лексемы остается непонятным для читателей» [Верещагин, Костомаров 1980, с. 139]. Более того, применение данного способа ставит под сомнение стоящую в процессе перевода цель достижения определенной степени эквивалентности перевода параметрам оригинала, подразумевающей «максимальную передачу коммуникативно-функционального варианта оригинала» [Швейцер 1988, с. 6]. Однако здесь следует также

отметить способность молодого поколения «играть» со словом и тот факт, что для сегодняшних молодых людей не характерны опасения применять как в устной, так и в письменной речи транслитерированные или транскрибированные единицы иностранного языка, в нашем случае – английского, сохраняя при этом лексическую краткость переводимой единицы.

Вызывает многочисленные вопросы также и категория 2 – создание неологизмов. Последние, впрочем, скорее следует считать окказионализмами, представляющими собой «речевые явления, возникающие под влиянием контекста ... для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом, для выражения смысла, необходимого в данном случае. Создаются специально, нарочито, на базе продуктивных моделей или единичных образцов из имеющегося в структуре языка материала» [Котелова 2017, с. 104]. С одной стороны, стремление участников эксперимента к подобному языковому творчеству может вызывать определенное одобрение, однако подробный анализ получившихся «неологизмов» свидетельствует скорее о переводческом бессилии осуществляющих перевод. Более того, анализ анкет создателей подобных окказионализмов показывает, что в понимании переводящих получившиеся единицы, возможно, и не являлись окказионализмами, а воспринимались ими как уже существующие лексические единицы русского языка – все без исключения выбравшие данный способ, указали, что им «удалось подобрать необходимое слово в русском языке».

Таблица 4

Примеры образованных неологизмов / окказионализмов

Предложение, содержащее безэквивалентную единицу	Перевод
Food prices will climb in almost every supermarket aisle in the near future, say economic <i>forecasters</i>	По мнению <i>прогнозистов</i> , цены на продукты вырастут в ближайшем будущем практически во всех супермаркетах
These countries act as <i>enablers</i> in this complex process	Эти страны выступают в этом сложном процессе в качестве <i>обеспечивателей</i> такового

Очевидно, что более правильный выбор осуществили те, кто прибегал к помощи других частей речи (21 %). Это дало возможность точной передачи значения слова без избыточности, присущей, например, описательному способу перевода. При этом наиболее распространенной частью речи, использовавшейся в процессе перевода, стало причастие: *negotiators* – ведущие переговоры, *low-earners* – мало зарабатывающие и т. п.

Лишь 8 % участников эксперимента использовали описательный перевод, несмотря на предоставляемую им возможность раскрыть значение подлежащего переводу слова посредством целого предложения или словосочетания. Возможно, причиной сложившейся ситуации стала потенциальная громоздкость получающихся в результате процесса перевода конструкций и нежелание употреблять данные конструкции, а также неспособность участников эксперимента осуществлять правильное толкование той или иной лексической единицы.

Наконец, на генерализацию как способ перевода рассматриваемых нами единиц, пришлось лишь 3 % – исходное понятие подлежало замене более широким понятием:

Таблица 5

Примеры генерализации

Исходное предложение, содержащее безэквивалентную единицу	Перевод
According to Simon Tilford, <i>chief strategist</i> at the Centre for European Reforms in London, the ratio of investment to gross domestic product in Europe is at a 60-year low even as companies pile on cash	По словам Саймона Тилфорда, ведущего специалиста по стратегическим вопросам Центра Европейских реформ, доля инвестиций по отношению к ВВП в Европе находится на самом низком за 60 лет уровне, хотя компании имеют значительное количество денежных средств
Being the largest <i>miners</i> , they will not welcome the forthcoming changes in the industry	Эти самые крупные <i>горнодобывающие страны</i> не будут приветствовать изменения в отрасли

Безусловно, в идеале, наиболее эквивалентный перевод подразумевает «сохранение относительного равенства содержательной,

смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [Виноградов 2001, с. 198]. Достижение подобного каким-либо одним способом представляется весьма затруднительным, однако получение адекватного результата требует более развитого навыка использования и восприятия как родного, так и иностранного языка.

Заключение

Анализ результатов эксперимента показал, что наиболее часто применяемыми способами перевода безэквивалентных единиц стали транскрибирование / транслитерация, а также создание неологизмов. Это можно объяснить максимальной простотой использования данных способов, а также характерной для сегодняшнего поколения обучаемых легкости использования транскрибированных / транслитерированных слов наряду со стремлением к словотворчеству, которое, впрочем, при ближайшем рассмотрении оказывается не собственно словотворчеством, а скорее, проявлением недостаточности знания лексических единиц родного языка. Участники эксперимента в меньшей степени использовали другие части речи как способ перевода безэквивалентных единиц, прибегая, в основном, к помощи причастий. Еще менее частотной категорией стал описательный перевод, хотя, согласно выдвинутой нами гипотезе, именно эта категория должна была использоваться больше всего. Наконец, самое минимальное количество участников сделали выбор в пользу генерализации.

Вышеописанная картина распределения используемых способов перевода свидетельствует о том, что большинство переводящих задействовали наиболее легкий способ перевода безэквивалентной лексики, наряду с попыткой создания в русском языке возможных эквивалентов существительных, образованных глаголами. Подобная ситуация в значительной мере отражает существующую сегодня тенденцию в переводе, когда сохранение структурно-функционального подобия лексических единиц языка уже не является строгим условием осуществления перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. [Barkhudarov, L. S.(1975). *Yazyk i perevod. Voprosy obshchey i chastnoi teorii perevoda.* (*Language and*

- translation. The issues of general and specific theory of translation*). Moscow: International relations. (In Russ.).
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. [Vereshchagian, E. M., Kostomarov, V. G. (1980). *Lingvostranovedchesjaya teoriya slova. (Linguistic and cultural theory of a word)*. Moscow: Russian language. (In Russ.).]
- Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: РАО, 2001. [Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie (Introduction into translation studies)*. Moscow: RAO. (In Russ.).]
- Котелова Н. З. Неологизмы / Большая российская энциклопедия. doi.org/big-enc.ru/linguistics/text/2260040 [Kotelova, N. Z. (2004–2017). *Neologisms*. (In Russ.).]
- Латышев Л. К. Технология перевода: учебное пособие по подготовке переводчиков. М.: НВИ-Тезаурус, 2000. [Latyshev, L. K. (2000). *Tekhnologiya perevoda. (Technology of translation)*. Translators training textbook. Moscow: NVI-Thesaurus. (In Russ.).]
- Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: учебное пособие. М.: АСТ, 2007. [Ter-Minasova, S. G. (2007). *Voyna i mir yazykov i kultur: voprosy teorii i praktiki. (Language war and peace: practical and theoretical issues)*. Textbook. Moscow: AST. (In Russ.).]
- Фалалеев А., Малофеева А. Упражнения для синхрониста. Зеленое яблоко. СПб.: Перспектива, 2014. [Falaleev, A., Malofeeva, A. (2014). *Uprazhneniya dlya synkhronista. Zelenoe Yabloko (Training for simultaneous interpreters. Green Apple)*. St. Petersburg: Perspektiva. (In Russ.).]
- Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. Краткая русская грамматика. М.: Издательство института русского языка им. В. В. Виноградова, 2002. [Shvedova, N. Y., Lopatin, V. V. *Kratkaya russkaya grammatika. (Concise Russian Grammar book)*. Moscow: Publishing house of the Russian language institute. (In Russ.).]
- Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. [Shveitser, A. D. *Teoriya perevoda: status, problem, aspekty. (Translation theory: status, problems, aspects)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).]
- Baker M. *In other words (A course book on translation)*. Mona Baker's perspective on equivalence. London: Routledge, 2011.

А. С. Козлова

старший преподаватель кафедры итальянского языка
переводческого факультета Московского государственного
лингвистического университета
anna_bsz@mail.ru

КОНЦЕПТ «БЛАГОУТРОБИЕ» В ОРИГИНАЛЬНЫХ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ И В ИТАЛЬЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ

В центре внимания статьи находится концепт «благодарность», репрезентирующие его лексемы в оригинальных библейских текстах и их эквиваленты в итальянских переводах с библейского иврита, древнегреческого и латыни. Проводится сопоставительный лексико-семантический анализ примеров из шести итальянских переводов Библии, выполненных в период с XVII века по настоящее время. Исследование показывает тенденцию к замене метафоры с лексемой «утроба» метафорой с лексемой «сердце» либо к устранению метафоры с экспликацией отдельных компонентов значения концепта.

Ключевые слова: итальянский язык; переводы Библии; концепт; метафора; благодарность.

A. S. Kozlova

Senior Lecturer, Department of the Italian Language,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University
anna_bsz@mail.ru

THE CONCEPT OF COMPASSION IN THE ORIGINAL BIBLICAL TEXTS AND IN THE ITALIAN BIBLE TRANSLATIONS

This paper focuses on the concept of compassion, the lexemes, which represent this concept in the original biblical texts, and their equivalents in the Italian translations from the biblical Hebrew, ancient Greek, and Latin. We carried out a comparative lexico-semantic analysis of several examples from 6 Italian Bible translations made in the period from the 17th to 21st Centuries C.E. The present study demonstrates a tendency to replace the lexeme «bowels» with the lexeme «heart» in the metaphor or to eliminate the metaphor explicating individual components of the concept's meaning.

Key words: the Italian language; Bible translations; concept; metaphor; compassion.

Введение

Священные канонические тексты Ветхого и Нового Заветов занимают особое место среди эталонных текстов европейской, в частности, итальянской культуры. Поскольку часто в этих текстах речь идет о сверхъестественных и религиозных реалиях, описание этих реалий требует использования языка метафор. Это вполне естественно, с точки зрения когнитивной лингвистики, согласно которой наша концептуальная система в значительной степени метафорична [Лакофф, Джонсон 2004, с. 25]. В религиозном контексте метафоры имеют ключевое значение, поскольку именно с их помощью мы чаще всего способны выразить вечные и абсолютные истины на человеческом языке, связанном с определенной культурой и мировоззрением [Десницкий 2013, с. 65].

Итак, на основе концептов, имеющих непосредственное отношение к повседневной жизни, с помощью метафоры рождаются концепты более высокого порядка. Как мы указали, такие метафоры опираются на определенную культуру, вызывая в сознании читателя соответствующие образы и идеи. Что же происходит при переводе этих метафор на другой язык, когда неизбежно меняется «фоновая» информация, особенно если культурная и временная дистанция между носителями двух языков достаточно большая? Так, в частности, происходит в случае с переводами Библии на итальянский язык, которым посвящено наше исследование.

Мы поставили здесь целью выявить максимальное разнообразие способов передачи библейского концепта «благоутробие» в итальянских переводах Библии. Поскольку формат исследования не позволяет нам подробно анализировать объективацию данного концепта на всех уровнях, мы ограничимся лексико-семантическим анализом наиболее релевантных репрезентаций этого концепта на языковом уровне. Иными словами, мы ограничимся анализом метафор на уровне языка, а исследование когнитивных метафор (которые следует отличать от языковых), предложим в качестве перспектив дальнейшей работы.

Задачей исследования является обнаружение контекстов, в которых употребляются релевантные лексемы, репрезентирующие данный концепт, и проведение сопоставительного анализа наиболее интересных примеров на библейском иврите (для Ветхого Завета), на

древнегреческом (для Нового Завета), на латыни и на итальянском языке (в шести переводах, выполненных в период с XVII века по настоящее время).

Основным материалом исследования послужили тексты Ветхого Завета на библейском иврите (далее – НВ), Новый Завет на древнегреческом (далее – GB), латинские переводы – Вульгата (далее – Vg) и Новая Вульгата (далее – NVg), итальянские переводы: Джованни Диодати (далее – GDB) и его ревизия (далее – LND), Антонио Мартини (далее – BMR), «Межконфессиональный перевод на современный итальянский язык» (далее – Tilc), перевод епископской конференции Италии 1974 года (далее – CEI'74) и епископской конференции Италии 2008 года (далее – CEI'08). Библейские цитаты даются согласно программе Bible Works 9. Отметим, что большинство анализируемых итальянских переводов выполнено с оригинальных древнееврейских и древнегреческих текстов, тогда как перевод BMR был осуществлен с латыни.

Исследование концептов на материале итальянских переводов Библии является инновационным в отечественной романистике, поскольку можно отметить лишь немногочисленные работы, в которых на материале романских языков изучалась роль библейских текстов в формировании и развитии соответствующих письменнo-литературных традиций, литературных жанров, общеязыковой нормы, проводились исследования перевода отдельных лексических единиц, см. [Порхомовский, Челышева 2019; Порхомовский, Челышева 2020].

Концепт «благоутробие» в Библии

Под концептом мы понимаем «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности общества и несущее комплексную, энциклопедическую, информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007, с. 24].

Концепт «благоутробие» в Библии был рассмотрен отечественным филологом и библеистом С. С. Аверинцевым [Аверинцев 1995].

Автор приходит к заключению, что под утробой в данном случае понимается именно материнская утроба, а не другие внутренние органы (хотя, например, и сердце, и почки, и некоторые другие органы, в том числе, брюшной полости обладают богатой метафорикой в библейской культуре). С. С. Аверинцев продолжает: «Насколько определен буквальный смысл слова רֶחֶם , настолько широк и богат его переносный смысл (передаваемый обычно формами множественного числа): это и “милосердие”, и “милость”, и “жалость”, и “сострадание”, и “любовь”, и “умиление”, и все оттенки душевной теплоты, образом которых может служить “чревная” любовь всепрощающей матери к своему дитяти».

Отметим, что, поскольку оригинальные библейские тексты написаны на двух языках (тексты Ветхого Завета на древнееврейском, а Нового Завета – на древнегреческом), мы будем иметь дело с двумя лексическими системами. Еврейскому слову רֶחֶם в ветхозаветных текстах соответствуют греческие $\sigma\pi\lambda\acute{\alpha}\gamma\chi\nu\alpha$, $\epsilon\upsilon\sigma\pi\lambda\acute{\alpha}\gamma\chi\nu\iota\alpha$ в новозаветных, тем не менее, мы можем говорить о существовании единого концепта. Поскольку лексема несводима к концепту, но всегда номинирует лишь его часть, для его описания мы обратимся не только к вышеуказанным лексемам, но и исследуем случаи употребления других лексем с общим корнем רֶחֶם в еврейском тексте Ветхого Завета и $\sigma\pi\lambda\acute{\alpha}\gamma\chi\nu$ в греческом тексте Нового Завета, соответственно.

На основе анализируемых примеров можно описать типичные контексты, в которых используются лексемы с вышеуказанными корнями в метафорическом значении. Речь идет об описании свойств, характерных в первую очередь для Бога, верных Ему людей, при сравнении действий Бога и человека. Отметим также использование лексемы רֶחֶם в прямом значении в ключевых текстах, в которых Бог признается человеку в максимальной близости к нему (Ис 49:15, Иер 1:5). Большинство контекстов в Ветхом Завете встречается в Псалтири, книгах пророков Исайи и Иеремии, в Новом Завете – примерно одинаковое число в Евангелиях и посланиях.

В корпусе ветхозаветных текстов нами были обнаружены 144 случая употребления слов с корнем רֶחֶם , из них 31 контекст предполагает употребление רֶחֶם в прямом значении – «утроба», «чрево», «ложе сна», «внутренности» [Графов 2019], 2 случая метонимического употребления – «девица», 21 пример использования корня в составе имен

собственных. Нас будут интересовать случаи метафорического употребления, что составляет примерно 62 % всего узуса.

В корпусе новозаветных текстов мы выявили 26 случаев употребления слов с корнем *σπλάγγυ*, при этом обнаружен только один случай употребления в прямом значении – «внутренности», «чрево» [Кузнецова 2008].

Сопоставительный анализ переводов концепта «благодутрие» на итальянский язык

Обратимся к конкретным примерам, в которых встречаются лексемы, относящиеся к исследуемому нами концепту «благодутрие».

Пример 1. Книга Притч 12:10.

HB	וְדַע צְדִיק נֶפֶשׁ בְּהֵמָתוֹ וְרָחֵם רֵשָׁעִים אֲכֹרֵי
Vg	Novit justus jumentorum suorum animas, <i>viscera</i> autem <i>impiorum</i> crudelia.
NVg	Curat iustus iumentorum suorum animas, <i>viscera</i> autem <i>impiorum</i> crudelia.
GDB	L'uomo giusto ha cura della vita della sua bestia; Ma <i>le viscere degli empi</i> son crudeli.
BMR	Il giusto ha cura della vita delle sue bestie; ma <i>le viscere degli empii</i> sono crudeli.
LND	L'uomo giusto ha cura della vita del suo bestiame; Ma <i>le viscere degli empi</i> sono crudeli.
Tilc	Il giusto ha cura del suo bestiame, <i>Øil malvagio</i> è spietato e crudele.
CEI'74	Il giusto ha cura del suo bestiame, ma <i>i sentimenti degli empi</i> sono spietati.
CEI'08	Il giusto ha cura del suo bestiame, ma <i>i sentimenti degli empi</i> sono spietati.

В этом примере мы имеем дело с афоризмом, построенном по принципу библейского параллелизма: в первой части дана характеристика

праведника, во второй – нечестивого. В половине случаев в переводе сохраняется лексема «внутренности» (*viscere*). Возможно, данное употребление повлияло на развитие переносного значения этого слова «сердце, чувства», широко используемое в XVIII–XIX вв. [Treccani URL], затем утраченное. Перевод CEI делает выбор в пользу существительного *sentimenti* – «чувства», тогда как перевод Tilc избегает использования существительного и вводит дополнительное прилагательное, дублируя уже употребленное в тексте.

Пример 2. Псалом 119 (118): 77

HB	יְבֹאֲנֵי רַחֲמֶיךָ וְאַתְּנָהּ כִּי־תִזְרְתֵהּ שְׁעֵשְׁעֵי
Vg	Veniant mihi <i>miserationes</i> tuae, et vivam: quia lex tua meditatio mea est.
NVg	Veniant mihi <i>miserationes</i> tuae, et vivam, quia lex tua delectatio mea est.
GDB	Avvenganmi le tue <i>misericordie</i> , acciocchè io viva; Perciocchè la tua Legge è ogni mio diletto.
BMR	Vengano a me le tue <i>misericordie</i> , e io avrò vita perocchè mia meditazione ell'è la tua legge.
LND	Vengano a me le tue <i>grandi compassioni</i> e possa così vivere, perchè la tua legge è il mio diletto.
Tilc	Scenda su di me la tua <i>misericordia</i> e vivrò: la tua legge mi farà felice.
CEI'74	Venga su di me la tua <i>misericordia</i> e avrò vita, poichè la tua legge è la mia gioia.
CEI'08	Venga a me la tua <i>misericordia</i> e avrò vita, perchè la tua legge è la mia delizia.

Наш второй пример демонстрирует максимальное единообразие переводчиков. Автор псалма просит о том, чтобы на него снизошли Божьи милости, и большинство переводчиков использует лексему *misericordia* – «милосердие», отдавая предпочтение «сердцу» вместо «внутренностей». Более ранние переводы используют множественное число, поздние – единственное. В LND встречается словосочетание

grandi compassioni – «великое сострадание», тем не менее стоит отметить, что таким образом обычно передается другой концепт (см. пример 4).

Пример 3. Псалом 103 (102): 13.

HB	כָּרַחֵם אָב עַל-בְּנָיִם רַחֵם יְהוָה עַל-יְרֵאָיו
Vg	Quomodo <i>miseretur</i> pater filiorum, <i>miserus est</i> Dominus timentibus se.
NVg	= Vg
GDB	Come un padre <i>è pietoso</i> inverso i figliuoli, così è il Signore <i>pietoso</i> inverso quelli che lo temono.
BMR	Come un padre <i>ha compassione</i> de' figliuoli, così il Signore <i>ha avuto compassione</i> di quei, che lo temono.
LND	Come un padre <i>è pietoso</i> verso i figli, così <i>è pietoso</i> l'Eterno verso quelli che lo temono.
Tilc	Come <i>è buono</i> un padre con i figli, <i>è tenero</i> il Signore con i suoi fedeli.
CEI'74	Come un padre <i>ha pietà</i> dei suoi figli, così il Signore <i>ha pietà</i> di quanti lo temono.
CEI'08	Come <i>è tenero</i> un padre verso i figli, così il Signore <i>è tenero</i> verso quelli che lo temono.

В этом примере отношение Бога к человеку сравнивается с отношением отца к сыну, и в обоих случаях используется одна и та же лексема. Перевод CEI'08 делает акцент на нежности, тогда как большинство переводов – на милости и сочувствии. В переводе Tilc используются разные прилагательные, что не может быть мотивировано заявленной переводческой задачей сделать текст более понятным.

Пример 4. Первое послание Петра 3:8

GB	Τὸ δὲ τέλος πάντες ὁμόφρονες, συμπαθεῖς, φιλάδελφοι, <i>εὐσπλαγχνοὶ</i> , ταπεινόφρονες,
Vg	In fine autem omnes unanimes, compatientes, fraternitatis amatores, <i>miseriordes</i> , modesti, humiles:

- NVg In fine autem omnes unanimes, compatientes, fraternitatis amatores, ***miseriordes***, humiles,
- GDB E in somma, siate tutti concordi, compassionevoli, fratelllevoli, ***pietosi***, benevoglienti;
- BMR Finalmente tutti unanimi, compassionevoli, amanti de' fratelli, ***miseriordiosi***, modesti, umili:
- LND Infine siate tutti di una sola mente, compassionevoli, pieni di amor fraterno, ***miseriordiosi*** e benevoli,
- Tilc Infine, fratelli, ci sia perfetta concordia tra voi: abbiate compassione, amore e ***miseriordia gli uni verso gli altri***. Siate umili.
- CEI'74 E finalmente siate tutti concordi, partecipi delle gioie e dei dolori degli altri, animati da affetto fraterno, ***miseriordiosi***, umili;
- CEI'08 E infine siate tutti concordi, partecipi delle gioie e dei dolori degli altri, animati da affetto fraterno, ***miseriordiosi***, umili;

Пример 5. Послание к Ефесеянам 4:32

- GB Γίνεσθε εις ἀλλήλους χρηστοί, ***εὐσπλαγχνοι***, χαριζόμενοι ἑαυτοῖς καθὼς καὶ ὁ θεὸς ἐν Χριστῷ ἐχαρίσατο ὑμῖν
- Vg = NVg
- NVg Estote autem invicem benigni, ***miseriordes***, donantes invicem, sicut et Deus in Christo donavit vobis.
- GDB Ma siate gli uni verso gli altri benigni, ***miseriordiosi***, perdonatevi gli uni gli altri, siccome ancora Iddio vi ha perdonati in Cristo.
- BMR Ma siate benigni gli uni verso degli altri, ***miseriordiosi***, facili a perdonare scambievolmente, come anche Dio ha a voi perdonato per Cristo.
- LND Siate invece benigni e ***miseriordiosi gli uni verso gli altri***, perdonatevi a vicenda, come anche Dio vi ha perdonato in Cristo.
- Tilc Siate buoni gli uni con gli altri, ***pronti sempre ad aiutarvi***; perdonatevi a vicenda, come Dio ha perdonato a voi, per mezzo di Cristo.

CEI'74 Siate invece benevoli gli uni verso gli altri, **misericordiosi**, perdonandovi a vicende come Dio ha perdonato a voi in Cristo.

CEI'08 = CEI'74

В четвертом и пятом примерах авторы дают потенциальную характеристику своим ученикам в ряде других свойств, которые они желают в них видеть. Лексема представляет собой прилагательное *εὐσπλαγχοί* – «благоутробные». В 83% случаев переводы сохраняют метафоричность посредством замещения лексемы «материнская утроба» лексемой «сердце» с эксплицированием одной из его коннотаций: «милость» – «*misericordiosi*», «милосердные». Отметим, что данная трансформация находится полностью в русле традиции латинских переводов.

В четвертом примере мы наблюдаем эксплицирование коннотации «милость» (*pietosi* – «милостивые»), в пятом – *pronti sempre ad aiutarvi*, «готовые всегда помочь друг другу» – происходит замена прилагательного на словосочетание, выбор компонентов которого обусловлен окружением – однородными определениями со значением взаимовозвратности (*εἰς ἀλλήλους χρηστοί, χαριζόμενοι ἑαυτοῖς*), и попыткой уточнения и раскрытия значения прилагательного *χρηστός* – «благой, полезный».

Пример 6. Послание к Филиппийцам 1:8

GB Μάρτυς γάρ μου ὁ θεός, ὡς ἐπιποθῶ πάντας ὑμᾶς ἐν σπλάγγυσις Χριστοῦ Ἰησοῦ.

Vg Testis enim mihi est Deus, quomodo cupiam omnes vos in visceribus Iesu Christi.

NVg Testis enim mihi Deus, quomodo cupiam omnes vos in visceribus Christi Iesu.

GDB Perciocchè Iddio m'è testimonio, come io vi amo tutti affettuosamente con la tenerezza di Gesù Cristo.

BMR Imperocchè testimone è a me Dio, in qual modo io ami tutti voi in viscere di Gesù Cristo.

LND Dio infatti mi è testimone, come io vi ami tutti con affetto sviscerato in Gesù Cristo.

- Tile Dio mi è testimone che ho per tutti voi un grande affetto, ***fondato nell'amore*** di Gesù Cristo.
- CEI'74 Infatti Dio mi è testimonio del profondo affetto che ho per tutti voi ***nell'amore*** di Cristo Gesù.
- CEI'08 Infatti Dio mi è testimone del vivo desiderio che nutro per tutti voi ***nell'amore*** di Cristo Gesù.

Этот пример вызывает особую сложность. Дословно, апостол «страстно желает» своих учеников «в утробе Иисуса Христа». Слово «внутренности», «утроба» сохраняется только в одном переводе (BMR), который имел конкретное переводческое задание – следовать букве Вульгаты. Интересен вариант, предложенный LND, – *con affetto sviscerato*, «преданной, глубокой любовью» – используется прилагательное, этимологически восходящее к существительному *viscere* – «внутренности, потроха, утроба». Согласно Oxford Languages, прилагательное с таким значением зафиксировано с XVI века, глагол – с XIV века. Вполне возможно, что на развитие значения в итальянском языке повлияла библейская латынь. В остальных случаях мы видим перефразирование метафорического образа, при этом в двух случаях речь идет о характеристике действия – *con la tenerezza*, «с нежностью, нежно»; *fondato nell'amore*, «с расположением, основанном на любви / имеющем основание в любви», в случае с переводом епископской конференции происходит замена конкретного существительного абстрактным с сохранением структуры фразы. Стоит также отметить, что одним из пунктов переводческого задания епископской конференции было максимально возможное использование понятия *amore* – «любовь» – при характеристике Бога, о чем свидетельствует и данный пример. О переводческом задании см. подробнее [Десницкий 2015, с. 191–207].

В оставшихся примерах из Нового Завета (примеры 7–10) концепт представлен существительным.

Пример 7. Евангелие от Луки 1:78

- GB *διὰ σπλάγχνα ἐλέους* θεοῦ ἡμῶν, ἐνοῖς ἐπισκέψεται ἡμᾶς ἀνατολή ἐξ ὕψους
- Vg *per viscera misericordiae* Dei nostri, in quibus visitavit nos oriens ex alto,

- NVg *per viscera misericordiae* Dei nostri,
in quibus visitabit nos oriens ex alto,
- GDB *Per le viscere della misericordia* dell'Iddio nostro,
per le quali Oriente dall'alto ci ha visitati
- BMR *Mediante le viscere della misericordia* del nostro
Dio per le quali ci ha visitato il Sol nascente dall'alto
- LND *Grazie alle viscere di misericordia* del nostro Dio,
per cui l'aurora dall'alto ci visiterà
- Tilc Il nostro Dio è *bontà e misericordia*:
ci verrà incontro dall'alto, come luce che sorge.
- CEI'74 *grazie alla bontà misericordiosa* del nostro Dio,
per cui verrà a visitarci dall'alto un sole che sorge.
- CEI'08 *Grazie alla tenerezza e misericordia* del nostro Dio,
ci visiterà un sole che sorge dall'alto.

В данном примере термин «утроба» употребляется в словосочетании «утроба милосердия», таким образом значение «милость» изначально получает дополнительную экспликацию. Более ранние переводы, в независимости от источника перевода, используют кальку с исходного словосочетания, тогда как в переводах CEI и Tilc мы наблюдаем утрату метафоры и экспликацию значения «доброта», *bontà*; «нежность», *tenerezza*. В переводах Tilc и CEI'08 подчинительная связь исходного словосочетания заменена на сочинительную.

Пример 8. Послание к Филимону 1:7

- GB χαράν γάρ πολλήν ἔσχον καὶ παράκλησιν ἐπὶ τῇ ἀγάπῃ σου,
ὅτι *τὰ σπλάγχνα τῶν ἁγίων ἀναπέπαιται* διὰ σοῦ, ἀδελφε
- Vg Gaudium enim magnum habuit et consolationem in caritate tua,
quia *viscera sanctorum* requieverunt per te, frater.
- NVg = Vg
- GDB Perciocché noi abbiamo grande allegrezza e consolazione della tua
carità; poiché *le viscere dei santi* siano state per te ricreate, fratello
- BMR Imperocché grande allegrezza ho avuto, e consolazione della tua
carità: perchè *le viscere de' santi* sono state da te refocillate, o
fratello.

- LND Noi infatti abbiamo provato una grande gioia e consolazione a motivo del tuo amore, poiché per mezzo tuo, fratello, ***i cuori dei santi*** sono stati ricreati
- Tilc Carissimo amico, tu hai saputo dare sollievo e conforto a molti ***cristiani***, e questo tuo amore generoso ha dato grande gioia e consolazione anche a me.
- CEI'74 La tua carità è stata per me motivo di grande gioia e consolazione, fratello, poiché ***il cuore dei credenti*** è stato confortato per opera tua
- CEI'08 La tua carità è stata per me motivo di grande gioia e consolazione fratello perché per opera tua ***Ø i santi*** sono stati profondamente confortati

В этом примере мы наблюдаем сохранение лексемы «утроба» в двух случаях, ее замену лексемой «сердце» в более поздних переводах, тогда как CEI'08 и Tilc используют эллипсис.

Пример 9. Послание к Филимону 1:12

- GB ὀνάνεπεμψά σοι αὐτόν, τοῦτ' ἔστιν ***τὰ ἐμὰ σπλάγγνα***
- Vg quem remisi tibi. Tu autem illum, ut ***mea viscera***, suscipe.
- NVg quem rimisi tibi: eum hoc est ***viscera mea***;
- GDB il quale io ho rimandato; or tu accoglilo, cioè, ***le mie viscere***.
- BMR Il quale io ho rimandato a te. E tu accoglilo, ***come mie viscere***.
- LND Te l'ho rimandato; or tu accoglilo, ***come se ricevessi il mio stesso cuore***.
- Tilc Egli è ***come una parte di me stesso***: io te lo rimando
- CEI'74 Te l'ho rimandato, lui, ***il mio cuore***.
- CEI'08 Te lo rimando lui che ***mi sta tanto a cuore***.

В этом примере большинство переводчиков употребляют лексему «сердце», тогда как Tilc прибегает к новой метафоре – «часть меня самого», *una parte di me stesso*. CEI'74 сохраняет динамичность авторской метафоры – *lui, il mio cuore*, «его – мое сердце», тогда как в CEI'08 мы наблюдаем использование устойчивого выражения также со словом «сердце» – *mi sta tanto a cuore*, «он так близок моему сердцу».

Пример 10. Послание к филиппийцам 2:1

- GB Εἶ τις οὖν παράκλησις ἐν Χριστῷ, εἶ τι παραμύθιον ἀγάπης, εἶ τις κοινωνία πνεύματος, εἶ τις σπλάγχνα καὶ οἰκτιρμοί
- Vg Si qua ergo consolatio in Christo, si quod solacium caritatis, si qua societas spiritus, si qua viscera miserationis,
- NVg Si qua ergo consolatio in Christo, si quod solacium caritatis, si qua communio spiritus, si quale viscera e miserationes,
- GDB Se dunque vi è alcuna consolazione in Cristo, se alcun conforto di carità, se alcuna comunione di Spirito, se alcune viscere e misericordie,
- BMR Se adunque alcuna consolazione in Cristo, se alcun conforto della carità, se alcuna comunione di spirito, se viscere di compassione
- LND Se dunque vi è qualche consolazione in Cristo, qualche conforto d'amore, qualche comunione di Spirito, qualche tenerenza e compassione;
- Tilc Se è vero che Cristo vi chiama ad agire, se l'amore vi dà qualche conforto, se lo Spirito Santo vi unisce, se è vero che tra voi c'è affetto e compassione,
- CEI'74 Se c'è pertanto qualche consolazione in Cristo, se c'è conforto derivante dalla carità, se c'è qualche comunanza di spirito, se ci sono sentimenti di amore e di compassione,
- CEI'08 Se dunque c'è qualche consolazione in Cristo, se c'è qualche conforto, frutto della carità, se c'è qualche comunione di spirito, se ci sono sentimenti di amore e di compassione,

В данном примере обращает на себя внимание гиперкоррекция в Vg (и, соответственно, в BMR), видимо, связанная с наличием подобного употребления в других контекстах: использование подчинительной связи – *viscere di compassione*, «утроба милосердия», тогда как в оригинале присутствуют два слова, связанные сочинительной связью – «утроба и милосердие», что отражается в новых переводах также как два понятия – *tenerenza e compassione*, «нежность и сострадание»; *affetto e compassione*, «любовь / расположение / привязанность и сострадание»; *sentimenti di amore e di compassione*, «чувства любви и сострадания».

Заключение

Анализ употребления концепта «благоутробие» на примере десяти выбранных нами контекстов показывает, что примерно в 33% случаев библейская метафорика заменяется метафорикой, свойственной античной, а затем и европейской культуре (как средневековой, так и Нового времени) – «сердце» как вместилище чувств и переживаний, центр духовной жизни вместо «внутренности, чрево, утроба».

В 23% случаев (в абсолютном большинстве – в ранних переводах, за исключением LND) представлено понятие «внутренности», «утроба». Тем не менее отметим, что словарь Грессани в качестве основного значения слова *viscere* дает именно значение «внутренние органы, потроха», а не «чрево, материнская утроба». Также мы не увидим употребления данного слова в первой главе Евангелия от Луки, в которой идет речь о Елизавете и Марии, ожидающих рождения Иоанна и Иисуса, и где содержится приветствие Елизаветой Марии, вошедшее в текст одной из центральных молитв Католической церкви (в латинской традиции – «Ave Maria»). Для передачи понятия «чрево», «материнская утроба», в тексте данной молитвы переводчики используют *grembo* (LND, CEI'74, CEI'08), *seno* (GDB), *ventre* (BMR) либо опускают слово полностью (Tilc).

В целом, мы можем сделать вывод, что в итальянских переводах указанного концепта была практически утрачена коннотация «материнское чувство», в то же время произошло эксплицирование таких значений, как «любовь», «милость», «глубокое чувство / чувство преданности», «близость», «взаимопомощь», «нежность», «сострадание», «чувства / внутренний мир».

В заключение мы хотели бы отметить, что поскольку формат данной статьи не позволил нам подробно осветить лексемы, номинирующие концепт «благоутробие» в библейском параллелизме – поэтическом приеме, который позволяет существенно расширить объём того или иного понятия [Десницкий 2007], представляется актуальным в дальнейшем продолжить исследование этого концепта в свете теории библейского параллелизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аверинцев С. С. *Εὐσπλαγγία* // Альфа и Омега, Вып. 4, 1995. [Averintsev, S. S. (1995). *Εὐσπλαγγία*. *Alfa i Omega*, 4. (In Russ.)].

- Графов А. Э. Словарь библейского иврита. М.: Текст, 2019. [Grafov, A. E. (2009). Dictionary of Biblical Hebrew. Moscow: Text. (In Russ.)].
- Десницкий А. С. Метафоры в современном библейском переводе // Родной язык. 2013. Вып. 1. С. 63–92. [Desnitsky, A. S. (2013) Metaforы v sovremennom bibleyskom perevode (*Metaphor in Modern Biblical Translation*). *Rodnoy Yazyk*, 1, 63–92 (In Russ.)].
- Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма. М.: ББИ, 2007. [Desnitsky, A. S. (2007). Poetika bibleyskogo parallelizma. (Poetics of Biblical Parallelism). Moscow: BBI. (In Russ.)].
- Десницкий А. С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: ПСТГУ, 2015. [Desnitsky, A. S. (2015). Sovremenny bibleysky perevod: teoria i metodologiya. (Modern Biblical Translation: Theory and Methodology). Moscow: PSTGU. (In Russ.)].
- Кузнецова В. Н. Греческо-русский словарь. М.: РБО, 2008. [Kuznetsova, V. N. (2008). Greek-Russian Dictionary. Moscow: RBO. (In Russ.)].
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., Едиториал УРСС, 2004. [Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. [Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* (Cognitive Linguistics). Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.)].
- Порхомовский В. Я., Чельшева И. И. Имена Бога в первых переводах Ветхого Завета на французский язык // Когнитивные исследования языка. Вып. 36. 2019. С. 247–254. [Porkhomovsky, V. Ya., Chelysheva, I. I. (2019). The names of God in the earliest translations of the Old Testament into French. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 36, 247–254. (In Russ.)].
- Порхомовский В. Я., Чельшева И. И. Роль переводов канонических текстов в процессах формирования языковой нормы романских языков // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. [Porkhomovsky, V. Ya., Chelysheva, I. I. (2020). The role of translations of canonical texts in the processes of forming the language norm of Romance languages. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. Vol. 6. (In Russ.)].
- Oxford languages database. URL: <https://languages.oup.com/google-dictionary-it/> (дата обращения 01.02.2021).
- Treccani vocabolario. URL: <https://www.treccani.it> (дата обращения 01.02.2021).

Н. А. Коломиец

старший преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета
na.kolomiets@gmail.com

**ЭВОЛЮЦИЯ ДИАЛЕКТНОГО КОНТИНУУМА НИДЕРЛАНДСКОГО
ЯЗЫКА ВО ФЛАНДРИИ**

В статье рассматриваются эволюция диалектного континуума нидерландского языка во Фландрии, взаимоотношения уровней языковой вариативности и некоторые классификации диалектов фламандской части Бельгии. Южно-нидерландские диалекты подвергаются структурному и функциональному распаду, но продолжают оказывать воздействие на формирование как литературной нормы современного нидерландского языка в Бельгии, так и другой языковой вариативности.

Ключевые слова: диалектный континуум; языковая вариативность; литературная норма; функциональный распад; структурный распад; отмирание диалектов; возрождение диалектов.

N. A. Kolomiets

Senior lecturer, Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
Na.kolomiets@gmail.com

**THE EVOLUTION OF THE DIALECT CONTINUUM OF DUTCH
IN FLANDERS**

The article explores the evolution of the dialect continuum of Dutch in Flanders, the relations between the strata of the language varieties, some classifications of the dialects in the Flemish part of Belgium. The Southern Dutch dialects undergo a structural and functional disintegration but they still have influence on the development of standard Dutch in Belgium as well as on the other language variety.

Key words: dialect continuum; language variety; standard norm; functional disintegration; structural disintegration; dying off and revival of dialects.

Введение

Большой энциклопедический словарь «Языкознание» определяет диалект как: «Разновидность данного языка, употребляемая

в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Различают территориальные и социальные диалекты. *Территориальный* диалект всегда представляет собой часть целого – данного языка или одного из его диалектов. Поэтому диалект всегда противопоставлен другому диалекту или другим диалектам, объединяясь с ними целым рядом общих языковых черт. Территориальные диалекты обладают различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике» [Ярцева 1998]. Д. Э. Розенталь дает следующее определение диалекта в словаре-справочнике лингвистических терминов: «Разновидность общенародного языка, употребляемого сравнительно ограниченным числом людей, связанных общностью территориальной, социальной, профессиональной» [Розенталь 1976]. Обратимся к определению диалекта, представленному в словаре Ван Дале [Groot Woordenboek der Nederlandse taal 2005]: «Язык определенной местности (или социальной группы), отличающийся от литературной нормы» (здесь и далее перевод наш. – Н. К.). В соответствии с определением Роланда Виллемейнса (Roland Willems) «диалект определенной местности – это региональная вариативность, на которой говорят носители языка в данный момент» [Willems 2003, с. 302]. В современной лингвистике наряду с диалектом, как региональной вариативностью, широко исследуются такие понятия, как «этнолект» и «социолект». В статье мы будем рассматривать географически обусловленную языковую вариативность. По мнению Р. Виллемейнса, диалекты не являются менее значимыми, несмотря на меньший по сравнению с литературной нормой лингвистический престиж [Willems 2003, с. 302]. Ведь с исторической точки зрения диалекты предшествовали появлению литературной нормы. «В XVII в. складываются и основы устной разновидности нидерландского литературного языка, формирующейся на новой голландской диалектной базе в виде смешанного городского разговорного койне» [Миронов 1973, с. 18]. В большинстве случаев литературной нормой становится диалект, который постепенно по ряду экономических и политических причин завоевывает всеобщее употребление: как географически, так и социально. Такая языковая вариативность становится официальным языком, в частности, языком образования, СМИ и управления [Willems 2003, с. 19].

Нидерландский язык является полицентричным. Существуют несколько стран (территорий), в которых нидерландский является официальным языком и имеет собственную литературную норму: Нидерланды (норма – нидерландский нидерландский NN), Фландрия (норма – бельгийский нидерландский BN), Суринам (норма – суринамский нидерландский SN)¹.

С 80-х гг. XX века возникает и расширяется движение за равноценность языковой нормы, распространенной во фламандской части Бельгии (в нидерландскоязычной литературе термин «фламандский» употребляется широко: как в отношении географического положения, так и в отношении названий диалектов. На наш взгляд, во избежание двусмысленности в статье для обозначения диалектов языкового континуума Фландрии следует использовать термин «южно-нидерландский»). Результатом лингвистической эмансипации фламандцев стало признание бельгийской нидерландской нормы; бельгийский нидерландский вариант как на уровне фонетики, так и лексики, больше не считается ошибочным, а является кодифицированным языковым вариантом во Фландрии с присущими ему характерными чертами. Такое признание было закреплено впервые в 2009 г. в словаре *Prisma Handwoordenboek*, где появилась маркировка принадлежности к нидерландской (NN) и бельгийской (BN) литературным нормам. Дирк Гераартс подчеркивает, что нидерландский и бельгийский стандартные языки (литературная норма) не являются разными языками, а вариантами одного и то же языка – нидерландского. Фактически это «национальные варианты одного стандартного языка, как, например, австрийский немецкий и немецкий немецкий, британский и американский английский» [Geraerts 2001, с. 339].

Диалектный континуум бельгийского нидерландского языка

Обратимся к языковому континууму бельгийского нидерландского языка. Выделяя в нем три вариативности, Д. Гераартс располагает в нижнем эшелоне диалекты, в верхнем – бельгийскую нидерландскую норму, посередине – промежуточную языковую вариативность, представленную разговорным языком, так называемым промежуточным языком (*tussentaal*) [Geraerts 2001, с. 341].

---

¹ URL: <https://www.dialectloket.be/tekst/nationale-variatic/>.

В статье мы будем употреблять взаимозаменяемые термины: диалекты фламандской части Бельгии, или южно-нидерландские диалекты. Изоглоссы диалектного континуума бельгийского нидерландского определяются как экстралингвистическими факторами, так и внутренними лингвистическими факторами. Рассмотрим экстралингвистические факторы. Диалектная география тесно связана с контактами в пределах языкового сообщества и с историей местности. Диалектные изоглоссы могут совпадать с естественными границами (реки, поля, лесные полосы), с границами прошлого или современного административно-политического деления (от исторического деления на графства и герцогства до деления на города, городские и сельские поселения, муниципалитеты), со сферами экономической деятельности, с границами религиозного деления (католические и протестантские территории).

Внутренние лингвистические факторы – это влияние лингвистического явления одного диалекта на норму граничащей диалектной вариативности. Так, например, интерференция равнозначных диалектов может порождать целую цепочку фонетических изменений в одном направлении. Так, в некоторых южно-нидерландских диалектах наблюдается гиперкоррекция, возникающая под влиянием граничащих диалектов с переходом лабиализованных гласных в нелабиализованные, и наоборот. В диалекте Локерена присутствует гиперкоррекция нелабиализованных звуков, наблюдается обратная тенденция перехода нелабиализованных гласных в лабиализованные: *willen* – *wollen* (*хотеть*). Такой переход звуков является реакцией на соседний нелабиализованный диалект¹.

На наш взгляд, южно-нидерландские диалекты имеют следующую характеристику:

- Диалекты существуют в устной форме и имеют также устную передачу, диалекты находятся в постоянном развитии.
- Диалекты являются результатом долгого исторического развития. Южно-нидерландские диалекты восходят к средне-нидерландскому, который, в свою очередь, – к древненемецко-нефранкскому. Доказательством этого является сохранение в диалектах звуков тех периодов. Так, в брабантских диалектах (часть провинции Антверпена и Фламандского Брабанта)

¹ URL: <https://www.dialectloket.be/tekst/dialectologie/dialectkaarten/>.

звуки [i] и [u] остались долгими, как в средненидерландском: *iek* вместо стандартного *ik* и *ruut* вместо *ruit*¹. Многие элементы, утраченные в литературном языке, до сих пор присутствуют в диалектах. Так, например, изменение союзного слова по числам: *dasse* (*что*) – для ед. ч. последующего подлежащего, *danze* (*что*) для мн. ч. последующего подлежащего [Janssens 2011, с. 38].

- Диалекты распространяются на географически определенной территории. Каждый диалект имеет элементы, свойственные исключительно его распространению на данной местности. Городские диалекты обладают большей дифференциацией.
- В диалектах отсутствует кодификация, они не имеют закрепленной нормы в словарях или школьных учебниках. Но не стоит забывать, что каждая языковая вариативность имеет свою внутреннюю норму, например, существует правильное диалектное произношение.

Классификация южно-нидерландских диалектов

Невозможно определить точное количество южно-нидерландских диалектов. Границы диалектов не определяются территориальными границами населенных пунктов. С лингвистической точки зрения представляется сложным определить четкую границу перехода от одного южно-нидерландского диалекта к другому, что также зависит от критериев определения групп диалектов. Существует несколько классификаций южно-нидерландских диалектов. Р. Виллемейнс выделяет три основные диалектные группы: фламандский, брабантский и лимбургский [Willemyns 2003, с. 317].

По результатам научно-публицистического проекта «Dialectloket», проводимого Университетом Гента с 2009 по 2015 гг. и посвященного языковой вариативности во Фландрии, предлагается классификация на основе пяти диалектных групп: лимбургская, брабантская, западно-фламандская, восточно-фламандская и зеландская². Зеланд-

---

¹ URL: <https://www.dialectloket.be/tekst/dialectologie/dialecten-in-de-zuidelijke-nederlanden/brabants/>

² URL: <https://www.dialectloket.be/tekst/dialectologie/dialecten-in-de-zuidelijke-nederlanden/>

ские диалекты распространены на зеландских островах и на южно-голландских островах Гурее (Goeree) и Оверфлаккее (Overflakkee). Ареал зеландских диалектов включает территорию Нидерландов, однако с лингвистической точки зрения они принадлежат общей группе южно-нидерландских диалектов. Зеландский диалект является близкородственным западно-фламандскому.

Существует и другая классификация диалектов Фландрии по четырем диалектным группам: лимбургская, брабантская, западно-фламандская и восточно-фламандская [Van der Gucht 2017, с. 131].

Между основными группами располагаются три переходных диалектных группы:

- между западно- и восточно-фламандскими диалектами
- между восточно-фламандскими и брабантскими
- между брабантскими и лимбургскими

Значительные фонетические отличия как между основными диалектными группами, так и переходными представлены в таблице на примере словосочетания *mijn oude huis* (мой старый дом).

Таблица 1

Фонетические различия южно-нидерландских диалектов

Западно-фламандская	Восточно-фламандская		Брабантская		Лимбургская	
	Gent	Aalst	Antwerpen	Mechelen	Hasselt	Maaseik
Panne	maan	maen	main	maan	meen	mien
oed uus	aew aais	aav oas	aaw oas	aav oos	aad heus	aud hoës

Функциональный и структурный распад

Для современного диалектного континуума бельгийского нидерландского характерны противоположные тенденции: на фоне процесса отмирания диалектов в последние годы наблюдается возникновение к ним интереса, что некоторыми лингвистами рассматривается как возрождение диалектов.

Процесс отмирания южно-нидерландских диалектов можно разделить на функциональный и структурный. Функциональное отмирание связано с уменьшением количества носителей диалекта и ситуаций

его использования. Диалекты перестали отвечать «широким коммуникационным задачам, которые ставятся перед языком современным обществом» [Janssens 2011, с. 181].

В структурном процессе отмирания диалектные элементы вытесняются общеупотребительными элементами литературной нормы, происходит изменение лингвистической системы диалектов. Носитель диалекта всё чаще заменяет характерные грамматические, фонологические и лексические аспекты своего диалекта на (суб)стандартные структурные элементы. Как функциональный, так и структурный процессы уже долгое время присущи языковому континууму Фландрии, но для каждого диалекта эти процессы имеют разную скорость и интенсивность. Общим для распада южно-нидерландских диалектов разных регионов является то, что в процессе отмирания диалект заменяется не на литературный язык, а на «промежуточный язык». В неформальном регистре вместо бельгийского нидерландского литературного языка используется преимущественно «промежуточный язык».

Эти процессы, ведущие к отмиранию диалектов, имеют разную степень интенсивности. Наиболее устойчивым диалектом считается западно-фламандский, более подверженными влиянию другой языковой вариативности являются восточно-фламандские и брабантские диалекты [Devos 2005].

Так, в лекции Магды Девос (Magda Devos), профессора нидерландского языка и литературы Университета Гента, состоявшейся 18 июня 2019 года в рамках проекта организации «NEOS» в г. Синт-Ливенс-Хаутен (Бельгия), подчеркивается гомогенный характер западно-фламандских диалектов. Несмотря на внутреннее разделение этих диалектов, они понятны носителям на всей территории Западной Фландрии. Западно-фламандские диалекты можно разделить на три подгруппы: северо-западная фламандская группа (территория вдоль всего бельгийского побережья до реки Изер), западная группа (Верне, южная часть Вестхука) и континентальная западно-фламандская (регионы Кортрейка, Руселаре, Тилт). Примечательно, что континентальный вариант имеет больше отличий от первых двух групп. М. Девос отмечает присутствие элементов западно-фламандского диалекта в бельгийской литературной норме. Действительно, некоторые западно-фламандские элементы перешли в литературный язык, но скорее всего их наличие связано не с широкой интерференцией этих

диалектов, а больше с тем фактом, что распространение письменности во Фландрии в XIII в. происходило активно именно на территории Западной Фландрии. Три четверти письменных памятников той эпохи были созданы в г. Брюгге, где находилась графская канцелярия Фландрии [Van Keymeulen 2015, с. 65]. Эти факторы могли способствовать интерференции некоторых западно-фламандских элементов в литературную норму.

Таким образом, западно-фламандский диалект меньше всего испытывает на себе давление со стороны «промежуточного языка» и литературной нормы. Это может быть объяснено высокой степенью его гомогенности, которая, в свою очередь, связана с периферическим положением ареала диалекта – провинции Западной Фландрии.

Внутри диалектного континуума также существует градация престижности диалектов, определенный статус. Можно отметить, что статус диалекта зависит от его географической близости к экономическому и культурному центру Фландрии (например, брабантские диалекты). Периферийные диалекты (западно-фламандские) обладают наименьшим статусом.

Причиной процесса отмирания южно-нидерландских диалектов могут быть, с одной стороны, экстралингвистические факторы: разрушение общественного уклада, социально-демографические изменения, языковая политика Фламандского сообщества, – с другой стороны, лингвистические факторы, как то: распад языковой системы диалектов под влиянием литературной нормы или «промежуточного языка». Во Фландрии присутствуют следующие экстралингвистические факторы, влияющие на такую эволюцию диалектов: СМИ, увеличение социальных контактов, увеличение мобильности, которые не способствуют развитию традиционных диалектов, типичных для аграрного общества.

Во взаимоотношениях литературного языка, промежуточного языка и южно-нидерландских диалектов наблюдается рост интенсивности процесса влияния первых двух пластов на диалекты, что приводит к нивелированию диалектных различий. Для диалектов характерен консерватизм, традиционное противостояние внешнему влиянию, но в современной ситуации просматривается тенденция к стандартизации, что проявляется в значительном сокращении лексики. Такие процессы можно назвать общими для языковых континуумов. Можно выделить

основные три аспекта взаимоотношений между диалектами и литературным языком: функциональный, социальный и нормативный:

- сокращение коммуникативных функций диалектов происходит за счет расширения функций литературного языка; литературный язык приобретает полифункциональность, а сфера употребления диалектов сводится к бытовой сфере общения;
- владение литературным языком и его использование в качестве средства общения становится характерным для разных социальных слоев общества, а диалекты теряют свою социальную базу;
- дальнейшая кодификация нормы литературного языка; «диалектная норма под влиянием литературного языка претерпевает расшатывание, вследствие чего возрастает функционально не обусловленная вариативность языковых средств и способов выражения» [Михальченко 2002, с. 127].

Итак, южно-нидерландские диалекты можно охарактеризовать по ареалу использования, неформальному регистру, отсутствию кодификации, расположению внизу иерархии языковой вариативности (под «промежуточным языком» и литературной нормой), дифференциации по возрастным категориям, соотносительности с определенными слоями общества. Внутри каждой диалектной группы наблюдаются отличия по темпу отмирания в зависимости от возраста, социальной принадлежности носителей. Такие противоположные процессы, как экспансия или вымирание диалектов, изучаются на социолингвистическом уровне. Исследование параметров: возраст, пол и уровень образования, влияющих на употребление диалекта, указывает на то, что молодежь и женщины склонны говорить на экспансивной языковой вариативности (стандартный язык, «промежуточный язык»), а пожилые и мужчины – на регрессивной (диалекты) [Devos 2005, с. 27; Ghyselen 2010, с. 13]. Необходимо рассматривать соотносительность территориальных диалектов с определенными слоями общества. Использование диалектов высокообразованных слоев общества намного ниже по сравнению с прослойкой общества со средним профессиональным образованием. По результатам исследования Яна Гооссенса, респонденты с высшим образованием значительно реже используют диалект [Goossens 1987, с. 22].

Мы считаем, что такой экстралингвистический фактор, как деление на городское или деревенское местожительство или происхождение,

не значителен в употреблении фламандских диалектов. В связи с разрушением аграрного уклада жизни в начале XX века и «размыванием» границ между городом и деревней в современном обществе выбор диалекта обуславливается не принадлежностью к городскому или сельскому поселению, а коммуникативной ситуацией. Но город и сельская местность претерпевают разные по интенсивности процессы отмирания диалектов. Для современного диалектного континуума характерен рост отличий между городскими и сельскими диалектами и одновременное сокращение различий между городскими диалектами и литературной нормой. Безусловно, существуют крупные городские диалекты со своими особенностями (гентский, антверпенский, брюжский), но в соответствии с общей тенденцией городские диалекты проявляют меньше фонетических или интонационных отклонений от нормы, чем сельские. На основе городских диалектов также развивается особая языковая вариативность – молодежный городской язык, характеризующийся интерференцией элементов других языков: английский, арабский, турецкий¹. Такие тенденции указывают на более быстрый распад городских диалектов по сравнению с сельскими.

Не только социальная принадлежность, определяемая уровнем образования, но и возрастной фактор влияют на выбор диалекта. Каждый слой общества делится на возрастные категории с соответствующим уровнем использования диалекта: старшее поколение использует диалект значительно чаще, чем молодое поколение. Исследования А. Гейзелен и Я. Ван Кеймелен демонстрируют число носителей диалекта среди молодежи: Восточная Фландрия (16,6%), Антверпен (39,1%), Фламандский Брабант (14,4%), Лимбург (23,8%) и Западная Фландрия (53,6%) [Ghyselen 2017]. Дети используют диалекты значительно реже взрослых. Это связано со школьным образованием, которое они получают на литературном языке, а также со стремлением их собственных родителей воспитать детей на более «престижном» языке. Р. Вандекеркхофе отмечал, что для диалекта молодежи характерен структурный распад, происходит изменение лингвистической структуры диалекта, так как «различные региональные диалектные черты заменяются в языке молодежи на региональную языковую вариативность большего распространения или элементами стандартного языка» [Devos 2005, с. 146].

¹ URL: <https://www.dialectloket.be/tekst/etnolecten/>

Примером влияния государственной языковой политики на процесс отмирания диалекта является сложившаяся ситуация в Брюсселе (середина XX в.), где проводимая политика двуязычия привела к интерференции французского языка в брабантский диалект, что, в свою очередь, стимулировало употребление брюссельцами литературной нормы нидерландского как ответную реакцию на засилье французского. Другой пример влияния государства на диалектный распад – лингвистическая политика Фландрии в 1960-70-х гг. XX века, направленная на продвижение широкого использования и внедрения Всеобщего нидерландского «образованных» (Algemeen Beschaafd Nederlands) и рассматривающая диалекты как тормоз языкового прогресса. Сегодня лингвистическая государственная политика менее «агрессивна» по отношению к диалектам, они представляются как дополнение к стандартному языку в зависимости от ситуативного использования, как один из элементов многообразной языковой вариативности фламандского континуума. Несмотря на государственное толерантное отношение к диалектам, общественное мнение все же претерпевает изменения. Сегодня фламандцы нередко называют собственный диалект *plat* (*просторечье*), ограничивая его использование домом и общением с друзьями, владеющими тем же диалектом. Так, посол «Недели нидерландского языка» (проект Нидерландского языкового союза, 3–10 октября 2020 года) Ваннес Каппелле (Wannes Cappelle) признался в интервью «Радио 1» (3 октября 2020), что его попытки привить западно-фламандский диалект своим детям в качестве родного языка оказались неудачными. Таким образом, структурная устойчивость диалектов в настоящей лингвистической ситуации не поддерживается механизмом усвоения. Наблюдается тенденция сокращения навыков владения диалектами у представителей молодого и среднего поколения. Важным психолингвистическим фактором процесса отмирания является растущее негативное отношение к диалектам, падение престижности. Актуальным становится изучение языка «через призму «социальности» его предназначения» [Аврорин 1975, с. 60].

Несмотря на очевидные процессы отмирания диалектов, в диалектном континууме Фландрии присутствует сочетание противоположных тенденций: консерватизм и динамика. Ограниченная коммуникативная функция диалектов компенсируется функцией лингвистической

солидарности. Здесь также надо сказать, что диалект до сих пор представляет для многих фламандцев связь с их «малой родиной», происхождением, традициями. Это символ их культурной идентичности. Это определяет несколько бессознательное противоречивое отношение в обществе к диалектам: низкий статус, с одной стороны, и родственная и культурная связь – с другой. Обращение к диалектам в неформальном регистре создает атмосферу солидарности.

Также в последние годы наблюдается рост толерантности к использованию диалектов, отсутствие стремления во всех ситуациях использовать литературный язык. Можно сказать, что в последнее время во фламандском обществе отмечается некое возрождение диалектов: использование диалектной лексики в рекламе, в выступлениях юмористов, в текстах популярных песней.

– надписи на диалекте на одежде: бренды «Antwarpcloching», «Spreadshirt» предлагают надписи на антверпенском и западно-фламандском диалектах: *ze na kalm* (успокойся), *ik zen kalm ik ben kalm* (я спокоен), *'k zin 'n vijs kwijt* (я совсем запутался), *gij mankeerd iet* (с тобой что-то не так), *keirl* (нарень), *kzen nog miug* (я еще уставший), *zwaanst n ani* (перестать нести ерунду).

– популярные музыкальные произведения на диалектах: группа «Het Zesde Metaaal» («Шестой металл»), исполнитель Ваннес Каппелле (Wannes Cappelle) поет на западно-фламандском диалекте: «*Oe est meuglijk*» («Как это возможно»), «*Nie Voe Kinders*» («Не для детей»), «*Kom Vie Mie*» («Иди ко мне»).

Заключение

Несмотря на такие ностальгические настроения, не следует рассматривать это явление как возрождение диалектов. Это характерная тенденция для культурной сферы, но она не оказывает влияния на формирование лингвистического поведения и отношения молодежи. Несмотря на растущий интерес к диалектам в сфере культуры, наблюдается сокращение использования диалектов носителями языка в повседневном жизни. Также видны изменения как городских, так и сельских южно-нидерландских диалектов, которые приближают их к «промежуточному языку», литературной норме. Это противоречие роста популярности и одновременно продолжающегося процесса распада

диалектов присуще современному языковому континууму Фландрии. С одной стороны, распад диалектов – это стимул к более глубокому изучению диалектов, к деятельности, направленной на повышение его популярности и сохранению исчезающей языковой вариативности. Но с другой – вся лингвистическая активность вокруг проблематики диалектов исключает самый главный аспект – использование диалектов носителями и передача диалектов детям (использование диалектов в кругу семьи) – что является единственной возможностью сохранения диалектов и предотвращения их распада. Отмирание диалектов ведет к увеличению использования других вариантов («промежуточный язык», социолекты, стандартный бельгийский нидерландский), которые перенимают функции диалектов. При сохранении оппозиции «норма – некодифицированная вариативность» происходит их сближение, что приводит к некоторому смещению их функций. О процессе замене диалектов на другую языковую вариативность пишет А. Гейзелен, называя замену диалектов на стандартный бельгийский нидерландский вертикальным диалектным нивелированием, а замену на другие региолекты – горизонтальным нивелированием [Ghyselen 2017, с. 210–228].

Относительно развития языкового континуума во Фландрии мнения бельгийских нидерландистов разделяются. Одни предполагают, что в процессе развития языкового континуума диалекты полностью исчезнут, что приведет к установлению диглоссии в виде бельгийского нидерландского стандартного и «промежуточного языка» [Ghyselen 2017, с. 218–219]. Их оппоненты считают, что развитие идет в сторону диаглоссии, представленной стандартным языком, промежуточными формами и диалектами [De Caluwe 2009, с.18]. Гетерогенность структуры литературной нормы бельгийского нидерландского обуславливается в том числе и значительной вариативностью языкового континуума Фландрии. «Двойственность диалектной базы, связанная с разнодиалектной, неоднородной ее структурой, обусловила чрезвычайную устойчивость и глубину вариантности нидерландской литературной нормы, ее в известной мере неустоявшийся характер, проявляющийся и до настоящего времени» [Миронов 1973, с. 298].

Происходит естественная эволюция языка – диалекты исчезают, но на передний план выходят региональные различия в произношении при использовании стандартного языка. Региональные фонетические

типы, присутствующие в стандартном языке, компенсируют потерю функции диалекта – сохранение региональной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики. Л.: Наука, 1975. [Avrorin, V. A. (1975). Problemy izucheniya funkcionaly storony yazyka: k voprosu o predmety sociolinguistiki. (Problems of the study of the functional part of the language: concerning the subject of social linguistics). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].
- Миронов С. А.* Становление литературной нормы современного нидерландского языка. М.: Наука, 1973. [Mironov, S. A. (1973). Stanovleniye literaturnoy normy sovremennogo nidelandskogo yazyka. (Formation of the standard variant of modern Dutch). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Михальченко В. Ю.* Социолингвистика в России // Вопросы языкознания. Вып. 5. 2002. [Michalchenko, V. Y. (2002). Sociolinguistika v Rossii (Social linguistics in Russia). *Voprosy yazykozvaniya*, 5. (In Russ.)].
- Розенталь Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. [Rosental, D. E. (1976). Slovar-spravochnik lingvisticheskoy terminov. (Dictionary of linguistic terms). Moscow: Prosveschenie. (In Russ.)].
- Ярцева В. Н.* Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. [Yartseva, V. N. (1998). Yazykoznanie. Boshoy encyklopedichesky slovar. (Linguistics. Big encyclopaedical dictionary). Moscow: Bolshaya Rossiyskaya encyklopediya. (In Russ.)].
- De Caluwe J.* Tussentaal wordt omgangstaal in Vlaanderen // Nederlandse Taalkunde 14, 2009. Pp. 8–25. (In NL).
- Den Boon T.* Van Dale Groot Woordenboek van de Nederlandse Taal. Utrecht: Van Dale, 2005. (In NL).
- Devos M.* Taal in stad en land. West-Vlaams. Tielt: Lannoo, 2005. (In NL).
- Dialecten in de zuidelijke Nederlanden* // Dialectloket. URL: <https://www.dialectloket.be/tekst/nationale-variantie/> (дата обращения: 30.12.2020).
- Geeraerts D.* Een zondagspak? Het Nederlands in Vlaanderen: Gedrag, beleid, attitudes // Ons erfdeel 44, № 3. 2001. Pp. 337–344. URL : <http://www.ling.arts.kuleuven.be/qlvl/PDFPublications/01Eenzondagspak.pdf> [6 maart 2015] (In NL) (дата обращения: 17.03.2020).
- Ghyselen A.-S.* Ne vent als em kan ekik nie luchten. Een matched-guise onderzoek naar de attitude van de West-Vlaming tegenover taalvariantie : masterscriptie. Universiteit Gent, 2010. (In NL).
- Ghyselen A.-S.* Een geval apart? De Vlaamse taalsituatie vanuit Europees perspectief // De vele gezichten van het Nederlands in Vlaanderen. Een inleiding tot de variatietaalkunde. Leuven: Acco, 2017. Pp. 210–228. (In NL).

- Goossens J.* Het gebruik van dialect en Algemeen Nederlands en de evolutie ervan // Mededelingen van de Vereniging voor Limburgse Dialect- en Naamkunde. Hasselt. 1987. Nr. 42. tabel 2. Pp. 22–24. (In NL).
- Janssens G.* Het Nederlands en vroeger en nu. Leuven: Acco, 2011. (In NL).
- Van der Gucht F.* Atlas Nederlands. Tielt: Lannoo, 2017. (In NL).
- Van Keymeulen J.* Het Vlaams, een taal of een misverstand // Tydskrif vir Nederlands en Afrikaans. 2015. Vol. 22. Pp. 64–87. (In NL).
- Willemyns R.* Het verhaal van het Vlaams. De geschiedenis van het Nederlands in de Zuidelijke Nederlanden. Antwerpen : Standaard Uitgeverij / Het Spectrum, 2003. (In NL).

Е. С. Кудинова, Е. А. Юкляева

Кудинова Е. С., кандидат филологических наук,
и. о. заведующей кафедрой английского языка как второго переводческого
факультета, Московский государственный лингвистический университет
e.kudinova@linguanet.ru

Юкляева Е. А., кандидат педагогических наук,
и. о. заведующей кафедрой немецкого языка и перевода переводческого
факультета Московского государственного лингвистического университета
e.yuklyaeva@linguanet.ru

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ
УСПЕШНОСТИ ИМИДЖА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ**

В статье анализируется понятие «имидж», рассматривается методика изучения имиджевого портрета современного политика. Делается вывод о том, что именно полимодальный подход позволяет получить объективные выводы об успешности имиджа того или иного политического деятеля. Целесообразно проводить анализ вербального, просодического, невербального и визуального модусов коммуникации. Установлена корреляция между имиджеобразующими стратегиями М. Зедера и невербально-просодические составляющими в политическом дискурсе.

Ключевые слова: имиджелогия; политический дискурс; просодия; невербальная коммуникация.

E. S. Kudinova, E. A. Yuklyaeva

Kudinova E. S., PhD (Philology), Head of the Department of the English Language as a Second Foreign Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
e.kudinova@linguanet.ru

Yuklyaeva E. A., PhD (Pedagogy), Head of the Department of the German Language and Translation, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
e.yuklyaeva@linguanet.ru

**LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC SUCCESS CRITERIA
OF MODERN POLITICIANS' IMAGE**

The article gives an overview of political image, and sets out a framework for analyzing political image based on a multimodal approach, which helps to define a successful

political image. It is expedient to take account of the interaction among the verbal, prosodic, nonverbal and visual communication modes. A correlation between Markus Soeder's image-building strategies and nonverbal-prosodic components in political discourse is revealed.

Key words: image making; political discourse; prosody; nonverbal communication.

Введение

В имиджелогии понятие «имидж» трактуется как комплексное образование, которое включает в себя сложившуюся в общественном сознании и формируемую деятельностью средств массовой информации совокупность представлений о качествах политического лидера, а также материальных конструктов, ассоциируемых с политическим деятелем. Имидж политика может формироваться как стихийно, так и целенаправленно. Имидж связан как с внешним обликом политика, так и с его внутренним содержанием политика и психологическим типом.

Имидж неоднороден и динамичен; он постоянно формируется, меняется, совершенствуется, корректируется, адаптируясь к запросам времени и общества. В политике имидж определяет победу на выборах. Каковы же основные компоненты имиджа победителя?

Лингвистические составляющие имиджа политика

В исследовании мы придерживаемся полимодального подхода при анализе успешности имиджа политик. На наш взгляд, именно учет аддитивного вклада вербального, просодического, невербального и визуального модусов коммуникации позволит получить наиболее объективное представление об эффективности или неэффективности имиджевого портрета того или иного политика.

Считаем нецелесообразным придерживаться типологии, предложенной известным имиджелогом В. М. Шепелем [Шепель 2002], который выделил следующие компоненты имиджа успешного политика: риторику, мимику, жесты и внешний облик. Отметим, что некорректно разграничивать мимику и жесты, так как они являются неотъемлемыми элементами кинесики.

Таким образом, методика проведения нашего анализа будет включать следующие этапы:

1. Определить специфику речевого и невербального поведения политика (с помощью компьютерной программы для аннотирования видеозаписей *Elan*).
2. Провести анализ просодических характеристик речи политика с помощью программы *Praat*.
3. Выявить речевые приемы манипулятивного воздействия на избирателей.
4. Определить основные полимодальные критерии успешности имиджа современных политиков.

Рассмотрим более подробно специфику речевого имиджа как основной составляющей имиджа лидера в политическом дискурсе. *Риторика* (владение искусством политической речи) является важнейшим фактором воздействия на окружающих. Речевые стратегии в политическом дискурсе должны обладать такими характеристиками, как: персуазивность, логичность, инспиративность, образность и театральность.

В лингвистических исследованиях речевой портрет определяется как воплощенная в речи языковая личность конкретного социума. Трактовка и моделирование речевого портрета происходит на лексическом, синтаксическом и метаязыковом уровнях, при этом приоритетными считаются групповые признаки языковой личности, что приводит к нивелированию индивидуальной языковой личности и к моделированию обобщенного и конвенционализированного образа [Голикова 2018].

Методика анализа речевого портрета традиционно включает в себя изучение фонетико-фонологических, морфологических, лексических и синтаксических особенностей речи.

Еще в середине 60-х гг. XX в. М. В. Панов ввел понятие фонетического портрета, а также на основе своих наблюдений и анализа особенностей произношения политиков предложил опираться на модели фонетического портрета [Панов 2007].

Материалом исследования Л. В. Постниковой служат речи президентов США. Исследователь анализирует корреляцию между просодическими характеристиками речи и политическим имиджем, включая влияние экстралингвистических факторов (ситуация общения, канал связи с электоратом, целевая аудитория). Автор приходит к выводу о том, что просодические особенности речи представляют

собой индикатор риторических приемов воздействия на электорат. На перцептивном и акустическом уровнях это проявляется в усреднении значений частоты основного тона, частотного диапазона и интенсивности звукового сигнала, соотношения продолжительности фонации к паузации, частотности пауз определенной длительности, средней длительности слога (СДС) как показателя темпа, конфигурации терминальных и ядерных тонов [Постникова 2003].

Исследователи имиджа отмечают, что успешные политики используют, как правило, следующие риторические приемы:

- акцентуацию важных слов и подчеркивание их интонацией;
- изменение тона голоса – понижение и повышение;
- изменение темпа для придания речи выразительности;
- паузирование до и после важных высказываний [Гуревич 2018].

Невербальные составляющие имиджа политика

1. Жесты и позы. В практике общения выделяют несколько основных типов кинесических средств и поз, отражающих когнитивные процессы и эмоциональное состояние политика. Традиционно выделяют открытые / закрытые жесты (мануальный жест «раскрытые ладони»), защитные жесты и позы, жесты рефлексии и оценки; кинесические средства, выражающие сомнение, недоверие и неуверенность, регулятивные жесты, миремы и позы, свидетельствующие о нежелании слушать собеседника и о стремлении прекратить беседу (например, нежелание установить зрительный контакт с коммуникантом); жесты, выражающие чувство превосходства и часто негативно воспринимаемые электоратом (например, закладывание рук за голову); жесты, выражаемые готовность к действию (например, обе руки коммуниканта лежат на коленях и корпус наклонен вперед).

Мимика и миремы. Оценка мимических выражений и миремического поведения собеседника требует перцептивного опыта. Именно микровыражения лица, длящиеся от 1/15 до 1/25 секунды, позволяют правильно декодировать информацию, поступающую от коммуниканта [Кудинова 2016].

2. Внешний облик, одежда. Политическая деятельность предъявляет особые требования к деловому костюму, который может свидетельствовать не только о вкусе политического деятеля, но и о его

надежности. Опрятный внешний вид, классический костюм, аксессуары отражают социальный политического деятеля и могут значительно повлиять на выбор электората.

Структура имиджа неразрывно связана с проблемой эффективности формирования имиджа. Это также многоуровневый аспект, где наряду с функциональной эффективностью – достижением собственно политических целей – в настоящее время огромное значение приобретает коммуникативная эффективность имиджа, которая заключается в корректном транслировании имиджа целевой аудитории. Ученые различают семиотическую эффективность при выборе корректных кодов в процессе коммуникации и технологическую эффективность (выбор адекватных каналов в процессе коммуникации) [Мажоров 2016]. Использование правильных кодов и каналов для передачи информации позволяет оптимизировать имиджеобразующую стратегию политика.

Критерии успешности имиджа Маркуса Зедера

Маркус Зедер (Markus Soeder) – премьер-министр федеральной земли Бавария и председатель Христианско-Социального Союза (CSU), в настоящий момент один из самых популярных политиков ФРГ, хотя еще два года назад подвергался критике в том числе и за его позицию в отношении мигрантов. Однако в 2018 г. в коалиции с партией *Freie Wähler* (Свободные избиратели) начал работать над смелой своего политического имиджа, чем заслужил прозвище «баварский хамелеон». Новый имидж, расширяясь, в том числе и в сторону экологического (Закон о защите пчел, отказ от размещения в Баварии радиоактивных отходов) и технологического (развитие высоких технологий в Баварии, проект *Bavaria One*) дискурса, обращен прежде всего к образованным слоям населения. Кроме того, М. Зедер выступает за равные права женщин в профессии – эта тема актуальна сейчас во всей Западной Европе. Однако настоящий взлет популярности политика произошел во время пандемии; быстрое введение режима чрезвычайной ситуации, ограничение передвижения граждан и закрытие школ в Баварии считаются образцовыми мерами, в связи с чем М. Зедера называют «антивирусным политиком». В результате полимодального анализа невербально-просодических характеристик

дискурса М. Зедера были выявлены следующие критерии успешности его имиджа.

1. Речевой портрет:

- использование простых и четких, легких для понимания, формулировок проблемы, сопровождающихся конкретным способом ее решения;
- высказывание в основном своего собственного мнения; отказ от комментирования высказываний других политиков;
- важной грамматической особенностью является минимальное использование пассивных форм глагола: М. Зедер всегда субъект, а не объект действия, напр., *Hamsterkaeufe sind asozial* («Покупки товаров впрок асоциальны»); ср. схожее высказывание Михаэля Мюллера, правящего бургомистра Берлина *Hamsterkaeufe werden als asozial bezeichnet* («Покупки товаров впрок считаются асоциальными»);
- предпочтение коротким хлестким высказываниям и запоминающимся лозунгам: *Corona schlaeft nicht, wir aber auch nicht* («Коронавирус не спит, но и мы не спим»); *Corona ist kein Gewitter, das bleibt* («Коронавирус – это не гроза, он останется»); *Rettungsschirm fuer Krankenhaeuser* («зонтик для больниц»);
- синтаксическая структура характеризуется в основном простыми предложениями; пространные описания отсутствуют;
- на просодическом уровне отметим высокую частотность реализации восходящих (45% от общего количества тонов) и нисходящих (36%) тонов. Частотность употребления средних ровных тонов составляет 18%. Средние показатели частоты основного тона (ЧОТ) составляют 156 Гц. Максимальные значения ЧОТ равны 187 Гц, а минимальные – 135 Гц.

Средние значения интенсивности звукового сигнала (ИЗС) достаточно стабильны и составляют 75 dB.

2. Жесты

Мы зафиксировали высокую частотность исполнения иллюстративных жестов (50%), сопровождающихся нисходящими тонами. Интенсивность реализации иллюстраторов коррелирует с высоким темпом речи оратора. Жестовый репертуар иллюстраторов М. Зедера достаточно разнообразный. Так, политик реализует аллокины (рубящее

движение ладони, вращательное движение запястья, кивки) и кинемоморфемы (жест «щепотка», жест «шпиль»).

Восходящие и ровные тоны сопровождаются метафорическими (38 %) и иконическими (8 %) жестами. Манипуляторы (прикосновения к лицу, к одежде) составляют 4 % от всех исполняемых жестов и реализуются в конце синтагмы или не сопровождаются речью.

Изменения в невербальном и, в частности, тактильном поведении также могут нести определенные послания, так, например, М. Зедер отказался от рукопожатий из-за пандемии уже в феврале 2020 г.

3. Коммуникативная эффективность

М. Зедер, по образованию журналист, умело демонстрирует высокую семиотическую и технологическую эффективность имиджа. Обладая солидной базой в социальных сетях и используя популярные современные каналы коммуникации, он безошибочно выбирает те семиотические коды, которые могут найти отклик у большей части населения Баварии. Об этом свидетельствует, среди прочего, инсценировка самого себя как заботливого «отца региона» и эффективного кризисного менеджера, всегда появляющегося на публичных мероприятиях в маске только в цветах национального баварского флага. Политик хорошо осознает значение видеоряда, поэтому, например, весной 2020 г. М. Зедер оперативно разместил свои фотографии со склада с горами туалетной бумаги на заднем плане на своих страницах в социальных сетях в то время, как в «Твиттере» курсировали фотографии пустых прилавков. Осенью 2020 г. перед началом вакцинации в Германии в соцсетях появляется фото М. Зедера, которому делают прививку от коронавируса. Летом 2020 г. на странице политика появилась его фотография рядом с Ангелой Меркель, сделанная перед началом заседания кабинета министров во дворце Херренкимзее, что было расценено многими аналитиками как сигнал о том, что М. Зедер претендует на должность федерального канцлера после ухода госпожи Меркель в декабре 2021 г. Интересно, что М. Зедер часто использует чашку для передачи своих семиотических кодов; достаточно вспомнить его чашку с эмблемой NASA (политик инициировал космический исследовательский проект *Bavaria One*) или чашку, которую он использовал на съезде Христианско-Социального Союза в октябре 2020 г., проходившего в онлайн-формате: чашка с явной

отсылкой к сериалу «Игры престолов» в ходе выступления политика меняла цвет и надпись от «Winter is coming» («Зима наступает») к «Winter is here» («Зима наступила»), намекая тем самым на серьезность ситуации с коронавирусом в стране.

Заключение

В результате проведенного нами анализа были выделены следующие критерии успешности имиджа политика:

- Выявлены особенности индивидуального стиля М. Зедера, который проявляется на лексическом и синтаксическом уровнях.
- В результате анализа морфологии жеста М. Зедера выявлен достаточно разнообразный жестовый репертуар политика (реализация иллюстративных аллокинов позволяет наглядно изобразить вербальную информацию и усилить смысл высказывания).
- Определены просодические характеристики речи политика и установлена корреляция между просодическими особенностями и реализуемыми жестами.
- Отмечены примеры эффективного использования визуальных средств и артефактов М. Зедером для формирования политической повестки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аржанова К. А. Социально-психологический подход к определению персонального имиджа политического лидера // Вестник университета. М.: Государственный университет управления, 2015. № 2. С. 276–280. [Arzhanova, K. A. (2015). Social-psychological approach to the definition of the personal image of a political leader. *Vestnik universiteta*, 2, 276–280. (In Russ.)].
- Голикова Т. А. Речевой портрет как основная составляющая имиджа лидера в политическом дискурсе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. М.: АНО ВО «Российский новый университет», 2018. № 3. С. 9–16. [Golikova, T. A. (2018). Speech portrait as the main component of leader's image in political discourse. *Vestnik of Russian New University. Series: Human in the modern world*, 3, 9–16. (In Russ.)].
- Гуревич П. С. Социология и психология рекламы: учебное пособие для вузов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. [Gurevich, P. S. (2018). *Sociologia*

- I psikhologia reklamy. (Sociology and advertising psychology). Textbook for universities. Moscow: Urte (In Russ.).
- Мажоров Д. А. Критерии оценки эффективности имиджа и имиджеобразующих текстов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 167–171. [Mazhorov, D. A. (2008). Kriterii ocenki effektivnosti imidzha I imidzheobrazuyushykh tekstov. (Evaluation criteria for image and image-forming texts efficiency). In: *Izvestia RGPU im. A. I. Gerzena. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* (pp. 167–171). (In Russ.)].
- Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. Изд. 2-е, стер. М.: УРСС, 2007. [Panov, M. V. (2007). *Istoria russkogo literaturnogo proisnosheniya XVIII–XX vv. (History of Russian literary pronunciation in 18–20 centuries)*. Moscow: URSS (In Russ.)].
- Крылова, Н. Г. Методика управления процессом формирования иноязычных артикуляций (на материале постановки русских щелевых согласных и аффрикат в иностранной аудитории): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1982. [Krylova, N. G. (1982). *Metodika upravleniya processom formirovaniya inoyasychnykh artikulyacii (na materiale postanovki russkikh shelevykh soglasnykh i affrikat v inostrannoi auditorii)*. (Methods of managing the process of foreign articulation development (out of a setting of Russian fricative consonants and affricate in foreign audience): abstract of PhD in Pedagogics. Moscow. (In Russ.)].
- Кудинова Е. С. Просодические и невербальные характеристики речи в синхронии и диахронии (на материале британских художественных фильмов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. [Kudinova, E. S. *Prosodicheskie i neverbal'nye harakteristiki rechi v sinhronii i diahronii (na materiale britanskikh hudozhestvennykh fil'mov)*. (Speech-gesture characteristics from a synchronic and diachronic perspectives): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Постникова Л. В. Просодия и политический имидж оратора: На материале речей американских президентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. [Postnikova, L. V. (2003). *Prosodia I politichesky imidzh oratora: Na materiale rechei amerikanskikh presidentov (Prosody and political image of a speaker: out of speeches of American presidents)*: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Шепель В. М. Имиджелогия: учебное пособие. М.: Народное образование, 2002. [Shepel, V. M. (2002). *Imidzhelogia. (Imagelogy)*. Textbook. Moscow: Narodnoye obrasovanie. (In Russ.)].

А. В. Кузнецов, Т. В. Писанова

Кузнецов А. В., аспирант кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; переводчик, АО «Делойт и Туш СНГ»
svift2007@yandex.ru

Писанова Т. В., доктор филологических наук, профессор кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета
ptp1@bk.ru

АЛЛЮЗИЯ В ПРЕЦЕДЕНТНОМ ПОЛЕ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья посвящена изучению проблемы определения понятия «прецедентность». Предпринимается попытка структурирования прецедентных феноменов. Отмечается момент перехода прецедентного феномена в аллюзию. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дополнительного анализа механизма образования и функционирования аллюзии. Используются методы моделирования, сравнительного анализа, синтеза и сплошной выборки. Результаты представлены в виде схем и таблиц, а также проиллюстрированы на примерах из испаноязычных газетно-публицистических текстов.

Ключевые слова: аллюзия; прецедент; прецедентность; право; интертекстуальность; СМИ.

A. V. Kuznetsov, T. V. Pisanova

Kuznetsov A. V., Postgraduate student of the Spanish Language and Translation and Interpreting Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University,
translator / interpreter at AO Deloitte & Touche CIS
svift2007@yandex.ru

Pisanova T. V., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor at the Spanish Language and Translation Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
ptp1@bk.ru

**ALLUSION AS PART OF THE PRECEDENT FIELD
OF THE SPANISH MEDIA**

The article studies the definition of precedence. The authors also attempt to structure precedent phenomena. The transition point at which lexical units change from

precedent phenomena to allusions is marked. The relevance of this issue is conditioned by the need to perform some extra analysis of allusions in terms of derivation and functioning. The methodology comprises modelling, comparative analysis, synthesis and continuous sampling. The outcomes are shown in schemes and charts, and proved by extracts from media texts in the Spanish language.

Key words: allusion; precedent; precedence; law; intertextuality; mass media.

Введение

В современной науке прочно закрепился подход к использованию междисциплинарных методов проведения исследований. Новое знание, получаемое на стыке разнонаправленных дисциплин, расширяет поле деятельности ученых. Междисциплинарный характер настоящего исследования обуславливает необходимость синтеза методологии.

«Распространенный в современной лингвистике когнитивный подход нацелен на исчерпывающее описание языка, которое не может быть достигнуто без относительно полного описания человеческого знания. Когнитивная парадигма диктует необходимость объединения данных разных научных дисциплин: философии, логики, культурологии, психологии и других. Такой подход способствует развитию теоретических представлений о скрытых механизмах языковой коммуникации, общих закономерностях интеллектуальной деятельности людей, включая оценочное общение» [Писанова 1997, с. 22].

С целью освещения одного из базовых теоретических аспектов проводимого исследования предлагается анализ одной из точек соприкосновения лингвистики и юриспруденции, что находит отражение в трактовке понятия «прецедент». В проведении данной разработки мы опираемся на труды российских и зарубежных лингвистов, заложивших теоретические основы интертекстуальности и фундамент теории прецедентности (Е. А. Бочарникова, Л. Н. Лунькова, Л. В. Моисеенко, Д. Л. Шукуров, Р. Барт, Ж. Женетт, А. Маседо Родригес, У. Эко и др.). При трактовке рассматриваемого понятия с точки зрения теории права за основу были взяты работы отечественных теоретиков в данной области (М. Н. Марченко, В. П. Гребенников, Л. Ю. Грудцына).

Материалом исследования послужили передовые испаноязычные СМИ (EFE, El Mundo, Diario crítico, La nueva España и др.). Отбор эмпирического материала осуществлен методом сплошной выборки.

Правовая природа понятия «прецедент»

В течение последних десятилетий наблюдается стремительное развитие средств массовой информации. В разных странах формирование данной тенденции связано преимущественно с политическими и социально-экономическими процессами в обществе. Скорость изменения данных процессов высока. Распространение технологий передачи информации привело к тому, что новостное сообщение способно быть в кратчайшие сроки донесенным до огромного количества получателей. Сегодня устаревание информации происходит гораздо быстрее, нежели десять лет назад, когда охват населения нашей планеты Всемирной паутиной был не так велик. Вместе со скоростью распространения информации растет и потребность в обеспечении более быстрого ее восприятия. На первый план выходит также и качество восприятия информации. Необходимость оперативного освещения актуальных событий стимулирует теоретиков и практиков в области лингвистики и журналистики к поиску новых решений, отвечающих вызовам нашего времени.

В современных СМИ наблюдается тенденция к использованию интертекстуальных явлений (ИТЯ) и прецедентных феноменов (ПФ) в текстах и речи журналистов. Также отмечается особая роль интертекстуальных явлений в языке СМИ (С. В. Ильясова, Л. П. Амири и др.). В частности, широко освещаются проблемы употребления аллюзий в газетно-публицистических текстах, заголовках и рекламе. Коммуникативная направленность текстов или устных сообщений журналистского жанра объясняет целый спектр функций, выполняемых аллюзией и смежными интертекстуальными явлениями. Однако, если говорить о терминах «интертекстуальность» и «прецедентность» с теоретической точки зрения, то на данный момент среди ученых не сложилось окончательного мнения касательно определения этих понятий. В работах также просматривается сомнение относительно включения тех или иных явлений (например, аллюзии или реминисценции и др.) в категорию интертекстуальности или прецедентности.

В ходе исследования понятия «прецедент» нами было замечено использование последнего для обозначения как лингвистического явления (см. подробнее работы Л. В. Моисеенко по вопросам лингвокогнитивных основ теории прецедентности), так и правового (см. подробнее работы М. Н. Марченко, В. В. Гребенникова, Л. Ю. Грудцной

по вопросам судебного прецедента и прецедентного права). Решающую роль сыграло сведение двух дисциплин, в результате чего были выявлены общие характеристики, присущие понятию «прецедент». В рамках данной статьи не представляется возможным подробно рассмотреть все аспекты данного явления, поэтому ограничимся кратким экскурсом в историю прецедентного права и обозначим точку пересечения с лингвистикой.

«Исторический подход при исследовании судебного прецедента как источника права позволяет глубже понять основные причины и условия его возникновения, тенденции его развития, характер и особенности его применения» [Волков 2005] (цит. по: [Оруджова 2015, с. 86]). «Судебный прецедент как самостоятельный правовой институт был известен с древнейших времен в первых мировых государствах, таких как Вавилон, Древний Египет, Древний Рим. Уже тогда на основе судебной практики были написаны первые книги законов. В Древнем Риме в качестве прецедентов выступали устные заявления (этикеты) или решения по конкретным вопросам преторов и других магистратов» [Дрожжин 1994] (цит. по: [Оруджова 2015, с. 86]). «Прецедентное право возникло в Древнем Риме и носило название преторского права... Преторское право создавалось и развивалось не в процессе правотворческой деятельности, а в процессе правоприменения, формируясь на базе казусов, исков по гражданским делам. Особенность этого права заключалась также в том, что его нормы не противоречили законодательству, актам гражданского права, а лишь наполняли старые формы гражданского права новым юридическим и материальным содержанием» [Марченко 2008, с. 171–180] (цит. по: [Желдыбина 2015, с. 54]).

Таким образом, прецедентное право основано на принципе повторяемости. Следовательно, прецедент, как было сказано выше, формируясь «на базе казусов», представляет собой некое событие прошлого, имеющее общие черты с событием настоящего. Указанная сущность служит основанием как для принятия судебных решений (в случае судебного прецедента), так и для употребления того или иного прецедентного феномена в тексте или речи. В обоих случаях в роли механизма реализации функций прецедента выступает обращение к прошлому, т. е. к исторической памяти. О роли последней в функционировании аллюзии, находящейся непосредственно в фокусе нашего

исследования, мы подробно говорили в работе, посвященной генезису философии интертекстуальности. В рамках данной статьи считаем необходимым еще раз отметить сделанные выводы, представленные в виде формулы:

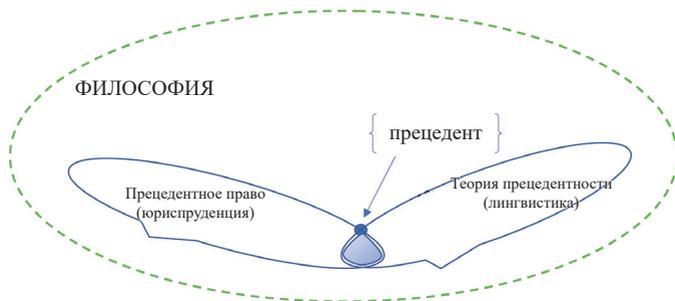
(2) Аллюзия = знания человека + историческая память.

«В формуле (2) под аллюзией будем понимать, разумеется, не собственно стилистический приём, а условие реализации аллюзии в тексте. Иными словами, если исключить из данного уравнения одну из переменных (знания или память), то равенство будет нарушено, поскольку знания не существуют здесь и сейчас, знания имеют свойство накапливаться, что реализуется за счет памяти» [Метафизика общего дела ... 2019, с. 187].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что на стыке уже не двух, а трех дисциплин (философии, лингвистики и юриспруденции), обнаруживаются общие черты понятия «прецедент». На схеме 1 наглядно отображена логика и результат проведенного анализа.

Известно, что философия, как общенаучное и безграничное поле деятельности, объединяет все науки. Ни лингвистика, ни юриспруденция не составляют исключения. Разумеется, у этих наук есть достаточно много точек соприкосновения и смежных областей. На представленной схеме нами изображена одна из точек соприкосновения данных дисциплин, что дает возможность наглядно продемонстрировать наличие у понятия «прецедент» общих характеристик, свойственных обоим отраслям знаний.

Схема 1

Понятие «прецедент» на стыке дисциплин

Аллюзия на границе прецедентности

Переходя в сектор прецедентного поля лингвистики и СМИ, отметим, что «для автора публицистического текста целью является не отнесение читателя к какому-либо конкретному прецеденту, а создание образа, характеристики, вызов ассоциации» [Онищенко 2010, с. 60]. В число таких прецедентов вполне справедливо могут быть включены феномены, составляющие историческую память человечества, и, соответственно, которые могут быть присущи одновременно нескольким культурным пространствам. Последнее объясняется тем, что одни и те же исторические события, персонажи, изобретения имеют отношение одновременно к разным странам, народам, культурам и, следовательно, хранятся в памяти этих народов и культур. Ответ на вопрос о том, что может выступать в качестве прецедента, разные ученые дают по-разному.

С одной стороны, по мнению В. В. Красных, прецедентным феноменом может считаться явление, отвечающее трем условиям: во-первых, такое явление должно быть хорошо известно всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, во-вторых, оно должно быть актуальным в познавательном и эмоциональном плане и, в-третьих, такое явление должно постоянно «всплывать» в речи того или иного национально-лингвокультурного сообщества (прив. по: [Онищенко 2010, с. 62]).

С другой стороны, С. В. Ильясова и Л. П. Амири отмечают, что «не всегда *любой отвечающий жизненной идеологии эпохи текст* может стать прецедентным. Текст-источник, называемый прецедентным текстом, носит, как правило, общеизвестный и временной характер. Это зависит от ряда факторов: во-первых, он должен быть легко узнаваемым большим количеством реципиентов, во-вторых, соответствовать главным целям создания того или иного текста» [Ильясова, Амири 2018, с. 252].

Л. В. Моисеенко, говоря о пространстве, определяемом категорией прецедентности, заполняет его следующими категориями: эпос; названия произведений художественной литературы; имена авторов и литературных персонажей; названия кинофильмов, популярных радио- и телепередач; пословицы, цитаты, крылатые слова или афоризмы, то есть любой вид «чужого слова»; аллюзии; реминисценции. Следует отметить, что Л. В. Моисеенко сразу приводит уточнение по поводу

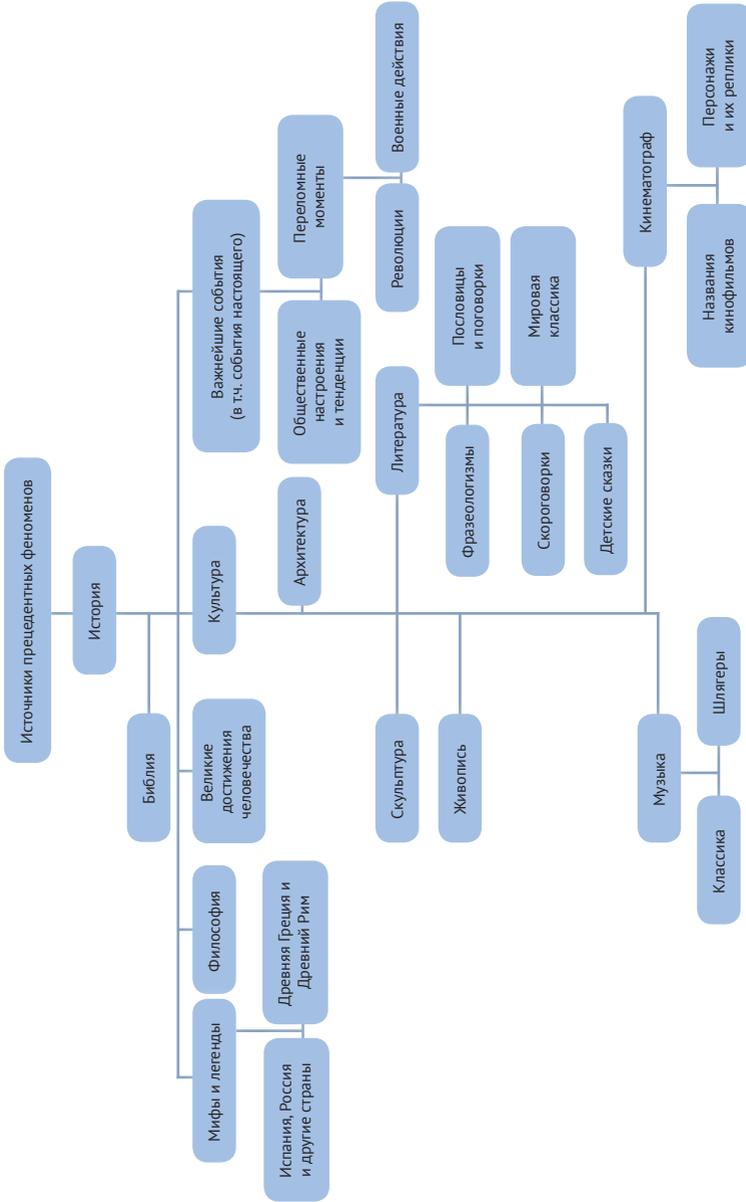
того, что «явления, описываемые категорией “прецедентность”, выглядят несколько иначе. Из представленного списка, по-видимому, должны быть исключены аллюзия как стилистическая фигура и реминисценция как художественный прием» [Моисеенко 2015, с. 24].

Изучив разные подходы, мы предприняли попытку обобщения существующих мнений по поводу компонентов, составляющих категорию «прецедентность», и конкретизации отдельных случаев. Результаты данного анализа представлены в виде схемы. Исходя из того, что прецедент является событием прошлого, имеющим отношение к настоящему, основным источником таких событий является история. Было бы несправедливо исключить события современности из состава прецедентных феноменов, поскольку определенные события имеют продолжительный характер и, играя важную роль в жизни современного человека, становятся знаковыми и получают новое качество, позволяющее повысить степень смыслового наполнения и интерпретации. Эти и некоторые другие компоненты изображены на схеме 2.

Далее, в контексте нашего исследования был поставлен вопрос о том, в какой момент прецедент становится аллюзией. Вопрос справедлив и актуален, особенно с учетом того, что подобные явления уже реализуются на практике, т. е. используются в газетно-публицистических текстах и других материалах журналистского жанра. Дать конкретный ответ на этот теоретический вопрос оказалось непросто. Однако очевиден принципиальный, по нашему мнению, момент, проявляющийся в намерении автора сообщения повысить степень высказывания. Последнее реализуется за счет вкладывания новых смыслов в уже известные феномены. Схожей позиции придерживается О. В. Онищенко: по мнению ученого, «аллюзия – это сознательное использование определенных явлений, фактов, лиц, рассчитанное на возникновение ассоциативных подтекстов» [Онищенко 2010, с. 59]. С целью иллюстрации предложенных рассуждений приведем некоторые примеры из различных жанров СМИ.

В первую очередь обратимся к заголовкам статей (см. табл. 1). Основная цель заголовка заключается в привлечении внимания читателей. Именно этим обусловлена высокая, по сравнению с лидом и основным текстом статьи, частотность употребления прецедентных феноменов в заголовках. В первой колонке таблицы 1 представлено несколько заголовков к статьям различных журналистских жанров. Во второй колонке приводится соответствующий ПФ, использованный

Схема 2

Компоненты категории «прецедентность»

журналистом в качестве источника для создания заголовка. С оригинальными текстами статей можно ознакомиться по ссылкам, указанным в строчках под соответствующими примерами.

Как уже говорилось выше, прецедентные феномены встречаются и в самих текстах (иногда с непосредственным указанием на события из прошлого). Рассмотрим более подробно некоторые из предложенных выше статей. Так, в статье *Águila no caza moscas*, опубликованной в издании *Diario crítico* находим¹:

...rememorando el intento de golpe de estado y el sabotaje a la industria petrolera en el 2002-2003, la independencia del pueblo venezolano gracias a la revolución bolivariana, y la hermandad con Cuba y los países andinos por donde se paseo la espada de Bolívar...

В данном фрагменте статьи, посвященной событиям, разворачивавшимся вокруг бывшего венесуэльского лидера Уго Чавеса в связи с очередным конфликтом интересов между Венесуэлой, Ираном и США, автор упоминает об исторических событиях, связанных с войной за независимость стран Латинской Америки под предводительством Симона Боливера в конце XVIII – начале XIX вв., попытке совершения государственного переворота в Венесуэле в 2002 году, а также забастовке нефтяников 2003 года, вызванной стремлением оппозиции отстранить Уго Чавеса от власти. Для жителей стран Южной Америки эти события имеют колоссальное значение, особенно для населения Венесуэлы. В контексте неустойчивых политических и экономических отношений с зарубежными партнерами события прошлого протягивают связующие нити к событиям настоящего, помогая понять природу конфликтов и найти пути их решения.

Автор другой статьи предпочел раскрыть своим читателям источник прецедентного феномена и предложил в скобках оригинальную формулировку крылатой фразы на латинском языке²:

Las águilas no cazan moscas (“aquila non captat muscas”), según dejó escrito el comediógrafo latino Plauto, de modo que la alcaldesa Paz Fernández Felgueroso acaba de manifestar que ya está bien de que los insectos, durante los plenos del Ayuntamiento, anden a sus anchas ante el pico de la más grande ave depredadora de los cielos.

---

¹ URL: <https://www.diariocritico.com/noticia/273907/noticias/aguila-no-caza-moscas.html>.

² URL: <https://www.lne.es/opinion/2009/04/21/aguila-caza-moscas-21544754.html>.

Таблица 1

Прецеденты в заголовках испаноязычных СМИ

Заголовок	Прецедентный феномен	Жанр	СМИ
Águila no caza moscas	Aquila non captat muscas (<i>lat.</i>)	Интерпретационный	Diario crítico
	(https://www.diariocritico.com/noticia/273907/noticias/aguila-no-caza-moscas.html)		
El águila no caza moscas	Aquila non catat muscas (<i>lat.</i>)	Мнение	La nueva España
	(https://www.lne.es/opinion/2009/04/21/aguila-caza-moscas-21544754.html)		
Entrevista con Alberto Cifuentes, debutante en LaLiga a los 41 años: “La edad es sólo un dato”	“La edad no es la que uno tiene sino la que uno siente”, Gabriel García Márquez (<i>матема</i>)	Интервью	El Mundo
	(https://www.elmundo.es/deportes/futbol/primera-division/2020/09/22/5f68e60721efa089398b45bb.html)		
Una torre de Babel contra el terror	Библия	Аналитическая статья	El Mundo
	(https://www.elmundo.es/internacional/2017/05/12/5911898546163f800e8b45f5.html)		
COP23: La cumbre del clima de David contra Goliat	Библия	Аналитическая статья	EFE
	(https://www.efc.com/efe/america/sociedad/cop23-la-cumbre-del-clima-de-david-contra-goliat/20000013-3429045)		

В лиде этой же статьи находим:

La magnífica ave de presa siempre quiso reinar en los cielos, más que gobernarlos.

В данном случае уже явным образом в поле зрения появляется аллюзия на крылатое латинское изречение. Подобное заключение позволяет сделать смысл, вложенный в словосочетание *la magnífica ave de presa*, проявляющийся в виде намека на латинскую фразу. Основанием для намека служит заголовок статьи. Таким образом, схема формирования аллюзии в данном случае выглядит следующим образом: *la magnífica ave de presa* (лид) – *El águila no caza moscas* (заголовок) – *aquila non captat muscas* (крылатая фраза на латинском языке). Отметим также, что в рассматриваемой фразе видна и гипербола *la magnífica ave*, но анализ данного стилистического приема уже не входит в фокус нашего исследования.

Заключение

Синтез методологий доказал свою значимость для данного междисциплинарного исследования. Рассмотрение понятия «прецедент» с позиции лингвистики, истории и юриспруденции позволило найти общий аспект, осмысление которого с акцентом на философское понимание природы данного явления дало новую возможность понять один из основополагающих принципов образования и функционирования аллюзии.

Представленные примеры свидетельствуют о том, что употребление прецедентных феноменов характерно для различных жанров СМИ. Рассматриваемые явления употребляются во всех разделах статьи: заголовке, лиде и основном тексте статьи.

Вопрос о наполнении прецедентного пространства остается открытым и, скорее всего, таким останется навсегда в связи с той особенностью, что число компонентов, находящихся в поле прецедентности, постоянно меняется, а подобные изменения, в свою очередь, обусловлены непрерывностью человеческой деятельности.

Природа понятия «прецедент» многогранна. Беря свои истоки с древнейших времен, потенциал данного термина развился и прочно закрепился в лингвистике, открывая новые возможности для реализации языковых явлений. Для целей дальнейшего исследования

необходимо еще раз отметить, что с того момента, когда прецедентный феномен приобретает дополнительный смысл, спектр его значений повышается, что позволяет использовать такой феномен в качестве одной из переменных предложенного уравнения аллюзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богуславская В. В.* Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: Издательство ЛКИ, 2017. [Boguslavskaya, V. V. (2017). Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya. Analiz zhurnalistskikh tekstov. (A linguistic, social and cultural concept in text modeling. Analysis of media texts). Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russ.)].
- Волков К. А.* Судебный прецедент в уголовном праве. Хабаровск: издательство ТОГУ, 2005. [Volkov, K. A. (2005). Sudebnyi pretsedent v ugovnom pravе. (Precedent in criminal law). Khabarovsk: izdatel'stvo TOGU. (In Russ.)].
- Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю.* Будущее прецедентного права в России // Вестник РУДН. Юридические науки. 2016. № 4. С. 99–110. [Grebennikov, V. V., Grudtsyna, L. Yu. (2016). The future of case law in Russia. *RUDN Journal of Law*, 4, 99–110. (In Russ.)]. URL: <http://journals.rudn.ru/law/article/view/15131/13995> (дата обращения: 11.01.2020).
- Дрожжин В.* Правосудие в Древнем Риме // Российская юстиция. 1994. № 10. [Drozhdin, V. (1994). Pravosudie v Drevnem Rime. (Justice in Ancient Rome). *Rossiiskaya yustitsiya*, 10. (In Russ.)].
- Желдыбина Т. А.* Судебный прецедент: современный взгляд // Теория права 2015. № 3. С. 53–56. [Zheldybina, T. A. (2015). Sudebnyi pretsedent: sovremennyy vzglyad. (A contemporary outlook on judicial precedent). *Teoriya prava*, 3, 53–56. (In Russ.)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyuy-pretsedent-sovremennyy-vzglyad> (дата обращения: 11.01.2020).
- Ильясова С. В., Амири Л. П.* Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия: монография. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА : Наука, 2018. [Ilyasova, S. V., Amiri, L. P. (2018). Yazyk SMI i reklamy: igra kak norma i kak anomalija. (The language of mass media and advertising: wordplay as a norm and as an anomaly). 3rd ed. Moscow: FLINTA : Nauka. (In Russ.)].
- Красных В. В.* Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере). Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 128–144. [Krasnykh, V. V. (1997). Cognitive base vs cultural space in studying language personalities: the study of the Russian sphere of concepts. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei /*

- Red. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. Moscow: Filologiya, 1, 128–144. (In Russ.). URL: https://philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_01_11krasnych.pdf (дата обращения: 11.12.2020).
- Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2008. [Marchenko, M. N. (2008). *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeiskoe parvo. (Judicial legislation and magisterial law)*. Moscow. (In Russ.)].
- Метафизика общего дела / под ред. д-ра филол. наук, проф. А. Н. Ложилина. М.: Издательство «Перо», 2019. [Loshchilin, A. N. (ed.). (2015). *Metafizika obshchego dela. (Common cause metaphysics)*. Moscow: Izdatel'stvo «Pero». (In Russ.)].
- Моисеенко Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: дис. ... докт. филол. наук. М., 2015. [Moiseenko, L.V. (2015). *Lingvokognitivnye osnovy teorii pretsedentnosti. (Linguo-cognitive foundations of the precedence theory)*: Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Онищенко О. В. Функционирование аллюзий, реминисценций и прецедентных феноменов в текстах русскоязычных СМИ // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. 2010. Специальный выпуск № 2. С. 58–64. [Onishchenko, O. V. (2010). Functions of allusions, reminiscences and precedent phenomena in Russian media texts. *Vestnik Taganrogskego gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Gumanitarnye nauki. Spetsial'nyi vypusk No. 2*, 58–64. (In Russ.)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-allyuziy-reminisentsiy-i-pretsedentnyh-fenomenov-v-tekstah-russkoyazychnyh-smi/viewer> (дата обращения: 07.11.2019).
- Оруджова Р. Р.-К. Развитие и становление судебного прецедента как источника права: сравнительно-правовой анализ // Марийский юридический вестник. 2015. № 3 (14). С. 86–88. [Orudzhova, R. R.-K. (2015). Development and establishment of judicial precedent as a source of law: comparative legal analysis. *Mariiskii yuridicheskii vestnik*, 3(14), 86–88. (In Russ.)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-i-stanovlenie-sudebnogo-pretsedenta-kak-istochnika-prava-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 11.01.2020).
- Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. М.: Издательство ИКАР, 1997. [Pisanova, T. V. (1997). *Natsional'no-kul'turnye aspekty otsenochnoi semantiki: Esteticheskie i eticheskie otsenki. (Evaluative Semantics: Nation-Specific and Culture-Specific Aspects of Esthetic and Ethic Evaluations)*. Moscow: IKAR. (In Russ.)].

А. Н. Ливанова, Е. В. Воробьева

Ливанова А. Н., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
alex_livanova@yahoo.com

Воробьева Е. В., кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета
voroba@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ В СОВРЕМЕННОМ НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается новая тенденция к употреблению определенного артикля при именном предикате, выраженном существительным, в норвежском языке. Рассматривая данное явление с позиции полевого подхода, авторы объясняют использование определенного артикля тем, что обозначенное подлежащим лицо наиболее полно воплощает в себе качества, выраженные именной частью сказуемого. Это согласуется с употреблением определенного артикля с оценочными существительными в функции обращения.

Ключевые слова: определенный артикль; норвежский язык; именной предикат; полевой подход; обращение.

A. N. Livanova, E. V. Vorobyeva

Livanova A. N., PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Scandinavian and Dutch Philology, Philological Faculty, St. Petersburg State University
alex_livanova@yahoo.com

Vorobyeva E. V., PhD (Philology), Head of the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
voroba@gmail.com

CHANGES IN ARTICLE USAGE IN MODERN NORWEGIAN

The article considers a new trend in the use of the definite article in the case of a nominal predicate expressed by a noun in Norwegian language. Considering this phenomenon from the position of a field approach, the authors explain the use of the definite article by the fact that the person designated by the subject

most fully embodies the qualities expressed by the nominal part of the predicate. This is consistent with the use of the definite article with evaluative nouns in vocatives.

Key words: definite article; the Norwegian language; noun predicate; field principle; vocative.

Введение

В скандинавских языках артикли при существительном начали развиваться еще в дописьменную эпоху (около VI века) «как особая грамматическая категория, выражающая различные соотношения частного и общего» [Стеблин-Каменский 1953, с. 189], обычно называемая категорией определенности / неопределенности.

В целом развитие этой категории в языках скандинавских народностей, затем в национальных датском и шведском языках, а позднее и в норвежском (статус норвежского языка как отдельного, отличного от датского, формировался в течение приблизительно столетия в XIX в.) шло по схожим сценариям. Вначале из указательного местоимения развился определенный артикль, позже на базе числительного «один» – неопределенный. Значения, которые передавались в указанных языках соответствующими средствами, формировались не одновременно и в ряде случаев не совпадают, что, впрочем, вполне объяснимо: «В разных даже близкородственных языках образуемый предикативным отношением глагольно-предикативный каркас элементарного предложения отличается разной степенью структурной необходимости его составных частей даже в тех случаях, когда условия ситуации и контекста делают название тех или иных компонентов этого отношения семантически излишним» [Адмони 1988, с. 166].

Соответственно, в употреблении артиклей между указанными языками существует немало частных различий, как формальных, так и функционально-смысловых. Кроме того, в каждом из языков наблюдается вариативность в употреблении артиклей в схожих контекстах. Последнее связано в первую очередь с комплексной природой артикля как функционального класса: артикль позволяет, с одной стороны, передать субъективный взгляд говорящего на ситуацию, а с другой – служит одним из важнейших средств отражения в языке внеязыковой действительности посредством указания на различные референтные

свойства актуализованных в речи объектов. Не подлежит сомнению и строевая функция артикля, кумулятивно обозначающего в скандинавских языках также число, в единственном числе – род оформленного артиклем имени (существительного), и кроме того, маркирующего принадлежность оформленного артиклем слова к существительным [Стеблин-Каменский 1957, с. 57]. Это очевидно, поскольку категория детерминации «связана с некоторыми специфическими особенностями существительного» [Плунгян 2011, с. 222]. В то же время не следует упускать из виду, что «хотя категория определенности-неопределенности присуща имени существительному как части речи, сущность ее может быть раскрыта наиболее полно не в масштабе отдельного слова, а в масштабе предложения» [Габучян 1972, с. 24].

Употребление определенного артикля при именном предикате

В данной статье пойдет речь о двух случаях употребления определенного артикля в норвежском языке, представляющих интерес в отношении выражаемой ими семантики. Как известно, «в определенном артикле не сразу развились все те оттенки значения, которые характерны для него в современных скандинавских языках» [Стеблин-Каменский 1953, с. 192]. Язык продолжает развиваться, артикль обретает новые функции.

В норвежском языке в общем случае при именном предикате, выраженном существительным (в том числе и с адъективным определением) в единственном числе, употребляется неопределенный артикль, о чем обычно сообщается на первых страницах учебников норвежского языка для иностранцев:

- (1) Du er en *kjeltring*. – «Ты мерзавец»¹.
- (2) Hun er *en flink fotballspiller*. – «Она талантливый футболист».

Однако в современном норвежском языке ширится использование определенного артикля даже и в этой позиции. Как отмечает профессор С. Т. Нефёдов, «некоторые внешние противоречия в соотношении артиклевой формы существительного и значения, которое данная форма обнаруживает, дают основания В. Г. Адмони для вывода о том, что,

¹ Здесь и далее перевод примеров авторов. – А. Л., Е. В.

хотя противопоставление значений определенности / неопределенности в существительном посредством артиклей находит более последовательное выражение, чем противопоставление генерализации и индивидуализации, но и в этом случае не создается стройной системы соответствия формы и ее содержания, необходимой для установления в системе форм существительного оппозитивных отношений категориального характера» [Нефёдов 2018, с. 160]. Иначе говоря, несистемный характер развития оппозиций в рамках категории определенности / неопределенности является скорее правилом, чем исключением, что, однако, не должно служить поводом для отказа от поиска причин, лежащих в основе проявлений подобной несистемности.

В предложениях характеристики типа (1) неопределенный артикль именной части сказуемого призван демонстрировать принадлежность вещи / объекта, занимающего место подлежащего, классу, обозначенному словом, стоящим в позиции сказуемого и обозначающим «понятие, под которое подводится другое» [Берков 2005, с. 14]. Исключение составляют те случаи, когда подлежащее обозначает лицо, а сказуемое выражает национальность, партийную или конфессиональную принадлежность, профессию, род занятий. В таком случае артикль опускается (семантическое обоснование опущения артикля рассматривается в работе [Воробьева 2017]).

Однако, если существительное в роли предиката имеет при себе характеризующее определение, выраженное прилагательным, артикль нужен в любом случае (2).

Определенным артиклем существительное в роли предикативного члена может быть оформлено в тех не слишком частых случаях, когда существительное в позиции сказуемого обозначает нечто наиболее подходящее, уместное в данной ситуации (синтаксическую структуру подобных предложений можно трактовать иначе, но это не релевантно для темы статьи). В следующем примере постоялец гостиницы Бристоль в Осло следующим образом обобщает свои впечатления от ее убранства:

(3) *Elegant er ordet.* – «Элегантная, иначе не скажешь».

Однако в последнее десятилетие в предложениях, подобных приведенному в качестве примера (1), оформление именной части сказуемого определенным артиклем участилось:

- (4) Du er *magikeren*. Du er *spebarnet*. Du vil bestandig bli en annen. – «Ты прирожденный волшебник. Ты вечный младенец. Ты всегда будешь другим».
- (5) Du er dette bildet. Du er *ungdommen*. Du er det *uflidde, sultne, kritiske, lykkelige*. – «Ты – это изображение. Ты – молодость. Ты – непричесанное, голодное, капризное счастье».

В обоих случаях проявляется несколько иной оттенок значения, а именно, существительное в позиции подлежащего обозначает лицо, наиболее полно воплощающее в себе понятие, обозначенное существительным в роли именной части сказуемого, т. е. наиболее типичного представителя того класса объектов, который обозначает такое существительное. Иначе говоря, существительное в позиции подлежащего – идеальный денотат существительного в позиции именной части сказуемого. В следующем примере подобное использование определенного артикля эксплицируется:

- (6) (*Marcus Jacob*) Monrad skulle komme til å personifisere norsk filosofi på 1800-tallet. Han var “*Philosophen*” i bestemt form. – «(Маркусу Якобу) Монраду предстояло персонифицировать норвежскую философию XIX века. Он был “Философ” в определенной форме».

В рассматриваемых случаях в качестве именной части сказуемого нередко встречаются оценочные обозначения, характеризующие личность с одной определенной стороны:

- (7) Lisbeth var *gulljenta*, jeg var *rampegutten*. – «Лисбет была воплощенной девочкой-паинькой, а я – абсолютным сорванцом».

В следующем примере речь идет о муже и жене, личности которых диаметрально противоположны (что подчеркивается использованием определенного артикля), но дополняют друг друга в обустройстве общего дома:

- (8) Hun er *kunstneren*, grafisk designer som maler bilder og stadig må skape. Han er *praktikeren*, ingeniør som monterer, snekrer og er dyktig med både lys og lyd. – «Она – художник, графический дизайнер, пишет картины и нуждается в непрерывном творчестве. Он – практик, инженер, который занимается монтажом и плотницкими работами, ловко управляется с освещением и звуком».

Наличие качественного определения при существительном в именной части сказуемого обычно делает необходимым использование неопределенного артикля также и в случаях, когда артикль опускается, а именно – «при обозначении профессии, рода занятий, национальности и т. д.» [Берков 2005, с. 14]:

- (9) Hans far var *vitenskapsmann*. – «Его отец был ученым».
- (10) Hans far var *en berømt vitenskapsmann*. – «Его отец был известным ученым».

Употребление артикля при существительном с адъективным определением либо придаточным относительным

В наших материалах встречаются предложения, в которых существительное в позиции сказуемого оформлено определенным артиклем и при этом имеет при себе адъективное определение. Определение употребляется, естественно, в слабой форме. Напомним, что по-норвежски слабая форма прилагательного называется также определенной, *bestemt form* – см., к примеру, [Faarlund 1997, с. 366].

- (11) Sofie var *fysioterapeuten som* samlet feriedager og tok ulønnet permisjon for å reise i flere måneder. – «София была классическим / обычным / типичным физиотерапевтом, которая копила дни отпуска и брала отпуск за свой счет, чтобы на несколько месяцев отправиться в путешествие».
- (12) Jeg er blitt *den skikkelige sure gamle dama som* ikke liker å se sannheten i hvitøyet. – «Я стала настоящей / типичной брюзгливой старой дамой, которой не нравится смотреть правде в глаза».
- (13) Thure Erik Lund er kjent som *den sære språkkunstneren i norsk samtidsliteratur*. – «Туре Эрик Лунд славится в современной норвежской литературе как непревзойденный виртуоз слова».

При устном обсуждении темы коллеги-шведисты высказали предположение, что определенный артикль в подобных случаях обусловлен наличием определения, выраженного придаточным относительным. Однако в норвежском языке наличие при существительном в именной части сказуемого определения, выраженного в том

числе и придаточным предложением, не влечет за собой обязательного оформления этого существительного определенным артиклем, см. об этом [Стеблин-Каменский 1957, с. 58], а также [Faarlund 1997, с. 1054–1055]. Ср., например:

- (14) Å finne **en lege** som **aksepterer** Medicare eller Medicaid er ikke vanskelig. – «Найти врача, который принимает по страховке Medicare или Medicaid, несложно».

Хотя в большинстве случаев функцию именной части сказуемого при подобном использовании артикля выполняют оценочные существительные, обозначающие лицо, встречаются и обозначения объектов другого рода. Так, Гру Харлем Брунтланд в интервью по случаю 80-летия сказала, имея в виду самоубийство младшего сына:

- (15) Vi har hatt **den store familietragedien**, og det er det ikke alle som er 80 år som har opplevd. – «Мы пережили самую ужасную семейную трагедию, такое выпадает на долю не всем, кому исполняется 80 лет».

Первый из примеров, обративших на себя внимание авторов статьи, датирован 2014 годом, однако известно, что фиксации того или иного явления в письменной форме обычно предшествует более или менее длительный период его использования в устном общении. Широющееся использование определенного артикля с существительными в позиции именной части сказуемого обращает на себя внимание и требует объяснения.

Толкование новой тенденции в употреблении артикля с точки зрения полевого подхода

Представляется плодотворным для истолкования этого явления норвежской грамматики использовать предложенный В. Г. Адмони и развитый В. М. Павловым, А. В. Бондарко и другими исследователями полевой подход (см. об этом подробно в статье [Павлов 2001]).

Известно, что основная функция существительного – категоризация или идентификация, в то время как для прилагательного типична призначно-характеризующая функция, или функция дескрипции.

В рассмотренных случаях группа существительного в функции предиката обозначает наиболее характерный и высококлассный

образчик представителя класса, обладающего указанным свойством, и используется для качественной характеристики лица, обозначенного подлежащим. Общее значение подобной конструкции можно определить так: обозначенное подлежащим лицо наиболее полным образом воплощает в себе качества, выраженные именной частью сказуемого. Определенный артикль в этой части служит способом указания на представленность названной характеристики в наивысшей степени, как и в случаях использования определенного артикля при прилагательном в форме превосходной степени в роли предиката. Семантика прилагательного и существительного дополняют друг друга, оформление определенным артиклем придает всему сочетанию общее значение наивысшей степени выражения признака в одном объекте, в нашем случае в том лице, которое занимает позицию подлежащего. Как заметил В. М. Павлов, ««промежуточности» разного рода ... представляют собой органические компоненты реальных полевых структур в строе любого языка» [Павлов 2001, с. 12].

В двух представленных далее фрагментах из одного и того же текста наглядно демонстрируется ситуативно и семантически обусловленное использование определенного и неопределенного артикля при характеристике одним и тем же существительным одного и того же лица. Мальчик Тео хочет продемонстрировать отцу свою смелость и один отправляется в лес. В мечтах он видит себя как Тео с постоянной характеристикой «воплощенный / настоящий искатель приключений»:

- (16) Han ville ut på skauen og høre fuglene synge, han ville inn til vannene for å se fisken vake. Han ville være Theo, *eventyren*. – «Он хотел отправиться в лес и слушать пение птиц, хотел нырять в озера и смотреть, как плавают рыбы. Он хотел быть Тео, искателем приключений».

Мальчик долго не возвращается, его мать волнуется, и отец пытается ее успокоить:

- (17) Men herre Gud, Wilma, han er åtte år. <...> Han er og blir *en eventyrer*. – «Но боже мой, Вильма, ему восемь лет. <...> Он искатель приключений и всегда таким будет».

Здесь именная часть сказуемого указывает лишь на одну из характеристик личности мальчика в глазах его родителей. Схожее семантическое противопоставление сознательно используется автором эссе в следующем отрывке:

- (18) ...det er og blir romanene som har skaffet Zakhar Prilepin renommé som *et helt sentralt navn* – noen vil si – *det sentrale navnet* i russisk samtidslitteratur. – «...именно романы создали и создают Захару Прилепину славу одного из важнейших имен – некоторые скажут – самого важного имени в современной русской литературе».

Употребление определенного артикля с оценочными обозначениями лица в функции обращения

Представляется, что выявленные семантические основания использования определенного артикля при оформлении именной части сказуемого позволяют объяснить отнюдь не новое в норвежском языке употребление с определенным артиклем существительных – оценочных обозначений лица в функции обращения:

- (19) Du våkner ved siden av mannen din om morgenen, smiler blidt og sier: God morgen, *tjukken!* – «Утром ты просыпаешься рядом с мужем, ласково улыбаешься ему и говоришь: ”Доброе утро, толстяк!”».

Существительные этой группы представляют собой:

- либо субстантивированные прилагательные, обозначающие один выделяемый говорящим признак:
dumma – глупышка, dummen – глупыш, fina – красотка, kjekken – красавчик, slemma – злюка, slemmen – ворчун, smukka – красавица, smukken – красавец, småen – малыш, søta – милашка, søten – конфетка, tjukka – пышка, tjukken – толстяк, vesla – малышка;
- либо реже – глагольные основы, обозначающие характерное поведение (*jåla* – *кривляка*);
- либо, наконец, сложные существительные, образованные по распространенной модели, когда носителем грамматического признака принадлежности к классу существительных служит опорное слово, часто обозначающее животных, но утратившее свое лексическое значение, а значение характерного признака передается первым компонентом сложного слова, представляющим собой адъективную или глагольную основу, лексическое значение которой указывает на характерный признак или поведение:

hermegåsa – подражать, передразнивать + гусыня = кривляка,
jålebukken – кривляться + козел = ломака (о мужчине).

Все эти слова можно охарактеризовать как обозначения-характеристики, согласно классификации обращений в книге [Гольдин 2009, с. 93]. Для ряда таких существительных (*dumma, dummen, smukka, smukken, søta, tjukka, tjukken, vesla*) современный онлайн-словарь [NAOB] указывает форму с определенным артиклем как единственную. Слово *fin* в словарь не включено, что неудивительно, поскольку все перечисленные слова бытуют в основном в устной речи. Некоторые существительные из указанных (*hermegås, jåle, jålebukk*) обладают полной парадигмой:

(20) Du er **en hermegås**, en are. – «Ты кривляка, обезьяна».

Однако в функции обращения они употребляются с определенным артиклем. Количество таких существительных в языке весьма невелико. Возможно поэтому они мало обращали на себя внимание лингвистов. В статье, посвященной анализу именно обращений [Julien 2014], им посвящен один абзац, в котором, в частности, говорится о: «выражениях типа *kjekken* и *søta*, которые несколько выделяются в норвежском языке, поскольку представляют собой прилагательное, оформленное суффиксированным определенным артиклем. Удивительно то, что они используются преимущественно как обращения. Так что их форма может указывать на то, что в определениях предпочтительно выражается определенность» [там же, с. 159]. Однако автор не пытается объяснить почему. Естественно, «определенность» обращений диктуется в общем случае конситуацией. Это никак не объясняет наличия определенного артикля в указанных словах, поскольку обычно обращение, выраженное существительным, или не имеет при себе артикля (*Tosk! – Болван!*), или оформлено притяжательным местоимением (*Din tosk! – букв. ‘Твой болван!’*); если же обращение выражено прилагательным или именем с адъективным определением, то прилагательное стоит в определенной форме (*Å kjære, vakre, vene, gode, snille, søte deg. – Ах ты дорогая, красивая, славная, хорошая, добрая, милая; kjære mor – дорогая мама*). Думается, изложенные выше семантические основания использования определенного артикля в именной части сказуемого позволяют объяснить и наличие

определенного артикля у существительных в функции обращения. Говорящий при этом не описывает одну из характеристик собеседника, а указывает на то, что тот полностью соответствует категории, обозначенной оценочным существительным в функции обращения, и выраженная в этом существительном качественная характеристика наиболее полно отражает сущность собеседника, позволяя включить его в соответствующую категорию.

Заключение

Вероятно, как довольно позднее появление артикля в языках, так и дальнейшее развитие функций артикля свидетельствуют в пользу телеологического взгляда на эволюцию языка, который неоднократно формулировал, в частности, психолингвист Бернар Бичакджян: «Новые способы употребления способствовали созданию и обработке конструкций, несущих больший объем информации» [Bichakjian 2011, с. 27]. Обретение артиклем новых функций, завоевание новых позиций, рост варьирования артиклевых форм в одних и тех же позициях позволяет всё более тонко выражать смысловые нюансы. Молодой как язык нации норвежский демонстрирует быстрое развитие в самых разных областях, в том числе и этой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. [Admoni, V. G. (1988). *Grammatischenkii stroi kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki. (Grammatical structure as a system of construction and general theory of grammar)*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)].
- Берков В. П. Краткий справочник по грамматике норвежского языка. М.: Высшая школа, 2005. [Berkov, V. P. (2005). *Kratkii spravochnik po grammatike norvezhskogo yazyka. (A quick guide to grammar of the Norwegian language)*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].
- Воробьева Е.В. Опускание артикля при указании профессии и рода деятельности в позиции предиката в норвежском языке // Скандинавская филология = *Scandinavica*. Межвузовский сборник. 2017. Вып. 11. С. 3–12. [Vorobyeva, E. V. (2017). Omission of the article before the predicative nouns for profession, occupation etc. in Norwegian. *Skandinavskaya filologiya = Scandinavica*, 11, 3–12. (In Russ.)].

- Габучян Г. М. Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса. М.: Наука, 1972. [Gabuchyan, G. M. (1972). *Teoriya artiklya i problemy arabskogo sintaksisa. (Article theory and problems of Arabic syntax)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Гольдин В. Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. [Gol'din, V. E. (1983). *Rech' i ehtiket. (Speech and etiquette)*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)].
- Нефёдов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. [Nefedov, S. T. (2018). *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Morfologiya. (Theoretical grammar of the German language. Morphology)*. St. Petersburg: Izd-vo SPBGU. (In Russ.)].
- Павлов В. М. Принцип поля в грамматическом исследовании и идея противоречия // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко / отв. ред. С. А. Шубик. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. С. 5–12. [Pavlov, V. M. (2001). The field principle in grammatical research and the idea of contradiction. In Shubik, S. A. (ed.), *Issledovaniya po yazykoznaniiyu: K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN Aleksandra Vladimirovicha Bondarko* (pp. 5–12). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)].
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungyan, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskije sistemy yazykov mira (Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world)*. Moscow: RGGU. (In Russ.)].
- Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. [Steblyn-Kamenskii, M. I. (1957). *Grammatika norvezhskogo yazyka. (Grammar of the Norwegian language)*. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russ.)].
- Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. [Steblyn-Kamenskii, M. I. (1953). *Istoriya skandinavskikh yazykov. (History of the Scandinavian languages)*. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russ.)].
- Bichakjian B. H. Diversity as an indicator of language evolution // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича: сборник статей. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 16–28.
- Faarlund J. T., Lie S., Vannebo K. I. Norsk referansegrammatikk (Norwegian reference grammar). Oslo: Universitetsforlaget, 1997. (In Norw.).
- Julien M. (2014). Vokativar i norsk (Vocatives in Norwegian). *Norsk Lingvistisk Tidsskrift*, 32, 130–165. (In Norw.).
- НАОБ: Det norske akademis ordbok. URL: <https://naob.no> (дата обращения: 20.03.2021).

Р. Р. Мавлеев, Д. В. Мавлеева

Мавлеев Р. Р., кандидат филологических наук,
доцент кафедры методики преподавания иностранных языков
Московского педагогического государственного университета
rmavleev@gmail.com

Мавлеева Д. В., старший преподаватель кафедры восточных языков
переводческого факультета Московского государственного
лингвистического университета
selezneva_dv@mail.ru

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ КОРЕЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

Корейский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям и являются типологически отличными языками. Однако ввиду ареальной близости языки находились в регулярных контактах на протяжении всей своей истории. Исследование посвящено выявлению сходств и различий в военных терминосистемах Республики Корея и Китайской Народной Республики на синхронном срезе. Можно также предположить, что многие обнаруженные сходства обусловлены общей иероглифической составляющей данных языков и характерны для других языков иероглифического ареала.

Ключевые слова: терминология; терминосистема; термин; корейский язык; китайский язык; иероглифический ареал.

R. R. Mavleev, D. V. Mavleeva

Mavleev R. R., PhD (Philology), Associate Professor
at the Department of Methods of Teaching Foreign Languages,
Moscow State Pedagogical University
rmavleev@gmail.com

Mavleeva D. V., Senior lecturer, Department of Oriental languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
selezneva_dv@mail.ru

**COMPARATIVE STUDY
OF KOREAN AND CHINESE MILITARY TERMS**

Korean and Chinese languages are typologically different languages and belong to different language families. However due to their areal closeness they have always been in certain language contacts. The study is devoted to identifying the similarities and differences in the military terminological systems of the Republic of Korea and

the People's Republic of China. It can also be assumed that many of the similarities found are due to the common hieroglyphic base of languages and are characteristics of other hieroglyphic area languages.

Key words: terminology; term; Korean; Chinese; hieroglyphic area.

Введение

Корейский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям и являются языками разной типологии. Как пишет В. Е. Сухинин, «по вопросам происхождения корейского этноса и его языка среди ученых нет единого мнения. Хотя эта проблема остается нерешенной, и корейский язык в общей генеалогической классификации относится к изолированным, многие лингвисты, в том числе южнокорейские специалисты, склонны связывать этногенез корейцев и формирование их языка с материковой Азией, с алтайской теорией. Констатируется его относительная близость к тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи, а также к японскому языку, который также сближают с алтайскими» [Сухинин 2018, с. 7]. С типологической точки зрения корейский язык является агглютинативным. В свою очередь, китайский язык входит в сино-тибетскую языковую семью, а типологически является изолирующим языком с элементами агглютинативной морфологии. Однако ввиду длительного влияния Китая на весь ареал Юго-восточной Азии, и, в частности, на Корейский полуостров, сопоставительное исследование военных терминосистем на материале китайско-корейской пары языков приобретает особое значение.

Несмотря на большой интерес, который представляют военные терминосистемы КНДР, Тайваня, Сингапура, объектом нашего исследования являются исключительно военные терминосистемы Республики Корея (далее – РК) и Китайской Народной Республики (далее – КНР).

Предметом нашей работы являлись этимологические аспекты функционирования военных терминов корейского и китайского языков.

Цель исследования заключалась в выявлении асимметричных и симметричных процессов закрепления военной лексики в терминосистемах РК и КНР, которые обусловлены лингвистическими, а также экстралингвистическими факторами.

Материалом данной работы стали военные термины РК и КНР, отобранные из корпусов военных текстов, составленных в рамках исследования, а также военно-технических и военно-политических словарей соответствующих языков.

Гипотеза заключается в том, что несмотря на то, что основную базу военной терминосистемы Республики Корея составляют именно сино-корейские термины, то есть термины, которые потенциально могут быть записаны иероглифами. Формирование, наполнение и упорядочение терминосистем данных стран шло разными путями, а не посредством прямого заимствования из китайского языка в корейский язык. Кроме того, многие выявленные сходства могут быть обусловлены общей иероглифической составляющей данных языков и экстраполированы на другие языки иероглифического ареала.

Экспериментальное исследование

Этимологический анализ синхронного среза военных терминосистем РК и КНР дал следующие результаты: сино-корейский пласт военных терминов корейского языка составляет около 93% от всех терминов, что коррелирует с долей исконной лексики в китайском языке, которая составила 98%. В свою очередь доля исконной лексики в корейском языке не достигает 3%. На долю иностранных заимствований по фонетическому принципу в китайском и корейском языках приходится соответственно около 2% и 5%, что также примерно коррелирует.

В лексике китайского языка выделяется исконная и заимствованная лексика. Исконный пласт лексики, безусловно, преобладает над заимствованным. В китайском языке в целом, а также в военной терминологии, в частности прямых заимствований по фонетическому признаку из других языков сравнительно мало, и наибольший процент приходится на заимствования из английского языка.

Многие заимствования имеют исконные эквиваленты, а статус рекомендованного получает более точный и краткий вариант термина. Примером заимствованных военных терминов китайского языка могут послужить термины:

- 雷达 léidá «РЛС» / «радар» (от *англ.* radar);
- 声纳 shēngnà «сонар» / «гидролокатор» (от *англ.* sonar);
- 坦克 tānkè «танк» (от *англ.* tank).

В препозиции или в постпозиции к такого рода заимствованным морфемам часто добавляются морфемы-классификаторы. Например:

卡宾枪 *kǎbīnqiāng* «карабин» (от *англ.* carbine), родовое понятие – 枪 *qiāng* «ружье».

Ряд фонетических заимствований, которые появилась в языке в связи с необходимостью быстрой номинации того или иного нового понятия, перешли в разряд устаревших. В процессе упорядочения терминосистемы их заменили на исконные эквиваленты. Например: 莱塞 *láisāi* «лазер». Данный вариант почти не используется в современном китайском языке. Вместо него используется 激光 *jīguāng*, поморфемный перевод которого означает «яркий луч».

Как пишет А. А. Хаматова, «в китайском языке некоторые заимствования, оставаясь звуковыми заимствованиями разной степени освоения, получают своеобразное осмысление, т. е. семантическое освоение». Звуковой состав слова взаимодействует с законом морфологической значимости слогоделения [Хаматова 2016, с. 15]. Например, термин 黑客攻击 *hēikè gōngjī* «хакерская атака». Первый его элемент со значением «хакерский» является калькой (от *англ.* hacker), а если рассмотреть значение каждого иероглифа, получается 黑 *hēi* «черный» + 客 *kè* «гость».

Сопоставление процессов заимствования военных терминов в терминосистемах РК и КНР позволяет сделать вывод о зависимости данного процесса от фонетико-фонологического устройства языка, а также от типа письменности. И. Д. Кленин и В. Ф. Щичко пишут, что «в языках, где слог является не только фонетической, но и семантической единицей, так как он соответствует морфеме (китайский, вьетнамский, тайский, лаосский, ххемерский и др.), приоритет принадлежит семантическим заимствованиям (калькированию)» [Кленин, Щичко 2013, с. 193]. Среди причин малого количества заимствований в китайском языке В. М. Солнцев приводит также особенности структуры слога китайского языка: «Фактически применительно к данному состоянию китайского языка нельзя говорить о слогаобразовании, т. е. о свободном образовании в речи новых слогов» [Солнцев 1977, с. 158]. Количество слогов в китайском языке ограничено.

В корейском же языке, в свою очередь, сино-корейские слоги, записанные корейским письмом «хангыль», в большинстве случаев

теряют свою мотивированность для носителей языка, которая существовала в иероглифической записи. На трудность иноязычных заимствований из китайского языка влияет также и тонирование слогов.

В военной терминосистеме РК выделяются исконная лексика, сино-корейская лексика, а также фонетические адаптации иностранных слов. Доля исконной лексики в нашем исследовании не составила более 2%. Обычно такого рода терминологические единицы являются общеупотребительными словами, которые приобрели новые значения вследствие метафоризации. Например:

- 꼬리 [ккори] «хвостовая часть самолета» (досл. 'хвост');
- 버섯구름 [посоткурым] «грибовидное облако»;
- 꼬리날개 [ккоринальгэ] «хвостовое оперение» (досл. 'хвостовое крыло').

Ввиду того, что 93% военных терминов корейского языка, выявленных в ходе нашего исследования, относятся к сино-корейскому пласту, мы можем прийти к выводу о том, что сино-корейская лексика составляет большую часть военной терминосистемы корейского языка по причине морфологических и семантических особенностей сино-корейских слов, таких как формализованность, краткость и емкость понятия. Именно по этой причине в письменных текстах при наличии терминологических дублетов сино-корейскому термину отдается предпочтение перед исконным термином. По этой же причине на протяжении XV–XIX вв. сино-корейские лексеммы последовательно вытесняли исконно корейские.

Как пишет Е. А. Похолкова, «различное отношение к исконным и сино-корейским лексическим единицам в Корее существовало со времен Средневековья, когда иероглифика выполняла функции письменного языка, который считался приоритетом малочисленной образованной прослойки общества. Несмотря на это, именно сино-корейская лексика стала основой многих терминологий в силу различных причин:

- гибкости и вариативности семантики иероглифических морфем;
- способности выражать понятия более детализировано;
- высокой сочетаемости иероглифических морфем друг с другом и с исконно-корейскими элементами;
- широкого спектра словообразовательных возможностей таких морфем» [Похолкова 2007, с. 48].

Однако, как показало сравнение, многие военные термины были созданы в корейском языке независимо от китайского, что подтверждает нашу гипотезу о том, что формирование военных терминосистем РК и КНР шло разными путями. Рассмотрим примеры:

«Стреловидное крыло»:

(後退翼) [хутхвейк] (кор.) – 后掠翼 (後掠翼) hòulüèyì (кит.).

В данном термине в языках совпадают словообразовательная морфема 后 *hòu*, которая используется в составных терминах и соответствует приставкам *за-*, *задне-*, *по-*, *после-*, *пост-*, *мета-*, а также морфема «крыло», тем не менее данный термин в корейском языке был образован отдельно от китайского на основе имеющихся сино-корейских морфем. Поморфемный перевод в корейском языке означает «крыло, направленное назад». Сочетание первых двух морфем 後退 (в кор. яз. «отходить назад») в китайском языке также существует, но в данном термине не употребляется, а используется сочетание 后掠 *hòulüè* «стреловидный».

Схожая ситуация наблюдается с терминами «крыло обратной стреловидности» и «крыло изменяемой стреловидности». В первом случае мы имеем – 전진익 [чончжиник] (前進翼) в корейском языке. Сочетание первых двух морфем является отдельным словом и употребляется в значении «движение вперед, продвижение» (так как у таких самолетов крыло направлено вперед в отличие от самолетов с обычным стреловидным крылом, которое направлено назад), однако в китайском языке такое слово отсутствует. Эквивалентом этому корейскому термину в китайском языке является термин 前掠翼 (前掠翼) *qiánlüèyì*. Несмотря на совпадение двух элементов в данных терминах процессы их образования, вероятно, проходили независимо друг от друга.

«Крыло изменяемой стреловидности»: 가변 후퇴익 (可變後退翼) [кабён хутхвейк] (кор.) – 变后掠翼 (變后掠翼) *biàn hòu lüè yì* (кит. яз.). В данном случае совпадают элементы «крыло» [ик] (кор.) / 翼 *yì* (кит.) и [пён] (變) (кор.) / 变 *biàn* (кит.) «изменяться».

«Летающее крыло» (аэродинамическая схема): (全翼機) [чоникки] (кор.) – 飞翼 *fēiyì* (飛翼) (кит.). В данном случае имеется только один общий элемент – морфема «крыло» 翼 *yì*. Примечателен тот факт, что морфема 機 (机) – *аппарат*, которая в данном случае

использована в корейском термине, используется в китайском языке со всеми остальными видами летательных аппаратов: 歼击机 *jiānjī* истребитель, 强击机 *qiángjī* «штурмовик», 轰炸机 *hōngzhàjī* «бомбардировщик», но в термине «летающее крыло» использована калька (от *англ.* flying wing).

Интересен для сравнения военный термин «батальон» и «дивизион» (батальон в артиллерии). В южнокорейском варианте он передается термином (大隊) [тэдэ], а в китайском языке термином 营 (營) *yíng*. При этом, если мы говорим про ВВС и соответственно «эскадрилью» в обоих языках будет использоваться идентичный в иероглифическом написании термин 大队 (大隊) *dàduì*: [пихэньтэдэ] (飛行大隊) (*кор.*) – 航空大队 (航空大隊) *hángkōngdàduì* / 飞行大队 (飛行大隊) *fēixíngdàduì* (*кит.*).

«Дивизия» в китайском языке передается термином 师 (師) *shī*, а в корейском языке к этой морфеме добавляется еще одна, и без нее первая морфема не употребляется отдельно: 사단 (師團) [садан]. При этом морфема 團 (團) *tuán* в китайском языке имеет значение – группа, организация, *воен.* полк, отряд. То же самое касается термина «бригада»: 여단 [ёдан] (旅團) (*кор.*) – 旅 (旅) *lǚ* (*кит.*).

Большая часть фонетических адаптаций в военной терминосистеме РК приходится на англоязычные термины. Такого рода термины обычно имеют двух- или трехсложную структуру ввиду удобства в использовании. Например двуслоги: 도크 [докхы] «док» от *англ.* dock; 해치 [хэххи] «люк» от *англ.* hatch; 페리 [пхери] «паром» от *англ.* ferry.

Многие заимствованные термины в военной терминосистеме РК имеют сино-корейские или реже исконные варианты. В данном случае терминологические дублиеты будут отличаться узусом и ситуацией употребления. Сино-корейский термин будет чаще использоваться в письменном варианте, а в устных речевых ситуациях будет преобладать фонетическая адаптация. Например:

«танк»: 전차 (戰車) [чончха] / 탱크 [тхэнькхы] (от *англ.* tank);
 «сопло»: 분출구 (噴出口) [пунчхульгу] / 노즐 [ножыль] (от *англ.* nozzle);
 «форсажный режим»: 후기연소 (後期燃燒) / 애프터버너 (от *англ.* afterburner).

Для сравнения частотности употребления сино-корейского варианта (1) и фонетической адаптации иностранного слова (2) мы

использовали программу Sketch Engine и ее инструмент Word Sketch Difference и получили следующие результаты:

- «танк»: 1) 전차 – 384; 2) 탱크 – 21;
«двигатель»: 1) 기관 – 42; 2) 엔진 – 254;
«управляемая ракета»: 1) 유도탄 – 136; 2) 미사일 – 662.

Таким образом, доля фонетических адаптаций в военной терминосистеме РК в рамках нашего исследования составила всего 5%. Однако, если заимствованный вариант все-таки появляется в языке, он становится широко употребляемым.

Рассмотрим причины восприимчивости заимствований по фонетическому принципу в южнокорейском варианте корейского языка. Традиция принятия заимствованных иероглифических морфем в язык существовала в Корее с давних времен. Такого рода морфемам отдавалось предпочтение перед исконными. Тем не менее корейский язык легко принимает заимствования и из неиероглифических языков.

Среди причин можно выделить замену иероглифической письменности собственном письмом «хангыль», а также более легкую фонетическую адаптацию слова при заимствовании. В корейском языке слоги не являются тонированными, в отличие от китайского.

Говоря о слогоморфеме китайского языка, когда слог как фонетическая единица совпадает с морфемой как семантической единицей, мы не можем использовать данный термин по отношению к корейскому языку. В корейском языке даже слоги, которые могут быть потенциально записаны иероглифами, не всегда являются семантически мотивированными для корейцев. В том числе по причине омонимии, так как в корейском языке один и тот же записанный «хангылем» слог может являться чтением разных иероглифов или вообще не соотноситься с сино-корейской лексикой. В современной южнокорейской лингвистике, в том числе, согласно лингвистам университета Ихва, сино-корейский слог не считается минимальной единицей в семантическом отношении – морфемой.

Еще одной особенностью военных терминосистем РК и КНР является наличие терминов китайского корня, пришедших из японского языка. В китайском языке японизмы по своей структуре и внешней форме не имеют отличий от исконных слов. Китай, Корея и Япония на протяжении всей истории находились в тесных экономических

и гуманитарных связях. Влияние, в том числе языковое, шло от более сильного Китая через мост – Корею – в Японию. Японский и корейский языки значительно обогатились сино-японскими и сино-корейскими словами соответственно, а также иероглифическими морфемами. Однако после революции Мэйдзи Япония, накопив глобальный интеллектуальный материал, стала оказывать технологическое, культурное и языковое влияние на Китай. В этот период большое количество военных, и, в частности, военно-технических терминов, вошло в состав китайского и корейского языков.

И. Д. Кленин пишет, что в японизмах сохранялась смысловая структура терминов, так как корневые морфемы (представленные иероглифами) имели одинаковое значение, а процессы терминотворчества в китайском и японском языках идентичны. При таком заимствовании менялось только фонетическое оформление слова, так как чтение одних и тех же иероглифов в китайском, корейском и японском языках различно. Стоит также отметить, что именно японизмы дали китайской военной терминологии такую независимость от заимствований из неиероглифических языков [Кленин, Щичко 2013, с. 181]. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что вход ряда концептуальных понятий западной цивилизации в иероглифическую картину мира стран Азии произошел через японский язык.

В Республике Корея вопросу упорядочения терминосистем посвящено значительное количество работ, что подчеркивает актуальность данного вопроса не только для практических целей, но и для языковой политики страны в целом. Ввиду ареальной близости Японии и Кореи японский и корейский языки на протяжении истории оказывали друг на друга то или иное влияние. Времена японского милитаризма привнесли в корейский язык большое количество японизмов, как тех, которые могут быть записаны иероглифами, так и слов в японском фонетическом оформлении. Усилия по очищению общелитературного языка в целом и военного языка в частности от иноязычных заимствований активно предпринимаются Министерством культуры РК, Национальным институтом корейского языка, а также Министерством обороны РК.

Среди последних изменений в военной терминологии можно отметить замену японизма *헌병* [хонбень] «военная полиция» на *군사 경찰* [кунса кёнъчхаль] в конце 2018 г. Таким образом, нерешенные

дипломатические и территориальные вопросы с Японией неизменно влияют на коннотации японизмов.

При этом стоит отметить, что не для каждого корейца эти слова и термины соотносимы с японской лексикой. Напротив, фонетические адаптации англоязычных слов обладают «престижем» и иногда вытесняют из употребления сино-корейские слова. Поэтому увеличение доли заимствованных по фонетическому признаку слов не воспринимается корейцами негативно, даже в случае если в такого рода заимствованиях нет необходимости. Таким образом, «очищение» языка идет в рамках целенаправленной языковой политики Республики Корея.

Заключение

В результате исследования мы подтвердили выдвинутую нами гипотезу о том, что несмотря на то, что большую часть военных терминов корейского языка составляют сино-корейские слова, формирование, наполнение и упорядочение терминосистем Республики Корея и Китайской Народной Республики шло разными путями, а не посредством прямого заимствования из китайского языка в корейский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кленин И. Д., Щичко В. Ф. Лексикология китайского языка. М.: Восточная книга, 2013. [Klenin, I. D., Shchichko, V. F. (2013). *Leksikologiya kitajского yazyka. (Lexicology of Chinese)*. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russ.)].
- Похолкова Е. А. Современная экономическая терминология в Республике Корея: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. [Poholkova, E. A. (2007). *Sovremennaya ekonomicheskaya terminologiya v Respublike Koreya. (Modern Korean economic terminology)*: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977. [Solncev, V. M. (1977). *Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie. (Language as a system-structural formation)*. Moscow. (In Russ.)].
- Сухинин В. Е. Культурный язык в КНДР. Краткий очерк. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2018. [Suhinin, V. E. (2018). *Kul'turnyj yazyk v KNDR. Kratkij ocherk. (Cultural language in the DPRK. Short essay)*. Moscow: Izdatel'stvo "MGIMO-Universitet". (In Russ.)].
- Хаматова А. А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на

Дальнем Востоке. 2016. № 3 (37). С. 14–20. [Hamatova, A. A. (2016). Analiz inostrannyh zaimstvovaniy v sovremennom kitajskom yazyke. (Analysis of borrowings in modern Chinese). *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 3(37), 14–20. (In Russ.)].

軍 «'헌병'→'군사경찰'로 변경...영창 없애고 정직·감봉 도입». URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20191018059200504> (дата обращения: 21.10.2020).

Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения: 21.10.2020).

С. А. Макарова

аспирант кафедры английского языкознания
филологического факультета Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова
swetlana495@yandex.ru

**НЕПРЯМАЯ ОПРЕДЕЛЕННАЯ АНАФОРИЧЕСКАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В статье исследуется кореферентность антецедента и анафора при непрямой анафорической референции в английском лингвистическом дискурсе. Целью работы является установление факторов, определяющих их тождественность при разном лексическом выражении, поэтому метод состоит в анализе синтаксической, семантической и прагматической связи между ними. Сравнение изучаемого явления в лингвистической и художественной литературе выявило тенденцию к более частотному использованию данной конструкции и преобладание абстрактной лексики в лингвистическом дискурсе.

Ключевые слова: непрямая анафорическая референция; анафор; антецедент; лингвистический дискурс; кореферентность.

S. A. Makarova

PhD Student, Department of English Philology,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University
swetlana495@yandex.ru

**INDIRECT DEFINITE ANAPHORIC REFERENCE
IN THE ENGLISH LINGUISTIC DISCOURSE**

The present investigation focuses on the coreference of antecedent and anaphor demonstrated as part of indirect anaphoric reference in British linguistic discourse. It aims to identify factors determining the equivalence of their referents as they have different lexical expression, so the method consists in analysing syntactic, semantic and pragmatic factors that affect the relationship between them. The comparison of linguistic academic writing with fiction has revealed a greater tendency for indirect definite anaphoric reference and the predominance of abstract vocabulary in linguistic discourse.

Key words: indirect anaphoric reference; antecedent; anaphor; linguistic discourse; coreference.

Введение

В английском языке под определенной анафорической референцией понимается языковое явление, основанное на отнесенности анафора, т. е. существительного с определенным артиклем, к референту или объекту действительности, что обусловлено информацией в предшествующей части текста, так называемом антецеденте [Quirk, Greenbaum 1973; Quirk et al. 1985; Падучева 1998, с. 32]. Иными словами, антецедент, который вводит в начале дискурса новый предмет мысли, в дальнейшем индивидуализируется в виде анафора и грамматически закрепляется в структуре «определенный артикль + существительное».

Особенностью не прямой анафорической референции, составляющей предмет настоящего исследования, является кореферентность референтов в обеих частях текста при несовпадении их лексического выражения [Долгина, Макарова 2018, с. 285; Падучева 1998, с. 411]:

1. But we can observe it happening in the history of *a human child*. Semo-genesis begins well before the mother tongue, as *the infant* creates his own protolanguage or 'child tongue'... (*M. Halliday. On Grammar*).

Актуальность изучения не прямой определенной анафорической референции объясняется неполнотой описания и отсутствием ее ясной трактовки в известных грамматиках, а также трудностью ее восприятия русскоязычными студентами, изучающими английский язык, так как в русском языке отсутствуют артикли. Сложность возникает при установлении тождественности референтов при их разном лексическом обозначении и осознании индивидуализирующей функции определенного артикля в анафоре: для адресата может быть не очевидно, почему перед новым для данного дискурса именем существительным появляется *the* [там же, с. 285].

Для научного дискурса, а значит, и лингвистического как его разновидности [Гвишиани 2019, с. 291; Ракитина 2007, с. 23; Журавлева 2010, с. 59–60], выбранной в качестве источника материала для настоящего исследования, характерна четкость, логичность и однозначность, что обеспечивается «стандартизацией, унифицированностью, своеобразной клишированностью средств выражения» [Гвишиани 2019, с. 45] и должно способствовать ясности восприятия. Тем не менее концентрация научной мысли, информативность, специальная

лексика предъявляет к иностранцам, изучающим английский язык, повышенные требования, особенно при недостаточном знании грамматики. В частности, незнание специфики употребления артиклей при непрямой анафорической референции приведет к неверному истолкованию рассуждений и выводов автора, т. е. к коммуникативной неудаче.

Поэтому необходимо получить четкое объяснение факторов, определяющих непрямую анафорическую референцию в англоязычном научном дискурсе, что составляет предмет данного анализа. В его задачи входило выявление в научном дискурсе смысловой и логической зависимости анафора от антецедента, а также объяснение релевантности такого грамматического средства, как определенный артикль, фиксирующего результат индивидуализации в референте.

Методика, материал и основы работы

Вышеуказанные цели обусловили методику работы, которая уже была опробована на художественном дискурсе. Для изучения не прямых анафорических отношений антецедента и анафора был осуществлен комплексный анализ их взаимодействия на нескольких уровнях: синтаксическом, семантическом и прагматическом. При этом результаты каждого этапа исследования рассматривались с точки зрения их взаимодействия с процессом установления эквивалентности референтов. Источником материала являются научные публикации в области филологии, которые правомерно рассматривать как когнитивно-коммуникативную основу лингвистического дискурса [Ракитина 2007, с. 4]. Так, были проанализированы следующие работы современных британских лингвистов: *The English Language: A Guided Tour of the Language* (1988), *Spell It Out: The singular story of English spelling* (2012), *Making a Point: The Pernickety Story of English Punctuation* (2015) Д. Кристала, *The Story of English* (1992) Р. Маккрама, Р. Макнила и У. Крэна и *On Grammar* (2002) М. Халлидея, составившие более 1700 страниц. Анализ выявил 132 фрагмента, содержащих непрямую анафорическую референцию, которая демонстрирует эквивалентность антецедента и анафора. В художественном дискурсе, представленном тем же объёмом материала, не прямая анафорическая референция проявилась почти в два раза реже – было выявлено всего

63 фрагмента. Это обстоятельство говорит, по-видимому, о том, что для научных публикаций, в основном рассчитанных на целевую аудиторию, хорошо владеющую английским языком, свойственно более сложное изложение [Гвишиани 2019, с. 42], которое содержит больший объём информации, рассуждений, обобщений и выводов, чем художественные произведения.

Критерием для выбора материала послужило установление в тексте такого антецедента, который вводится автором для обозначения нового в данном контексте референта, вследствие чего он принимает лексическую форму ранее в нем не встречавшуюся, т. е. существительного с неопределенным артиклем либо более сложной конструкции. Отрывки, где антецедент содержал имя нарицательное с определенным артиклем или имя собственное, не включались в исследование, так как в них известность референта была ясно выражена для адресата и не нуждалась в комментариях.

Поскольку настоящая работа отражает второй этап исследования не прямой анафорической референции, представляется целесообразным сначала кратко изложить результаты, достигнутые на материале художественного дискурса, а затем, применив те же принципы анализа к новому материалу, сравнить полученные выводы. Так, при изучении художественного дискурса было установлено:

- а) артикль *the* является грамматическим элементом, который указывает адресату на обусловленность последующей информации антецедентом (коререферентность), что способствует связности дискурса;
- б) на установление коререферентности антецедента и анафора влияет наличие между ними синтаксической, семантической и прагматической связи. При этом в каждом изучаемом фрагменте действуют как минимум два из перечисленных фактора, один из них обязательно синтаксический;
- в) выведение коререферентности обуславливается сложностью синтаксической структуры антецедента и величиной анафорического расстояния;
- г) семантическая зависимость анафора от антецедента выражается синонимами, словами, относящимися к одному семантическому полю, однокоренными словами и лексическими единицами, состоящими в гиперо-гипонимических отношениях;

- д) выявление эквивалентности требует наименьших ментальных усилий, если анафорическое расстояние короткое и они связаны благодаря синонимии или деривации;
- е) наибольшее затруднение у русскоговорящих студентов могут вызывать случаи, в которых наблюдается сочетание синтаксического фактора с прагматическим.

Анализ лингвистического дискурса

Первый этап исследования научного дискурса, как и при работе с художественным дискурсом, включал синтаксический анализ [Арутюнова 1998, с. 448–451], который позволил установить, что, во-первых, в научном дискурсе также выявляется достаточно небольшое анафорическое расстояние между антецедентом и анафором [Viber et al. 2003, с. 237]. За некоторым исключением (в художественном дискурсе – 8 фрагментов, а в научном – в 9), они оказываются в одном или в соседних предложениях. Во-вторых, в отличие от структурно однообразного анафора, обычно обозначаемого одним существительным (ср. пример 6), было обнаружено структурное разнообразие антецедента, который может быть представлен одним словом (13 фрагментов), словосочетанием (26 фрагментов), оборотами, например, причастным или инфинитивным (всего 7 фрагментов), придаточным предложением (30 фрагментов), полноценным предложением (24 фрагмента) или сверхфразовым единством (30 фрагментов). Ср.:

- 2. The fishermen call themselves ‘*watermen*’. *The word* has chequered history (R. McCrum, W. Cran, R. MacNeil. *The Story of English*).
- 3. *A colourful illustration* takes up two-thirds of the page, and the text on the right is laid out as follows, following the curve of *the picture* (D. Crystal. *Making a Point*).
- 4. However, in 1890, the newly established US Board of Geographic Names adopted a simplifying policy which included *dropping the final h from all names ending in -burgh*. Everywhere Pittsburgh became Pittsburg (see further Chapter 27). Most accepted *the change*... (D. Crystal. *Spell It Out*)
- 5. *We say the picture was hung, but the murderer was hanged*, often, perhaps, without being conscious that we make *the distinction* (R. McCrum, W. Cran, R. MacNeil. *The Story of English*).

6. ...since experience was interpreted within the limitations of this model it could be *disastrous in action* – witness *the exploding petrol drums* (*M. Halliday. On Grammar*).
7. *Grammar and vocabulary differ too, sometimes in quite radical ways. The contrast* is most noticeable when a formal written style is compared to everyday conversation (*D. Crystal. The English Language*).
8. *There is an analogy with the categories of grammar, an analogy due to the nature of language as activity. Collocation, like structure, accounts for a syntagmatic relation; set, like class and system, for a paradigmatic one.* There *the resemblance* ends (*M. Halliday. On Grammar*).

Анализ научного лингвистического дискурса позволяет подтвердить, что краткость антецедента обеспечивает относительную легкость выявления его связи с анафором, потому что это потребует минимальных мыслительных затрат (ср. примеры 2 и 8). Иными словами, наблюдается ситуация, аналогичная той, что имела место при разборе художественного дискурса: синтаксическое усложнение антецедента ведет к более затруднительному установлению его эквивалентности анафору.

Как и в предыдущем исследовании, на втором этапе работы проводился семантический анализ анафорических отношений, который тесно связан с синтаксическим [Степанов 1998, с. 438–440]. Второй этап позволил изучить семантическую связь между антецедентом и анафором, что впоследствии показало разнообразие лексических средств выражения, которое, как оказалось, свойственно не только художественному дискурсу, но и научному. Например, между антецедентом и анафором могут быть выявлены такие отношения, как синонимические или гиперо-гипонимические [Жеребило 2010, с. 72]. Ср.:

9. But we can observe it happening in the history of *a human child*. Semogenesis begins well before the mother tongue, as *the infant* creates his own protolanguage or ‘child tongue’... (*M. Halliday. On Grammar*)
10. If you have to write a story about a visit to *a zoo*, what ‘zooeey’ words will you use to describe *the setting* or to add atmosphere? (*D. Crystal. Spell It Out*)

Фрагмент 9 показывает соотношение синонимов: *a human child* в антецеденте и *the infant* в анафоре, которые иллюстрируют полную

эквивалентность референтов [Ахманова 2004, с. 396–397]. Напротив, во фрагменте 10 в antecedente обнаруживается гипоним *a zoo*, который обозначает более «узкий» по значению референт и соотносится с гиперонимом в анафоре, который отсылает к более «широкому» значению – *the setting*.

Antecedенты, для которых характерна синтаксическая распространенность структуры, могут демонстрировать семантическую связь с анафорами посредством одного или нескольких элементов. Анализ фрагментов с распространенными antecedентами позволил подтвердить наблюдение, сделанное на материале художественного дискурса, о том, что существуют три вида семантических отношений на основе: а) дериваций; б) включенности в одно общее семантическое поле [Ахманова 2004, с. 334] и в) гиперо-гипонимических связи. Первый вид отношений можно проиллюстрировать примером 11, в котором antecedент и анафор включают однокоренные слова:

11. We assume, in other words, that if two instances look different (i.e. are represented as different forms in writing) they should be described as different types; whereas if two instances are written alike **they should be described as tokens of the same type** – however delicate **the description**, it will not tease them apart (*M. Halliday. On Grammar*).

Фрагмент 11 демонстрирует суффиксацию, определяющую семантическую связь antecedента и анафора. Существительное *description* в анафоре образовано с помощью суффикса *-tion* от глагола *describe*, употребленного в antecedente. Таким образом, однокоренные слова в обеих частях иллюстрации облегчают выведение эквивалентности референтов при синтаксически сложной структуре antecedента.

Теперь перейдем ко второй разновидности семантической связи, демонстрируемой antecedентом и анафором, – принадлежности обоих к общему семантическому полю. Например:

14. ...he suggests the possibility of **a parallel “ethological” interpretation corresponding to the interpersonal component in the structure of the clause**.
We should not press **the analogy** too far (*M. Halliday. On Grammar*).
15. **Grammar and vocabulary differ too, sometimes in quite radical ways. The contrast** is most noticeable when a formal written style is compared to everyday conversation (*D. Crystal. The English Language*).

Эти два примера показывают, что для установления эквивалентности используются слова, входящие в одно семантическое поле, но относящиеся к разным частям речи – в иллюстрации 14 это прилагательное *parallel* в антецеденте и существительное *analogy* в анафоре, а во фрагменте 15 – это глагол *differ*, прилагательное *radical* в антецеденте и существительное *contrast* в анафоре. Таким образом, в данных примерах, как и в аналогичных случаях в художественной литературе, от адресанта требуется дополнительное ментальное усилие для выявления кореферентности между анафором и антецедентом со сложной структурой, в котором спрятаны своего рода подсказки.

Наконец, третий тип семантической связи антецедента и анафора основан на гиперо-гипонимических отношениях:

16. *A colourful illustration* takes up two-thirds of the page, and the text on the right is laid out as follows, following the curve of *the picture* (*D. Crystal. Making a Point*).
17. *Doublets is a game where one word is changed into another in a series of steps, each intervening word differing from its neighbours by only one letter. The challenge* is both to form the chain of linked words, and to do so in as few steps as possible (*D. Crystal. The English Language*).

В примере 16 *a colourful illustration* и *the picture* соотносятся как гипоним к гиперониму, так как *picture* – более широкое понятие, чем *illustration* [Longman 2012, с. 1307, 875]. Аналогично в примере 17 целое предложение находится в гиперо-гипонимических отношениях с существительным *challenge*, которое обобщает его и при этом семантически связано с более узким по значению существительным *game*, использованным в антецеденте [там же, с. 263, 719]. Именно то, что семантически связанное с анафором слово входит в распространенную конструкцию, способно вызвать у адресата сложности в понимании. Таким образом, мы продемонстрировали взаимосвязь синтаксического и семантического факторов при анализе непрямой анафорической референции.

Важно также отметить, что при непрямой определенной анафорической референции в лингвистическом дискурсе наблюдается систематическое употребление абстрактной лексики. Так, в 100 фрагментах из 132 в качестве анафора выступает абстрактное существительное с определенным артиклем, т. е. эта группа примеров составила почти 76% собранного материала.

Напротив, в художественном дискурсе абстрактные существительные в качестве анафора встречались реже: лишь в 29 случаях из 63, т. е. только в 46% фрагментов. При этом анализ установил, что в научном дискурсе наиболее частотными абстрактными анафорами являются *problem* (4) и *answer* (3), тогда как в художественном дискурсе самые употребительные абстрактные анафоры – *question* (4) и *idea* (3).

Что касается абстрактных существительных в антецеденте, то ситуация не столь проста для восприятия, потому что антецеденты часто представляют собой сложные конструкции, в которых могут употребляться несколько абстрактных существительных в различных синтаксических функциях. Тем не менее в результате анализа 105 антецедентов, включающих в себя абстрактную лексику и составляющих около 80% материала, извлеченного из научного дискурса, удалось выявить некоторые закономерности. Например, в научном дискурсе наиболее употребительные абстрактные существительные в составе антецедента – это *spelling* (18), *language* (17) и *grammar* (8), которые могут повторяться в рамках одного антецедента. В то время как в художественном дискурсе, представленном романами Д. Лоджа, в девяти антецедентах, содержащих абстрактные существительные (что составляет лишь 14% от всех изученных фрагментов художественного дискурса), никаких повторных обращений к одним и тем же лексическим единицам обнаружено не было, т. е. научный дискурс более однороден с точки зрения тематики и соответствующей ей лексики. Иначе говоря, художественное произведение в целом более разнообразно, хотя и ему свойственны некоторые модели, связанные с обобщением, что иллюстрируют примеры с анафорами *question* и *idea*. Однако именно в научном дискурсе стремление авторов к обобщению в процессе передачи информации раскрывается полнее и ярче.

Как и при изучении художественного дискурса, смысловой анализ научного изложения установил в целом ряде случаев отсутствие прямой семантической связи между анафором и антецедентом, что потребовало проведения третьего этапа исследования, который выявил между ними связь прагматического характера. Так, была выделена целая группа фрагментов, в которых анафор обобщает роль антецедента, принимающего форму вопроса, проблемы и т. д. [Арутюнова

1998, с. 389–390]. При этом прагматическое взаимодействие антецедента и анафора оказывается тесно связанным с синтаксической организацией антецедента. В научном дискурсе была установлена значительно большая синтаксическая вариативность антецедента по сравнению с художественным, в котором он представлен в основном сложными структурами:

18. The fishermen call themselves '*watermen*'. *The word* has chequered history (R. McCrum, W. Cran, R. MacNeil. *The Story of English*).
19. *Having insisted that a text is not like a clause*, I now intend to suggest that it is. It is not that I have changed my mind on *the issue* (M. Halliday. *On Grammar*)
20. *But what about the other minims? Was there anything that could be done to help readers work out how to read sequences where a u was followed by a v, n or m?* Several words fell into this category, such as cum ('come'), sum ('some'), huni ('honey'), tung ('tongue') and luv ('love'). These would all appear as a consonant followed by four or five minims. Munuc ('monk') would be a sequence of nine. *The problem* remained even if these words were spelled with a final *e* (D. Crystal *Spell It Out*).

В примере 18 анафор обобщает смысл отдельного слова в антецеденте, во фрагменте 19 анафор называет и суммирует целое придаточное предложение, а в примере 20 демонстрируется еще более сложный случай – называние двух полноценных вопросительных предложений.

Таким образом, проведенный анализ определил, что понимание эквивалентности антецедента и анафора и причина индивидуализации последнего может определяться взаимодействием синтаксического фактора с семантическим (фрагменты 9–17), с одной стороны, и сочетанием синтаксического фактора с прагматическим (фрагменты 18–20) – с другой. Особо следует отметить отсутствие в научном дискурсе примеров взаимодействия всех трех факторов, тогда как при анализе художественного дискурса был выявлен один случай такого рода (из 63 примеров). Ср.:

21. I *agreed to come every Wednesday for the rest of this term*. I wish I hadn't, but I did. If you want to cancel *the arrangement*, that's fine by me (D. Lodge. *Nice Work*).

Заключение

Данная работа позволила выявить для научного лингвистического дискурса как сходства с художественным дискурсом, так и отличия, что требует некоторого уточнения выводов. Сначала приведем те из них, которые оказались общими для обеих разновидностей дискурса.

Во-первых, определенный артикль всегда играет роль грамматического элемента, необходимого для связности изложения дискурса и сигнализирующего адресату о взаимозависимости анафора и предшествующей ему информации.

Во-вторых, легкость установления кореферентности определяется структурой antecedента в сочетании с обычно небольшим анафорическим расстоянием, исследование чего вошло в синтаксический этап анализа материала.

В-третьих, семантическая связь анафора и antecedента может быть установлена посредством:

- а) синонимов;
- б) слов, входящих в одно семантическое поле;
- в) однокоренных слов;
- г) гипонимов и гиперонимов, что было рассмотрено на семантическом этапе анализа.

В-четвертых, наименьшие трудности для установления эквивалентности возникают, когда antecedент и анафор связаны синонимией или деривацией, а анафорическое расстояние краткое.

В-пятых, можно предположить, что наименее понятными изучающим английский язык представляются фрагменты, демонстрирующие взаимодействие синтаксического с прагматическим факторов, потому что тогда не обнаруживается явная семантическая связь antecedента и анафора.

В-шестых, в художественном дискурсе выведение эквивалентности antecedента и анафора основано на двух факторах, и синтаксический является обязательным. Примеров каждого типа оказалось поровну: была обнаружена 31 иллюстрация для каждого. При этом был найден один пример, где сочетались все три фактора. В научном дискурсе число фрагментов разного типа различалось, но несущественно. Семантический и синтаксический взаимодействуют в 65 примерах, а прагматический и синтаксический – в 67. Поскольку в изученных нами иллюстрациях из художественного и научного

дискурса частотность обоих типов установления кореферентности примерно одинакова, то можно предположить, что обе модели достаточно продуктивны.

Следующие выводы касаются различий между рассматриваемыми разновидностями дискурса.

Во-первых, как было указано выше, общее количество фрагментов, демонстрирующих непрямую анафорическую референцию в научном дискурсе, – 132, а в художественном – 63, т. е. наблюдается тенденция в лингвистическом дискурсе к сложным конструкциям, что объясняется тем, что у этой разновидности дискурса узкая целевая аудитория.

Во-вторых, в научном дискурсе гораздо чаще в состав антецедента и анафора включена абстрактная лексика, что также соотносится с тем, что данная разновидность дискурса направлена на подготовленного адресата.

Подводя итог, представляется уместным предположить, что дальнейшее исследование индивидуальных стилей – как авторов художественного дискурса, так и научного, позволит объективнее описать природу непрямой анафорической референции в современном английском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н. Д. Прагматика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 389–390. [Arutjunova, N. D. (1998). Pragmatika (Pragmatics). In V. N. Jarceva (ed.), *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* (pp. 389–390). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija. (In Russ.)].
- Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 448–451. [Arutjunova, N. D. (1998). Sintaksis. (Syntax). In V. N. Jarceva (ed.), *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* (pp. 448–451). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija. (In Russ.)].
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Ahmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov (A dictionary of linguistic terms)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Гвишиани Н. Б. Язык и дискурс науки. М.: ЛЕНАНД, 2019. [Gvishiani, N. B. (2019). *Yazyk i diskurs nauki. (Language and discourse of science)*. Moscow: LENAND (In Russ.)].

- Долгина Е. А., Макарова С. А. Операции инференции и индивидуализации в англоязычном мышлении // Когнитивные исследования языка. 2018. Т. 34. С. 283–287. [Dolgina, E. A., Makarova, S. A. (2018). Inference and individualisation in English thinking. *Cognitive studies of language*, 34, 283–287. (In Russ.)].
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. [Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticeskikh terminov. (A dictionary of linguistic terms)*. Nazran': Piligrim (In Russ.)].
- Журавлева Д. А. Лингвистический дискурс: к проблеме определения позиции в дискурсивной типологии // Вестник БГУ. 2010. № 10. 59–62. [Zhuravleva, D. A. (2010). Linguistic discourse: on the problem of position determination in the discourse typology. *The Bryansk State University Herald*. 10. 59–62. (In Russ.)].
- Литвиненко Т. Е. О грамматических особенностях художественного дискурса (на материале латиноамериканской прозы XX века) // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. С. 68–78. doi.org/10.12731/2077-1770-2017-2-68-78 [Litvinenko, T. E. (2017). On grammar means of Latin American discourse. *Modern Studies of Social Issues*, 9 (2). 68–78. (In Russ.)].
- Падучева Е. В. Анафорические отношения // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 32. [Paducheva, E. V. (1998). Anaforicheskie otnoshenija. (Anaphoric relations). In V. N. Jarceva (ed.), *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* (p. 32). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija. (In Russ.)].
- Падучева Е. В. Кореферентность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 32. [Paducheva, E. V. (1998). Koreferentnost'. (Coreference). In V. N. Jarceva (ed.), *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* (p. 411). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija. (In Russ.)].
- Ракитина С. В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. [Rakitina, S. V. (2007). *Kognitivno-diskursivnoe prostranstvo nauchnogo teksta. (Cognitive and discursive space of a scientific text)*: abstract of Senior Doctorate in Philology. Volgograd. (In Russ.)].
- Степанов Ю. С. Семантика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 438–440. [Stepanov, Ju. S. (1998). Semantika. (Semantics). In V. N. Jarceva (ed.), *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* (p. 411). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija. (In Russ.)].

Biber D. et al. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow: Pearson Education Limited, 2003.

Longman dictionary of contemporary English. Harlow (Essex): Longman, 2012. 3d ed.

Quirk R., Greenbau, S. A University Grammar of English. L.: Longman, 1973.

Quirk R. et al. Comprehensive Grammar of the English Language. L.: Longman, 1985.

Т. С. Мозоль

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
yoondanhee@gmail.com

**ЯЗЫКОВОЕ ТВОРЧЕСТВО В ЭПОХУ КОРОНАВИРУСА
(на примере неологизмов корейского языка)**

Корейский язык в период пандемии переживает настоящий неологический бум. Материалом данного исследования послужили 292 неологизма, отобранные из южнокорейских интернет-ресурсов методом сплошной выборки. Неологизмы были разделены на три основные тематические группы (здравоохранение, социальная сфера, экономика). Отличительной особенностью номинативных процессов на современном этапе является множественность номинативных вариантов и попытка юмористического осмысления действительности.

Ключевые слова: языковое творчество; корейский язык; неологизмы; пандемия коронавируса.

T. S. Mozol

PhD (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Oriental Languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
yoondanhee@gmail.com

**LANGUAGE CREATIVITY IN THE ERA OF THE CORONAVIRUS
(focusing on Korean language neologisms)**

The Korean language is experiencing a real neological boom in the era of the coronavirus pandemic. The present study has examined 292 neologisms from South Korean Internet resources selected by the method of continuous sampling. The neologisms were divided into three main thematic groups (health, society, economy). A distinctive feature of the nominative processes at the present time is the multiplicity of nominative options and a humorous interpretation of reality.

Key words: language creativity; the Korean language; neologisms; Coronavirus pandemic.

Введение

Период пандемии COVID-19 останется в корейском языке как период неологического бума. Появление новых реалий действительности

в виде пандемии и мер по борьбе с ней потребовало соответствующего языкового выражения.

Появление новых слов, как следствие лингвокреативной деятельности, связано с различными факторами. Неологизация словаря обусловлена влиянием разных причин, в том числе и необходимостью отражения в языке современной картины мира. Языковое творчество в период пандемии стало также одним из способов адаптации людей к новой реальности и психологическим трудностям, позволившем через осмысление происходящего посредством языка снизить уровень тревоги и психологического напряжения. Кроме того, неологизмы эпохи пандемии позволили выражаться более экспрессивно и более содержательно. Изучение новых слов эпохи коронавируса является важным и актуальным, поскольку ковид-номинация будет развиваться и в 2021 г., «следует ее изучать и проектировать вектор развития, так как все это позволяет прогнозировать эволюцию формата коммуникации в целом» [Глущенко 2021].

В данной статье рассмотрено, в каких тематических областях и по каким причинам в корейском языке активно реализуется ковид-номинация, определяется ее функционал и потенциальные направления развития. Изучение ковид-неологизмов поможет изучению изменений в языковой картине корейцев в эпоху пандемии.

Материалом данного исследования послужили данные сплошной выборки из южнокорейских средств массовой информации (Chosun Ilbo, Chosun Biz, Ilyo Sinmun, Donga Ilbo, Mail Ilbo, новостных агентств YTN, SBS), материалы блогов Naver и Daum. В ходе исследования были отобраны 292 неологизма современного корейского языка, появление которых было обусловлено пандемией COVID-19.

Лексические инновации

Язык, особенно его лексический состав, постоянно развивается и эволюционирует, поскольку язык отражает постоянно меняющуюся действительность.

Лексические инновации представлены заимствованиями, внешними и внутренними, новообразованиями и семантическими трансформациями существующих слов. Под неологизмом в данной работе понимается разновидность инноваций, представляющая собой появившиеся общепотребительные узуальные лексические единицы.

Номинативный акт как источник появления нового слова – это речемыслительная операция, в протекании которой обязательно когнитивное звено, свидетельствующее о включении подлежащего новому наречению объекта в деятельность человека. Следовательно, словообразовательная неологизация тесно смыкается с речевой деятельностью, представляющей собой «некий континуум», на одном из полюсов которого – творчество, создание неологизмов [Кубрякова 1986, с. 37, 142]. Номинация – это «один из тех процессов, который в конечном счете вбирает в себя всё разнообразие и всю глубину проблем взаимоотношения языка и действительности, языка и мышления, языка и мира человеческих эмоций» [Рут 2019, с. 4].

С точки зрения характера номинируемой реалии и способа ее вербализации среди неологизмов можно выделить следующие два типа:

- 1) номинативы, обозначающие реалии и понятия, т. е. появившиеся и впервые осмысленные;
- 2) трансноминативы, обозначающие реалии, уже известные ранее, но под другим наименованием.

Номинативы непосредственно связаны с номинативной функцией языка, т. е. с обращением внеязыковой действительности в языковые значения. Таким образом, можно сказать, что номинативы – это именно тот участок лексической системы, который непосредственно связан с языковой реальностью и познавательно-отражательной деятельностью человеческого сознания [Сенько 2000, с. 87].

В данной работе рассматриваются все виды неологизмов (в том числе и примеры внутренних заимствований) в южнокорейской версии языка, обусловленные действием внешних факторов языкового развития, а именно пандемии коронавируса.

Ковид-неологизмы корейского языка

Для проведения данного исследования были отобраны 292 неологизма корейского языка, в их состав вошли как отдельные лексические единицы, так и словосочетания. Среди выделенных неологизмов около 10% от всех слов составили заимствованные слова, 76% – составные слова, или бленды, с участием как минимум одного корейского корня и примерно 13% – дериваты, образованные приставочным или суффиксальными способами.

Следует отметить, что одной из особенностей номинативных процессов эпохи коронавируса стало создание множества наименований для одних и тех же предметов и явлений. Это говорит о том, что в узусе еще не выработан один устойчивый вариант номинации, в настоящее время в языке могут сосуществовать несколько номинативных вариантов, что является результатом поисков наиболее удачного наименования.

Большую часть ковид-неологизмов можно отнести к сфере здравоохранения и социальной защиты. Как отмечает исследователь 최혜원, большая часть неологизмов начала XXI века относились к сфере экономики, общества и спорта [최혜원 2018, с. 47]. Очевидно, что пандемия коронавируса в 2020 г. активировала процессы неологизации в новых сферах: на первый план вышли вопросы защиты здоровья граждан и их социального благосостояния.

Неологизмы корейского языка, отобранные в качестве материала исследования, были разделены на следующие тематические области:

- 1) номинации сферы здравоохранения (номинации заболевания, номинации предметов-атрибутов коронавируса, номинации мер по борьбе с коронавирусом);
- 2) номинации новых социальных тенденций и процессов, явлений повседневной жизни;
- 3) номинации экономических явлений.

1. Номинации сферы здравоохранения

1.1. Номинация заболевания COVID-19

Слово «코로나바이러스» (коронавирус) появилось в XX в. и вошло в языки мира, в том числе и в корейский язык. Данный термин употреблялся, как правило, среди специалистов. Однако в связи с пандемией произошло внутреннее заимствование и узкоспециализированный термин стал широкоупотребительным. Можно утверждать, что во многих языках мира данное слово переживает в настоящее время «процесс семантического сужения на фоне выхода в общепотребительный сектор бытования языка и чаще употребляется не как родовое обозначение, а преимущественно для именованя одной разновидности вируса – коронавируса SARS-CoV-2» [Глущенко 2021].

В Республике Корея первые публикации в СМИ о новой коронавирусной инфекции стали появляться еще в декабре 2019 г., при этом

до января 2020 г. данную инфекцию называли как *우한폐렴* (уханьское воспаление легких) или *우한코로나* (уханьская корона). Однако данный термин был признан дискриминационным и его постепенно вытеснили такие наименования вируса, как:

코로나19 – корона-19

신종코로나바이러스감염증 – новая коронавирусная инфекция

코비드19 – ковид-19.

Кроме того, в шутку коронавирус стали именовать *코로나맥주바이러스* (корона-пивной вирус), *맥주바이러스* (пивной вирус), обыгрывая похожесть названия мексиканского пива «Корона» и названия вируса.

Появление многочисленных наименований можно объяснить как образование производных от первичной номинации, как результат творческого переименования, а также поиска наиболее удачного наименования данного заболевания.

Следует отметить, что корень ‘*코로나*’ (корона) стал продуктивным в номинации для обозначения предметов и явлений, связанных с коронавирусом. Например:

코로나시대 – корона-эпоха (букв.)

코로나이혼 – корона-развод (букв.)

코로나특수 – корона-повышенный спрос (букв.)

코로나피싱 – корона-мошенничество по телефону

코로나미쇼크 – экономический корона-шок

코로나세대 – корона-поколение

코로나케이션 – корона-каникулы

포스트 코로나 – посткорона

워드 코로나 – жизнь в эпоху пандемии коронавируса

1.2. Номинации предметов-атрибутов коронавируса

Важным атрибутом пандемии и карантина стали медицинские маски и тесты. Особенно много слов посвящено медицинским маскам (всего было обнаружено 26 слов, относящихся к медицинским маскам). Первоначальный импульс словотворчеству в данной сфере придала проблема нехватки масок, отсюда появились такие слова, как:

금스크 – «золотая» маска

마코인 – маска-биткоин

마스크 없무새 – работник аптеки, повторяющий, что масок нет, по аналогии со словом ‘앵무새’ попугай

다이어와이 (DIY) 마스크 – самодельная маска

По мере решения проблемы с поставками масок стали появляться новые слова, связанные с мерами правительства в этой сфере:

공적마스크 – «общественные» маски, продажу которых контролировало государство

마스크 5부제 – система продажи масок в определенные дни

마스크공적판매처 – официальное место продажи масок

По мере вхождения масочного режима в повседневную жизнь стали появляться такие слова, как:

마스크 프루프 – маскоустойчивый, обычно по отношению к макияжу

호모마스쿠스 – «хомомаскус», люди в масках

마스크 화장법 / 마스크 메이크업 – приемы макияжа в условиях ношения маски

마꾸 – украшение масок стикерами, стразами и т. п.

폐마스크 – использованные маски

С приходом жаркого лета стали появляться такие неологизмы, как:

비말차단용마스크 / 비말마스크 / 침방울차단마스크 – тонкая маска, защищающая от частиц слюны

턱스크 – маска на подбородке

Осуждению подверглись те, кто не соблюдает как следует масочный режим:

턱스크족 – люди с масками на подбородке

노마스크족 – люди, которые не надевают маски

Особым предметом гордости корейцев стали разработанные в Корее тесты на коронавирус, которые получили название К진단기트 (К-тест) и олицетворяющие собой один из инструментов своего рода «новой корейской волны» К 방역 (К-карантинных мер). В южнокорейских СМИ многократно освещалось, что данные тесты отличаются

особой точностью, во многих странах стремятся организовать закупки данных корейских тестов, а корейская модель карантинных мер продемонстрировала особую эффективность в борьбе с коронавирусом, позволив при этом не вводить масштабные ограничения.

1.3. Меры по борьбе с коронавирусом

Большое количество неологизмов корейского языка, возникших за последний год, посвящено мерам по борьбе с коронавирусом.

Большое внимание уделяется в Корее социальному дистанцированию:

- 사회적 거리두기/생활속 거리두기 – социальное дистанцирование
- 건강 거리두기 – дистанцирование для здоровья (букв.)
- 집합금지명령 – распоряжение о запрете массовых собраний
- 집합제한명령 – распоряжение об ограничении массовых собраний
- 자가격리앱 – приложение по контролю за соблюдением режима самоизоляции
- 고호트격리 – групповая изоляция
- 전자출입명부 – приложение для получения электронного пропуска

Одним из важных направлений по борьбе с коронавирусом стало развитие диагностики:

- 워킹스루선별진료소 / 워킹스루 진료소 / 도보이동형 선별진료소 – мобильный пункт сдачи анализов для пешеходов
- 드라이브스루선별진료소 / 승차검진서 / 승차진료형 선별진료소 / 차량이용 선별진료소 / 승차진료소 – мобильный пункт для сдачи анализов на автомобиле

Для борьбы с болезнью были созданы различные виды новых медицинских учреждений, что потребовало возникновения большого количества неологизмов:

- 격리생활시설 / 격리 임시생활시설 / 해외입국자 임시생활시설 – карантинные пункты временного размещения для приезжающих из-за границы
- 생활치료센터 – центр для изоляции больных в легкой форме
- 코로나19 중증응급진료센터 – реанимационный центр для тяжелобольных пациентов с COVID-19
- 사전환자분류소 – приемное отделение для сортировки больных с признаками COVID-19

코로나바이러스감염증-19 선별진료소 – специализированное лечебное учреждение для больных COVID-19
아동선별진료소 – специализированное лечебное учреждение для детей с COVID-19

Кроме того, за последний год в корейском языке появилось большое количество новых слов, связанных с профилактикой болезни:

생활방역수칙 – повседневные профилактические правила
생활방역체계 / 생활방역체제 – система повседневной профилактики
생활방역위원회 / 생활방역위 – комитет по повседневной профилактике
생활방역시스템 – система повседневной профилактики
방역민폐족 – нарушители мер профилактики

2. Номинации новых социальных тенденций и явлений повседневной жизни

Во время пандемии коронавируса произошли радикальные изменения в обществе, обусловленные невозможностью очной коммуникации. «Пандемия коронавируса обнаружила формирование новой повседневности с изменениями поведения людей, их повседневных приоритетов, сменой их привычного образа жизни» [Ярмак и др. 2020, с. 34].

В частности, эпидемия сказалась на проведении свободного времени и досуга:

집콕운동 – спорт в условиях домашнего карантина
랜선 놀이공원 – парк аттракционов онлайн
집터파크 / 홈터파크 – детская площадка в домашних условиях
버추얼 런 – виртуальные соревнования по бегу
랜선 술자리 – распитие алкоголя онлайн
랜선 음악회 – онлайн-концерт

В условиях карантина многим пришлось питаться дома:

집콕요리 – еда во время вынужденного нахождения дома
돌밥돌밥 – необходимость постоянно готовить дома, поскольку все члены семьи находятся на самоизоляции
친환경집밥 – экологически чистая домашняя еда
달고나커피 – кофе талгона

Стоит отметить связанные с лишним весом ироничные неологизмы, построенные на игре слов:

확찐자 – растолстевший (созвучно со словом 확진자 – человек с диагнозом COVID-19)

작아격리 – из-за лишнего веса одежда стала мала во время изоляции (созвучно со словом 자가격리 – самоизоляция).

Поскольку посещение фитнес-центров, кинотеатров и прочих заведений для проведения досуга и свободного времени стало затруднительным, особую популярность приобрели разные виды досуга на свежем воздухе:

캠린이 – новичок в кемпинге

산린이 / 등린이 – новичок в прогулках в горах

골린이 – новичок в игре в гольф

Пандемия оказала значительное влияние и на сферу образования:

코로나케이션 – коронаканикулы, т. е. онлайн-обучение дома

온라인개학 – начало учебного года онлайн

비대면시험 – онлайн-экзамен

비대면강의 – онлайн-лекция

원격수업시대 – эпоха уроков в дистанционном формате

원격교육기본법 – основной закон об обучении с использованием ДОТ

Правительство Республики Корея разработало большой пакет мер по защите компаний и граждан, пострадавших от пандемии коронавируса, что придало стимул активному словотворчеству в этой сфере:

긴급돌봄제도 – система экстренной социальной помощи

긴급돌봄지원단 – команда социальных работников

긴급고용안정자금 / 긴급고용안정지원금 – субсидии для тех, чей доход снизился из-за пандемии

서울시 재난긴급생활비 – субсидии мэрии Сеула для тех, чей доход снизился из-за пандемии

긴급재난생계지원금 – экстренные социальные выплаты для малообеспеченных

아동돌봄포인트 – единовременное пособие на ребенка

3. Номинации в экономической сфере

Пандемия стала важным фактором, оказавшим огромное влияние на экономику, вызвав, в том числе, и неологический бум в этой сфере:

코로나믹스 – коронаэкономика

코로나쇼크 – коронашок

코로나 보릿고개 – «голодные» времена пандемии

코로나대출 – выдача кредитов под низкий процент пострадавшим от пандемии компаниям

포켓팅 – акция в поддержку производителей картофеля во время пандемии

오켓팅 – акция в поддержку производителей кальмара во время пандемии

닌테크 – обогащение компании Нинтендо благодаря пандемии

코로나특수 – особый спрос в условиях пандемии

Заключение

Пандемия COVID-19 – это не просто медицинское явление, но и социальный феномен, оказавший значительное влияние на поведенческие стратегии, повседневность, социальные и экономические системы, а также на все языки мира, в том числе и корейский.

За последний год корейский язык пополнился большим количеством неологизмов в разных сферах (медицинской, социальной, экономической и пр.). Среди новых слов, появление которых обусловил COVID-19, присутствует значительное количество слов, в которых не просто именуется отдельные предметы и явления, но и содержится попытка юмористического осмысления действительности. Через номинативные процессы происходит познание и осмысление, а также когнитивная адаптация к новой реальности. Номинативные процессы в корейском языке эпохи коронавируса отличаются множественностью номинативных вариантов, что говорит об отсутствии стабильности возникающих неологизмов и активной фазе номинативного творчества в корейском языке. Кроме того, следует отметить взаимовлияние пандемии и языка: пандемия обусловила появление новых слов в корейском языке, а номинативное творчество, в свою очередь, помогло его носителям осмыслить и адаптироваться к новым вызовам реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Глушченко О. А. Ковид-номинация как лингвистическая самозащита русского человека в период пандемии, 2021. [Glushchenko, O. A. (2021). COVID-

Nomination as a Linguistic Self-Defense of the Russian Person (In Russ.)). URL: <https://ssrn.com/abstract=3772160> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3772160> (дата обращения: 15.03.2021).

- Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. [Kubryakova, E. S. (1986). *Nominativnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti (Nominative aspect of speech)*. Moscow: Nauka (In Russ.)].
- Рут М. Э. Образная номинация в русской ономастике. М.: ЛЕНАНД, 2019. [Rut, M. E. (2019). *Obraznaja nominacija v russkoj onomastike. (Metaphorical nomination in Russian onomastics)*. Moscow: LENAND (In Russ.)].
- Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: межуровневый аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. [Senko, E. V. (2019). *Neologizacija v sovremennom russkom jazyke konca XX veka: mezhurovnevuj aspekt. (Neologisation in modern Russian language of the end of the 20th century: cross-layer aspect)*: Senior Doctorate in Philology. Volgograd. (In Russ.)].
- Ярмак О. В., Панова Е. М., Маранчак А. Г., Савина З. С. Коронавирус как социальный драйвер трансформации повседневности // Известия ВУЗОВ. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. Вып. 3. С. 27–35. [Yarmak, O. V., Panova, E. M., Maranchak, A. G., Savina, Z. S. (2020). *Coronavirus as a social driver of everyday life transformation. Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science, 3, 27–35.* (In Russ.)].
- 최혜원. 사회 변동에 따른 어휘 변화: 국립국어원 신어 사업을 중심으로 // 국제한국어교육학회 춘계학술발표논문. 2018. P. 37–50. (In Kor.).

М. Ю. Романович

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка как второго переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
margarita-romanovich@rambler.ru

НОМИНАТИВНО-КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В АНГЛИЙСКОЙ НЕОЛОГИИ

В данной статье с номинативно-когнитивных позиций исследуются разноструктурные англоязычные неологизмы метафорического характера, выявляются основные механизмы словообразования. Автор рассматривает вопрос с позиции номинативных механизмов формирования новых языковых единиц и новых значений, а также предлагает микрофреймовую классификацию исследуемого корпуса разноструктурных новообразований в современном английском языке. Важным представляется вывод о том, что с номинативных и когнитивных позиций метафорические трансформации могут не совпадать.

Ключевые слова: номинативный; когнитивный; неология; неологизм; метафора.

M. Yu. Romanovich

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of English as a Second Foreign Language,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
margarita-romanovich@rambler.ru

COGNITIVE BASIS FOR METAPHORIC NOMINATION IN ENGLISH NEOLOGY

The article is devoted to the study of metaphoric nominative processes in English neology and their cognitive foundations. The research reveals the main streams in modern word-building in English. The author views English neology in terms of nomination procedures. From cognitive positions an original microframe classification is presented to appropriately analyze the neological layer in English with a diverse component structure. The author draws the conclusion that nominative and cognitive mechanisms can sometimes fail to be mutually dependent.

Key words: nominative; cognitive; neology; neologism; metaphor.

Введение

Неология традиционно является наиболее интенсивно развивающейся лингвистической областью, претерпевающей наиболее бурные

и буквально ежедневные изменения. Данный языковой аспект чрезвычайно производительно реагирует на любые события в общественной, политической, научно-технической и даже бытовой сферах, отражая в возникающих словесных новообразованиях все без исключения текущие события, процессы, новинки, нововведения.

Тем не менее несомненно и то, что современные номинативные процессы в языке протекают по определенным законам и моделям. Данные тенденции и являются предметом внимания в настоящем мини-исследовании. При этом предпринимается попытка осмыслить выявленные закономерности с позиций когнитивных механизмов номинации.

Метафора как номинативный и когнитивный механизм

При метафорических сдвигах, смещениях, переносах за основу новой языковой единицы берется уже существующая в языке звуковая и орфографическая оболочка. Традиционно метафора мыслится как семантический перенос по сходству. Антецедентная единица разной компонентной структуры переосмысливается, получает вторичное номинативное значение, которое является образным, ярким, выуклым, часто не прогнозируемым заранее.

Метафора передает «устойчивые подобию», таким образом, являясь общеизвестной и воспроизводимой [Липилина 1998]. Однако это уже описание дальнейшей жизни устоявшейся метафоры в языке, подхваченной языковым сообществом и вошедшей в широкий узус. При первичном же образовании метафорического значения происходит определенный скачок сознания с уже известного на описание нового фрагмента действительности через уже существующие мыслеобразы.

При этом лингвисты отмечают, что более сложные объекты, события, явления осмысливаются в терминах более простых и очевидных концептов [Lakoff, Johnson 1980; 1981; Телия 1986, с. 82–83]. Таким образом, любая единица вторичной номинации обозначает более сложный феномен окружающей действительности, т. е. «обслуживает» более «цивилизованный» понятийный комплекс. Иными словами, человеческое сознание идет от более простого, линейного мышления и опыта к оценке и наименованию объектов и понятий более сложных,

абстрактных, связанных с более продвинутым стандартом культуры и более высоким уровнем развития человеческой цивилизации.

Основополагающим постулатом для настоящего мини-исследования является положение о том, что при любых номинативных процессах, особенно при вторичной номинации, из исходного значения вычленяется некий дифференциальный признак, иногда несколько признаков, и переносится / переносятся в результирующее значение новой языковой единицы.

Таким образом, любой метафоричный номинативный процесс неразрывно связан с процессом абстрагирования от массы ненужных признаков и свойств и акцентуации внимания на том основном свойстве, которое и заложено в основу новой семантики.

В случае создания сложных наименований – композитов, устойчивых словесных комплексов фразеологического и нефразеологического характера, блендов – любой номинативный процесс усложняется, и формирование вторичных смыслов осуществляется уже на избирательном слиянии отдельных признаков семантики двух или даже нескольких antecedентных языковых единиц. Зачастую при этом происходит и так называемое семантическое приращение.

Особенно сложным и неоднозначным представляется любой номинативный процесс при углубленном рассмотрении его с когнитивных позиций.

Простые лексические единицы, метафоричные с номинативных позиций, в когнитивном плане представляют сложный ментальный механизм переноса информации из привычного ситуативного окружения в неожиданную ситуационную локацию и «вживание» в новую дискурсивную реальность. При этом исследователи часто имеют дело с описанием целой социальной или даже исторической ситуации, которая кратко и лаконично «укладывается» в семантику неологизма.

Данное явление очевидно в семантике даже простых языковых единиц, в структурном плане состоящими из одного компонента. Однако следует отметить, что современное словообразование во многих языках, в том числе и в английском, идет путем словосложения, компонентообъединения или контаминации.

Что касается сложноструктурных метафорических новообразований в языке – композитов и блендов, то с номинативной точки зрения данные языковые единицы могут быть примерами моделей:

«метафора + метафора» или «компонент с буквальным значением + метафора» [Дементьева 2002].

С когнитивных позиций метафора сложноструктурных языковых единиц рассматривается современными лингвистами в терминах эмергентности [Fauconnier, Turner 2002, с. 42–44, 48], т. е. как новая смысловая единица, возникающая «на стыке» двух, а подчас и более чем двух, концептов, но несводимая просто к сумме свойств низшего ментального уровня. Налицо так называемый эффект масштаба. Отсюда и непредсказуемость, и красочность, и нередуцируемость значения новой языковой единицы [Stephen, Beckermann 1994, с. 47]. Иными словами, любая неологическая единица человеческой речепонятийной системы, «родившись» из уже существующего в узусе и менталитете носителей языкового материала, начинает «жить своей жизнью» и уже является результатом собственного семантико-информационного развития.

Микрофреймовое моделирование как способ описания когнитивной структуры метафоры

С позиций преобразования ментальных пространств, протекающего по определенным законам и имеющего определенные модели, формирование метафорических значений происходит как результат целого набора когнитивных операций над уже имеющимися у человека знаниями. В итоге формируется новообразование с фактически новым или сильно измененным по сравнению с исходными данными ментальным пространством, происходящее, а впоследствии и фиксирующееся благодаря избирательному заимствованию структур из различных концептуальных сфер [Turner, Fauconnier 1998].

Данный процесс признано удобным описывать как ход концептуальных преобразований во фреймах значений языковых единиц [Баранов, Добровольский 1990, с. 3].

В практическом плане лингвистами неоднократно предпринимались попытки представить метафору как набор всевозможных слотовых изменений, перемещений, сдвигов, взаимопроникновения, замены содержания на нехарактерное и даже противоположное [Липилина 1998]. Впоследствии данная классификация уточнялась, дорабатывалась и «прирастал» конкретизирующими терминами. Например,

в отличие от сложных иерархически организованных фреймовых структур, небольшие частные значения языковых единиц удобнее именовать микрофреймовыми моделями [Беляевская 2000; Дементьева 2002; Дементьева 2003].

Описание корпуса метафорических неологизмов для номинативно-когнитивного исследования

Предметом настоящего исследования являются англоязычные неологизмы XXI века: 105 разнохарактерных и разноструктурных образований метафорического характера, отобранных из различных интернет-источников¹ методом сплошной выборки.

Тематически многие из них связаны с повседневной жизнью, бытовыми привычками, с освоением интернет-пространства, а также со всемирной пандемией 2020 года.

Номинативно-структурная классификация англоязычных неологизмов

В исследуемом корпусе неологизмов отчетливо выделяются следующие структурные модели:

- 1) словосложение и двухкомпонентное фразообразование:
  - NOUN + NOUN (*crisis beard, herd immunity, Ebola handshake, heritage travel*)
  - VERB + NOUN / NOUN + VERB / NOUN + VERB+ing (*wall-crawl, walktail, panic buying, flight-shaming*)
- 2) контаминация:
  - соединение частей слов (*loxit, infodemic*)
  - соединение полного слова с частью другого слова (*quaranteam, covidate*)
- 3) аффиксация (*procaffeinating, covidom*)
- 4) конверсия (*lockdown, boreout* от фразовых глаголов *to lock down, to bore out* соответственно)

Наиболее широко представленными в количественном выражении являются структурные модели 1 (32 %) и 2 (59 %). Следует также

---

¹ URL: www.study.ru, <http://lifehacker.ru>, www.englishdom.com, www.studfiles.net, www.idaten.ru, www.lhello.ru.

отметить подавляющее большинство неологизмов, двухкомпонентных по своей структурной композиции.

В качестве основного номинативного механизма можно назвать полную или частичную метафору, когда переосмыслению может подвергаться как семантика всей языковой единицы в целом (*netizen* – человек, буквально не вылезавший из соцсетей), так и семантика одного из компонентов, при этом второй компонент употреблен в буквальном значении (*crisis beard* – неопрятная небритость у мужчин как следствие локдауна и отсутствия социальной необходимости следить за своей внешностью).

Когнитивные метафорические модели в английской неологии

С позиций когнитивной семантики картина не столь стройна и формализована, и механизмы ментальных преобразований здесь намного разнообразнее. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся микрофреймовые модели.

- Интеграция микрофрейма компонента, взятого без изменений, и микрофрейма второго компонента, подвергшегося значительной метафорической трансформации на основе разворачивания целого социального сценария, невозможного без знания современных реалий:

herd immunity – коллективный иммунитет

heritage travel – поездка экскурсионного содержания

covidiot – человек, пренебрегающий социальными ограничениями в период пандемии и ведущий себя в этом смысле по-дурачки

covidate – человек, бегающий на романтические свидания несмотря на ограничения во время пандемии

В приведенных примерах микрофреймы *immunity*, *covid* (*COVID*) и *travel* остаются неизменными. В то же время микрофреймы компонентов *herd*, *date*, *idiot* и *heritage* переформатируются за счет заполнения слотов дополнительной сложной информацией на основе обращения ко всей описываемой жизненной ситуации во всех ее социальных деталях и нюансах, за счет чего и формируется номинативная метафоричность.

Следует также отметить, что структурно перечисленные примеры относятся к разным словообразовательным типам: словосложению

и контаминации. Однако с когнитивной точки зрения слотовые модели и композитов, и блендов оказываются схожими.

- Трансформация и antecedentных микрофреймов, и результирующего микрофрейма. Здесь происходит частичная выборка информации из слотов двух antecedentных микрофреймов, их информационное слияние и заполнение слотов результирующего микрофрейма новыми данными.

Весьма характерный пример: *locktail* – всевозможные социальные и экономические последствия, которые повлек за собой режим самоизоляции в период эпидемии. На данном примере видно, что метафорической трансформации подверглись изначально микрофреймы компонентов *lock* и *tail*, так как ни о каком замке и хвосте речи не идет. Из слотов исходных микрофреймов информация взята лишь частично: «жизнь в условиях ограничений на перемещение» и «последствия». В результирующем же микрофрейме, помимо слияния первоначальных данных, появляются новые слоты с информацией о тех трудностях, с которыми люди сталкиваются при выходе из локдауна и возвращении к прежней, докарантинной, жизни, причем это настолько обширный и объёмный пласт информации, затрагивающий разные сферы жизни, что речь можно вести не о простом семантическом приращении, а о целом социологическом исследовании нового общественного явления.

- Заполнение слотов antecedentного микрофрейма нехарактерной информацией. Это сравнительно несложная когнитивная процедура, не требующая чрезмерных переосмыслительных трансформаций и порождающая целый ряд однотипных неологизмов, образованных по одной модели. Примером может служить широко известный неологический ряд блендов:

staycation – отпуск, проведенный в той местности, где человек живет, или отказ от путешествия во время отпуска;

homecation – отпуск, проведенный дома;

workation – отпуск, проведенный на работе.

Слоты исходного микрофрейма слова *vacation* заполняются неожиданной информацией о нахождении дома или на работе, т. е. в обстановке, не имеющей к отпуску никакого отношения. В силу несложности мыслительного процесса, протекающего в основе образования

данного ряда языковых единиц со схожей номинативной и когнитивной структурой, можно предположить продуктивность данной словообразовательной модели и порождение в будущем новых блендов по аналогии с уже возникшими и закрепившимися в языке.

Еще одним ярким примером данного микрофреймового преобразования может служить слово *spendemic* – повсеместно охватившее людей желание тратить деньги на бесполезные вещи, т. е. социальное явление, приобретающее характер эпидемии. Антецедентный микрофрейм *epidemic* теряет часть своих слотов, заполненных чисто медицинской информацией, и заполняется информацией социального плана.

Аналогичным образом можно описать и изменения на микрофреймовом уровне при образовании неологического бленда *twindemic* – одновременное распространение двух видов эпидемий, например гриппа и коронавируса. В исходный микрофрейм *epidemic*, который сам по себе уже претерпел слотовые изменения, интегрируется нехарактерная информация о близнецах, казалось бы, не имеющих отношения к медицинским вопросам вообще и к эпидемиям, в частности.

- Интеграция трех микрофреймов с последующей информационной надстройкой. Это более редкое явление, объединяющее неологизмы, образованные комбинированным словообразовательным путем. Одним из наиболее иллюстративных примеров является аффиксат на основе словосложения *quaranteened* – донельзя уставший от вынужденного длительного пребывания в замкнутом пространстве с собственными подростками детьми. Обычно таким эпитетом «награждают» родителей, которые во время эпидемического локдауна вынуждены проводить время дома с детьми школьного возраста. С когнитивных позиций здесь налицо слияние микрофреймов *quarantine*, *teenager* и микрофрейма аффикса *-ed*. Действительно, в единое ментальное пространство сводится информация и о карантинных мерах, и об особенностях общения с детьми переходного подросткового возраста с целым комплексом свойственных пубертатному этапу сложностей и психологических нюансов, и о результативном состоянии от всего этого «гремучего» сочетания факторов. Данный гибрид словосложения и аффиксации в микрофреймовом выражении представляет собой развертывание большого социального сценария, слоты которого заполняются целым психологическим исследованием.

Не менее интересным примером мультифреймовой интеграции может служить аффиксат *procaffeinating* – ситуация, когда человек не начинает никакой работы без чашки кофе. Происходит соприкосновение сразу четырех ментальных пространств – самого слова *coffee*, а также префикса и двух суффиксов, причем итоговый смысл отнюдь не равен сумме слагаемых смыслов, так как важную роль играет информационная надстройка о реалиях работы современного офиса, где в последние десятилетия формируется субкультура, связанная с интенсивным потреблением кофе на рабочем месте и формированием стойких привычек и пищевых моделей поведения. Информационная надстройка также расширяет значение данного неологизма и выводит его из рамок чисто офисного узуса, делая данный аффиксат применимым к более широкому спектру бытовых ситуаций. Таким образом, результирующая микрофреймовая модель заполняется многочисленными сценариями, формируя тем самым совершенно новый фрейм, передающий достаточно коротким словом обширный объём информации о бытовой составляющей современного общества.

Заключение

По результатам проведенного мини-исследования в области англоязычных метафорических новообразований можно с уверенностью сказать, что в языке не может быть жестких формально-структурных классификаций. Язык – живой организм, и адекватное объёмное описание происходящих в нем номинативных процессов не может быть ограничено рамками четко очерченного перечня моделей.

Человеческая мысль гибка и способна на неожиданные и нестандартные номинативные ходы. Сколько бы номинативных моделей ни выделяли лингвисты-исследователи, полного описания номинативных процессов в языке это не даст.

В этом смысле современное когнитивное направление в лингвистике по праву признается лингвистами чрезвычайно перспективным и буквально смотрящим вглубь текущих процессов в языке.

Построенные автором микрофреймовые модели формирования семантики англоязычных неологизмов дают наглядное представление о ментальных процессах при образовании новых языковых единиц и формировании новых смыслов.

Кроме того, важным выводом, вытекающим из проведенного исследования, является наблюдение о том, что структурные модели многокомпонентных языковых единиц далеко не тождественны их когнитивным моделям. Перспективной следует признать мысль о том, что когнитивные механизмы необходимо изучать углубленно и разносторонне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. [Baranov, A. N. (2001). *Vvedeniye v prikladnuju linguistiku. (Introduction into applied linguistics)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Беляевская Е. Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий / В сб. научн. тр. «Когнитивные аспекты языковой категоризации» Рязанского государственного педагогического университета им. С. А. Есенина. Рязань, 2000. С. 9–14. [Belyajevskaja, E. G. (2000). About the nature of language categories' cognitive foundations. *Scientific Materials "Cognitive Aspects of Language Categorization" in Ryazan State Pedagogical University* (pp. 9–14). (In Russ.)].
- Дементьева М. Ю. Представление значений языковых единиц различной структурной сложности на уровне фреймовых моделей: межвузовский сборник научных трудов. Рязань: РГПУ, 2002. С. 37–44. [Dementjeva, M. Ju. (2002). Representation of multistructural linguistic units by means of microframe models. In *Interuniversity collection of research articles* (pp. 37–44). Ryazan: RSPU. (In Russ.)]
- Дементьева М. Ю. Функционирование фразеологических единиц в дискурсе: опыт микрофреймового анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2003. Вып. 478. С. 56–63. [Dementjeva, M. Ju. (2003). Phraseological units and their functioning in discourse: microframe analysis. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 478, 56–63. (In Russ.)].
- Липилина Л. А. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. [Lipilina, L. A. (1998). *Kognitivnyje aspekty semantiki metaforicheskikh innovatsij. (Cognitive aspects of semantics of metaphoric innovations)*: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. [Telija, V. N. (1986). *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnykh edinit. (Connotation in semantics of linguistic units)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Lakoff G., Johnson M.* The metaphorical structure of the human conceptual system // Perspectives of cognitive science. Edited by Norman D. 1981. P. 193–206.
- Turner M., Fauconnier G.* Conceptual Integration Networks // Cognitive Science, 22 (2) 1998. P.133–187.

А. А. Саркисян

аспирант, преподаватель кафедры английского языка
как второго переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
sash.sarkisian@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА
В ЯЗЫКОВОЙ КОМБИНАЦИИ ТУРЕЦКИЙ / РУССКИЙ
И ПОИСК ПРАКТИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ИХ РЕШЕНИЯ**

Статья посвящена специфике работы синхронных переводчиков в языковой паре турецкий / русский в сфере международной дипломатии. Внимание заостряется на различиях в строе обоих языков, ставящих под сомнение саму возможность переводить синхронно. В статье также изучена роль клишированных выражений, свойственных дипломатическому дискурсу обоих языков, исследованы понятия избыточности и субъективной избыточности текстов, а также сделаны выводы об их роли в синхронном переводе в данной языковой паре.

Ключевые слова: синхронный перевод; турецкий язык; вероятностное прогнозирование; избыточность текста; международная дипломатия.

A. A. Sarkisyan

PhD student, Lecturer at the Department of English
as a Second Foreign Language, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University
sash.sarkisian@yandex.ru

**THE PROBLEMS OF SIMULTANEOUS INTERPRETATION
IN THE TURKISH-RUSSIAN LANGUAGE COMBINATION
AND SEARCH FOR PRACTICAL SOLUTIONS**

The article considers peculiarities of simultaneous interpreters' work in the Turkish-Russian language combination in the field of international diplomacy. Attention is focused on differences in the structure of two languages that call into question the very feasibility of interpreting simultaneously in this language combination. The article also examines the role of cliched expressions in the diplomatic discourse and the concepts of redundancy and subjective redundancy of diplomatic texts and draws conclusions about their role in simultaneous interpretation.

Key words: simultaneous interpretation; Turkish language; probabilistic forecasting; redundancy; international diplomacy.

Введение

За последние десятилетия Российская Федерация и Турецкая Республика значительно усилили свое влияние в евразийском регионе. Сотрудничество между двумя странами вышло на новый уровень, а взаимная открытость стран стала причиной растущего интереса народов обоих государств к культуре и истории друг друга.

Такая интенсивность дипломатических, политических, торговых и культурных отношений обуславливает большое количество контактов, в том числе, на высшем уровне, неотъемлемым элементом которых является синхронный перевод. Однако на данный момент существует мнение, что вследствие значительных различий в структуре двух языков, синхронный перевод в языковой паре турецкий / русский невозможен. Тем не менее практика показывает, что такой вид перевода в данной языковой комбинации не только осуществим, но и необходим, учитывая важность взаимоотношений России и Турции для всего региона. В этом заключается *актуальность исследования* данной темы.

Теоретическая значимость исследования сводится к тому, что синхронный перевод в языковой паре русский / турецкий до сих пор не был предметом подробных исследований, а переводчики работают, не имея каких-либо теоретических или методических основ. В рамках данной статьи мы намерены указать на основные различия в грамматической структуре русского и турецкого языков, затронуть процесс подготовки переводчика к встречам представителей стран на высшем уровне, а также предложить способы упростить работу переводчика в данной языковой паре.

В исследовании проблем синхронного перевода в языковой комбинации турецкий / русский, мы преимущественно опирались на работы отечественных и зарубежных лингвистов, закладывавших основы теории синхронного перевода на примере языковой комбинации русский / английский. Считаем, что в данном случае это допустимо, так как речь идет о наиболее общих принципах, которые также будут применимы и в языковой паре турецкий / русский. Речь идет о работах Г. В. Чернова (в частности, о его совместном с И. А. Зимней исследовании механизма вероятностного прогнозирования), работах В. М. Илюхина о стратегиях синхронного перевода, работах М. Я. Цвиллинга, А. Д. Швейцера, исследованиях Е. Н. Сладковской

и В. А. Голенкова о понятии избыточности и смысловом анализе текста, А. Е. Мосьякова о роли штампов в синхронном переводе, работах С. А. Луканиной и других исследователей.

Специфика проблемы

Остановимся подробнее на особенностях исследования синхронного перевода. Считается, что данная область лингвистического изучения находится на стыке наук, а значит, исследование с позиции только лингвистической теории перевода будет недостаточным. Поэтому исследователи неизбежно должны обращаться к таким областям науки, как психология речи, психолингвистика, теория коммуникации и т. д. Единицей восприятия информации при синхронном переводе является высказывание. Только в нем есть окончательно оформленные связи между словами и словосочетаниями, однако во время работы у синхронного переводчика нет возможности дослушать то или иное высказывание до конца, и ему приходится вступать, не обладая информацией в достаточном объёме, часто опираясь только на свои предположения о дальнейшем развитии мысли. Своевременная выдача перевода определяется не только быстротой реакции переводчика, но и тем, достаточна ли принятая информация для выдачи минимальной единицы перевода [Цвиллинг 1966]. Однако, в зависимости от сложности синтаксической конструкции высказывания, а также от языковой комбинации данный показатель будет варьироваться. Сложность также заключается в том, что исследовать синхронный перевод как процесс представляется крайне сложным. Гелий Чернов сравнивал этот процесс с «черным ящиком» [Чернов 1978, с. 43].

Говоря об особенностях турецкого языка на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, мы можем выделить большое количество отличительных черт, многие из которых будут представлять сложность для русскоязычного переводчика. По своей морфологической структуре турецкий язык, как и все тюркские, относится к типу агглютинативных. В языках этого типа четко выделяется корень слова, к которому в определенной последовательности, один за другим, присоединяются справа однозначные аффиксы. Ряд специфических черт имеет турецкий синтаксис. Так, любое определение (простое или сложное, именное или глагольное) всегда предшествует

определяемому, а сказуемое обычно располагается в самом конце предложения. Придаточные предложения турецкого типа – в корне отличные от придаточных предложений индоевропейских языков (вводимых союзами, которых почти нет в турецком языке) – всегда предшествуют главному предложению или его сказуемому [Кузнецов 2000, с. 15]. Сложность также вызывают такие конструкции, как причастные обороты, где главное слово стоит в постпозиции по отношению к определяющей его конструкции.

В турецком языке нет категории рода, что негативно сказывается на работе механизма вероятностного прогнозирования: в русском языке, где категория рода выражается, в том числе, в прилагательных, предшествующих существительным, намного проще понять заранее, о чем будет дальше идти речь. При работе с турецким языком такой возможности нет. Осложняет ситуацию для переводчика также тот факт, что вместо предлогов в турецком языке есть послелогои – это значит, что обозначение времени, места и других логических отношений выражается после слова, что вынуждает переводчика делать более долгие паузы (например: *resmi törenden sonra* – *после официальной церемонии*; *ciddi anlaşmazlıklardan dolayı* – *из-за серьезных разногласий*).

Таким образом, можно сделать вывод, что первой наиболее очевидной издержкой при работе в данной языковой комбинации, будет более длительное отставание от оратора. Синхронный переводчик постоянно работает в диапазоне двух – семи слов плюс еще нескольких лексических единиц или смысловых опорных точек, возникающих в голове в результате вероятностного прогнозирования. Дальнейшее отставание от оратора (более чем на семь слов) очень опасно и может привести к окончательному срыву перевода [Дударева 2009]. При работе с турецким языком такие отставания порой являются единственно возможными, однако они могут стать непреодолимым барьером, особенно, для начинающих переводчиков.

Специфика перевода в сфере международной дипломатии

Чтобы оценить задачи, стоящие перед синхронным переводчиком, при работе с первыми лицами страны на международных полити-

ческих мероприятиях, следует также уделить внимание особенностям дипломатического подстиля. Считается, что по основным показателям он сходится с языком политической коммуникации [Шейгал 2005].

Дипломатический подстиль отличается строгостью и структурированностью построения мысли, что, однако, не отменяет общей торжественности речи, которая достигается, главным образом, за счет включений экспрессивной лексики, устаревших и книжных слов, употребляемых исключительно в высоких сферах жизни общества. Текст, помимо всего прочего, подчинен нормам дипломатического этикета, следственно, в нем редки случаи употребления, например, повелительного наклонения. Наблюдается осторожность при употреблении слов, относящихся к категории долженствования [Рамазанова 2009]. В силу тем, освещаемых в рамках дипломатического подстиля, в нем находят проявление также средства официально-делового и публицистического стилей. Характерными чертами дипломатического подстиля являются слова и выражения, являющиеся терминами международных отношений, международного права и политики. Большинство из таких выражений имеет характер клишированных и, как правило, клишированный аналог в ПЯ. К характерным чертам также относится этикетная лексика, формы обращения и завершения выступления (Для меня большая честь...; позвольте мне выразить искреннюю благодарность за... и т. д.). Синтаксис устных жанров дипломатического подстиля, помимо риторических вопросов и восклицаний, отличается относительно большим количеством сложных и осложненных предложений, предполагающих нагромождения придаточных конструкций и оборотов.

Таким образом, в рамках дипломатического подстиля синтаксис турецкого языка создает переводчику значительные трудности. Большие разрывы между подлежащим и сказуемым могут привести к слишком длинным паузам и, как следствие, к несогласованности предложений, а также логическим и морфологическим ошибкам при переводе. Пытаясь проговорить текст и компенсировать отставание от оратора, переводчик вынужденно ускоряется, а значит, рискует упустить релевантные фрагменты информации.

Проиллюстрируем последний тезис примерами, взятыми из выступлений президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана (см. табл.)

Таблица

Предложение на турецком языке	Перевод на русский язык	Комментарий
Anılan ziyaret, iki ülke arasındaki mevcut ilişkilere katkı sağlanacaktır	Данный визит <u>внесет вклад</u> в развитие текущих отношений между двумя странами	В данном предложении наблюдается большой разрыв между подлежащим и сказуемым. Стандартный порядок слов в турецком языке предполагает вынесение сказуемого в конец предложения, что не свойственно синтаксису русского языка, где сочетание подлежащее-сказуемое в большинстве случаев не разрывается
Çatışma, açlık ve zülümden kaçan 5 milyon sığınmacıya ev sahipliği yapıyoruz	Мы <u>приняли</u> пять миллионов беженцев, спасающихся от военного конфликта, голода и насилия	В данном предложении подлежащее определяется лишь за счет личного аффикса 1-го лица множественного числа на конце глагола <i>yapmak</i> (делать) в настоящем времени – <i>yapıyoruz</i> . Таким образом, наблюдается сильный контраст с порядком слов в русском предложении, начинающемся с подлежащего и сказуемого. Красным цветом в предложении обозначен аффикс исходного падежа (<i>-den</i>), который в турецком языке может иметь разные значения, и чтобы определить, какое именно из них будет реализовано в данном предложении, необходимо дождаться следующего слова – причастия <i>kaçan</i> , (от глагола <i>kaçmak</i> – спасаться, сбежать от чего-то). Также ситуация осложняется тем, что, если мы имеем дело с цепочкой однородных членов, то падежный аффикс может ставиться только к последнему компоненту, в то время как в русском языке падеж выражается в предлоге, окончании прилагательного и окончаниях каждого из компонентов цепочки однородных членов, что упрощает протонизирование дальнейшего содержания предложения. Показатели падежа выделены красным цветом
Ekonomi açısından dünyada 11 sırada olmaları rağmen...	Несмотря на то, что с точки зрения экономики мы находимся на 11-м месте...	Послелог <i>rağmen</i> , управляющий дательным падежом, выраженным аффиксом <i>-a</i> в слове <i>olmaları</i> , ставится в конце придаточной части предложения и обозначает уступительные отношения с главной частью. В русском языке придаточное уступительное вводится союзом <i>несмотря на</i> , который стоит в начале предложения

Предложение на турецком языке	Перевод на русский язык	Комментарий
<p>Yürütüğü başarılı çalışmalar için teşekkül etmek</p>	<p>Благодарить (кого-то) за успешно проделанную (кем-либо) работу</p>	<p>В данной фразе кардинальным образом отличается положение глагола (<i>blagodaritъ – teşekkül etmek</i>). Кроме того, русский предлог <i>за</i>, которым вводится дополнение с определениями, соответствует турецкому послелогу <i>için</i>, ставящемуся в конце отрезка, к которому он относится. Таким образом, переводчик не может понять, о чем идет речь, пока не услышит послелог, формирующий отношения внутри предыдущего фрагмента и ставящий второстепенные члены в определенные отношения со сказуемым</p>
<p>Yaklaşık bir milyon ölümlüne 12 milyonu aşkın insanın yerinden edilmesi- den, bunların yarısının da ülke dışında zorunda kalmasına yol açan Suriye krizini sona erdirmenin zamanı gelmiştir</p>	<p>Пришло время положить конец сирийскому кризису, жертвами которого стали около миллиона человек, более 12 миллионов были вынуждены покинуть свои места жительства, половина из них оказалась вынуждена спасаться за пределами страны.</p>	<p>Данное предложение иллюстрирует сложности, которые могут быть вызваны длинным причастным оборотом. В турецком языке такие конструкции препозитивны, в то время как в русском языке они, как в виде причастных оборотов, так и в виде придаточных определительных предложений, ставятся после слова / словосочетания, к которому относятся. Перевод предложения также осложняется цепочкой однородных членов, относящихся к глагольной форме <i>yol açan</i> (дословно <i>yol açmak</i> – открывать путь, давать дорогу, то есть позволять чему-то случиться), управляющей дательным падежом (аффиксы подчеркнуты в предложении). Ввиду многозначности дательного падежа в турецком языке, понять, о чем идет речь, мы можем только тогда, когда услышим главное слово. В данном случае оно находится на достаточном значительном удалении от первого компонента, обозначенного дательным падежом</p>

Синтаксические сложности дополняются лексическими – дипломатический подстиль включает в себя относительно большой объём исконной арабской и персидской лексики, которая является признаком возвышенности стиля. Такое явление не уникально – в частности, в русском языке такую роль играют слова греческого, латинского или старославянского происхождения. В турецком языке порой мы имеем дело с арабизмами, полноценно вошедшими в обиход и являющимися единственным или наиболее употребимым вариантом передачи того или иного понятия (например, *istikrar* – *стабильность*, *istihbarat* – *разведка*). Но также существуют слова, у которых есть более употребимые и распространенные аналоги, однако, в угоду улучшения стиля, ораторы прибегают к прямым заимствованиям или словам с исконным арабским или персидским корнем. Ниже приведены некоторые примеры:

- ihtilaf* – *араб.* конфликт (вместо более употребимых *çatışma / kavga / savaş*);
- taciz etmek* – *араб.* нарушать (вместо, например, *bozmak*);
- bigane kalmak* – *перс.* остаться в стороне / остаться равнодушными (вместо *kayıtsız / ilgisiz*);
- temerküz etmek* – *араб.* собираться, концентрироваться в каком-то месте (вместо *toplanmak*);
- uluslararası camia* – *араб.* международное сообщество (вместо *toplum / topluluk*);
- mütecanis* – *араб.* единый (вместо *birleşik*);
- alem* – *араб.* мир (вместо *dünya*);
- zira* – *перс.* поскольку (вместо *çünkü / şundan dolayı*).

О работе механизма вероятностного прогнозирования

Синхронный перевод – многоаспектное явление, и если лингвистический аспект представляет сложность, то мы можем зайти с другой стороны и посмотреть, каким образом нам могут помочь механизм *вероятностного прогнозирования*, понятие *избыточности текста*, а также *субъективная избыточность сообщения* для конкретного отдельного переводчика.

Одним из основных психолингвистических механизмов, определяющих деятельность синхронных переводчиков, является механизм *вероятностного прогнозирования* (далее – ВП). В его основе лежит

опережающее отображение действительности. Вероятностное прогнозирование присутствует во всех видах речевой деятельности, но именно для синхронного перевода оно является ключевым понятием.

Вероятностное прогнозирование существует на разных уровнях. Гелий Чернов выделял следующие:

- просодический
- вербальный уровень лексической сочетаемости
- уровень лексико-семантической сочетаемости
- уровень семантико-синтаксической сочетаемости
- уровень элементарной предикации
- уровень прогноза цели сообщения
- уровень мотива сообщения

Каждый более высокий уровень гарантирует надежность прогнозирования на более нижних уровнях, гарантируя большую избыточность – понятие, лежащее в основе механизма ВП [Чернов 1978, с. 68].

Избыточность текста предполагает взаимозависимость и повторяемость элементов в цепи речи [Чернов 1978, с. 56]. Избыточность отдельных функциональных стилей выше, чем избыточность языка в целом, так как в каждом функциональном стиле есть определенный набор маркированных средств и стандартных формулировок.

О важности прогнозирования на высшем уровне, уровне мотива сообщения, пишут В. А. Голенков и Е. Н. Сладковская. Прогнозирование мотива, по их словам, является важнейшим уровнем в иерархии вероятностного прогнозирования, а значит, может обеспечивать надежность на более низких уровнях, вплоть до уровня словосочетания [Голенков, Сладковская 1974].

В дипломатическом подстиле мы имеем определенную стандартную структуру. За ее пределами остаются разговорные выражения, резкие формулировки, просторечия, жаргонизмы, излишняя экспрессия и т. д., что увеличивает избыточность текста и упрощает задачу переводчику. Однако, если мы говорим о выступлениях высокопоставленных политических деятелей, то выбор средств в большей мере остается за ними. Это вынуждает нас обратить особое внимание на понятие *субъективной избыточности*. Субъективная избыточность – та избыточность, которую имеет сообщение для каждого конкретного получателя – в нашем случае переводчика [Чернов 1978, с. 60]. Это понятие говорит нам о том, что переводчику важно знать тему

выступления, а также особенности каждого оратора, чье сообщение он переводит. Повысить субъективную избыточность мы можем путем досконального изучения того или иного оратора: прослушивания большого количества выступлений, выявления наиболее частотных отличительных черт его речи. С большой долей вероятности такие особенности проявятся и в новых выступлениях, а значит, такой анализ оратора повысит избыточность текста, что скажется на качестве перевода в лучшую сторону.

Нельзя не упомянуть и третью основу избыточности дипломатического подстиля – клишированные выражения, или просто клише. Клише – это стандартные образцы словоупотребления, типовые схемы словосочетаний и синтаксических конструкций, а также общие модели речевого поведения в конкретных ситуациях [Розенталь, Теленкова 1976]. Их отличают воспроизводимость, четкость семантики, а также, формально-смысловая стандартизированность, что способствует облегчению коммуникации, лаконичному выражению мысли при экономии усилий и времени [Копнина 2005]. Всё это увеличивает избыточность речи и обеспечивает надежность ВП на низших уровнях: в случае с двух- или трехсоставными клише мы с определенной долей вероятности можем правильно достроить то или иное устойчивое выражение, услышав только первый его компонент. А если также учесть фактор контекста, в котором оратором было произнесено какое-либо выражение, то мы имеем дело с еще более высокой избыточностью, что упрощает работу механизма ВП.

Рассмотрим некоторые дипломатические и политические клише в турецком языке. В скобках даны возможные варианты передачи словосочетаний на русский язык.

yükümlülüklerini yerine getirmek – выполнять обязательства

toprak bütünlüğü – территориальная целостность

yol haritası – дорожная карта

insani yardım – гуманитарная помощь

kalıcı bir çözüm – долгосрочное решение

dostluk ve işbirliğine dayalı ilişkiler – отношения, основанные на дружбе и сотрудничестве

ikili ilişkiler – двусторонние отношения

çok (tek) kutuplu dünya – много(одно)полярный мир

hukuki temel – правовая основа

Вышеперечисленные выражения имеют характер клишированных в турецком языке. На их примере мы убеждаемся, что клише в данной сфере имеют клишированные аналоги и в русском языке. Переводчик, специализирующийся в сфере политики и дипломатии, услышав первые компоненты выражения, уже может делать прогнозы о его возможном завершении, а также о дальнейшем ходе мысли оратора.

Таким образом, надежность работы механизма вероятностного прогнозирования опирается на следующие составляющие:

- логичность построения мысли;
- принадлежность текста к тому или иному функциональному стилю;
- наличие устойчивых выражений и клише;
- знание индивидуальных особенностей оратора;
- знание повестки дня мероприятия или основных тем, которые будет освещать оратор.

В качестве примера выступлений ведущих лиц международной дипломатии возьмем выступления лидера Турции Реджепа Тайипа Эрдогана на Генеральной Ассамблее ООН в разные годы и проанализируем, как в случае с этим оратором может работать механизм вероятностного прогнозирования, а точнее, что делает его выступления прогнозируемыми.

В речи Президента Турции присутствует достаточно большое количество *клишированных выражений*. Как уже было сказано выше, сами клише, благодаря устойчивости своего состава, обеспечивают надежность прогнозирования на низших уровнях. Посмотрев на примеры, можно сделать вывод, что клише, в силу конкретности своего значения, сужают контекст: большинство из них функционируют только в рамках какой-то одной темы или ее аспекта, что, в свою очередь, повышает *избыточность* сообщения и упрощает работу механизма вероятностного прогнозирования.

Также, если проанализировать выступления лидеров Турции на разных международных форумах на протяжении последних лет, можно увидеть общность затрагиваемых проблем и вопросов. Наиболее частотные:

- конфликт в Сирии и роль Турции в приёме беженцев;
- реформа Совета безопасности;
- конфликты в Ливии и Йемене;

- палестино-израильский конфликт;
- территориальные противоречия вокруг региона Кашмир между Пакистаном и Индией;
- конфликт в Нагорном Карабахе.

Президент открыто и недвусмысленно выражает позицию своей страны, и логично, что для обсуждения одних и тех же тем оратор может прибегать к одному набору речевых средств. Это предположение подтверждается примерами из выступлений Эрдогана – действительно, из года в год он употребляет в речи одни и те же выражения. Некоторые из них:

Фрагмент фразы	Вариант передачи на русский язык	Комментарий
bu çatının altında	Здесь, под этой крышей	О мировом сообществе, собравшемся в зале Генассамблеи ООН
Türkiye olarak	Мы в Турции... / Наша страна, в свою очередь...	Говоря о том, что Турция со своей стороны делает по тому или иному вопросу
mazlum Filistinliler	Угнетенные палестинцы	Именно этот эпитет Эрдоган из года в год использует в отношении палестинцев, говоря о ситуации на Ближнем Востоке
dünya beşten büyüktür	Мир больше, чем 5 стран	О необходимости реформирования Совета Безопасности ООН
adil, kalıcı ve kapsamlı sonuç	Справедливое, устойчивое и всеобъемлющее решение	В контексте обсуждения конфликта в Сирии
bu para bizim milli bütçemize girmiyor	Эти деньги не идут в бюджет нашей страны	О средствах, выделенных Турцией на содержание сирийских беженцев

В речи турецкого лидера также частотны ряды однородных членов (*adalet, ahlak, vicdan – справедливость, нравственность, совесть; ırkçılık, yabancı düşmanlığı, islam karşıtlığı – расизм, ксенофобия, исламофобия*). Данные примеры подтверждают мысль о том, что цепочки однородных членов объединяют слова, если не синонимичные, то, как минимум, принадлежащие к одному логическому ряду. Это значит, что в некоторых случаях переводчик может без особого ущерба

опустить одно из слов, чтобы успеть проговорить всю фразу до конца, а в каких-то случаях догадаться о значении одного из компонентов цепочки, исходя из контекста.

Проанализировав большое количество выступлений оратора, мы можем говорить о его особых отличительных чертах. Тщательно изучив их, переводчик может значительно увеличить *субъективную избыточность* текста, что, в свою очередь, облегчит ему задачу непосредственно во время работы и может положительно сказаться на качестве перевода.

Заключение

Таким образом, подтверждается тезис, что понятия, представленные нами как основы вероятностного прогнозирования, действительно играют огромную роль в прогнозировании сообщения оратора на разных уровнях. При работе с турецким языком, когда русскоязычному переводчику не приходится полагаться на аналогию в развертывании фразы с точки зрения синтаксиса, эти понятия приобретают особую важность и, возможно, при работе и предварительной подготовке акцент сделать следует именно на них. Однако это не отменяет того факта, что с учетом важности отношений России и Турции, как для обеих стран, так и для евразийского региона в целом, изучение синхронного перевода в данной языковой комбинации должно стать одним из направлений дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Голенков В. А., Сладковская Е. Н. Вехи смыслового анализа текста // «Тетради переводчика». 1974. № 11. М.: Международные отношения, с. 77–87. [Golenkov, V. A., Sladkovskaya, Ye. N. (1974). Vekhi Smyslovogo Analiza Teksta (Milestones of Semantic Analysis of Text). *Tetrady Perevodchika*, 11, 77–87. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. (In Russ.)].
- Дударева Н. А. О некоторых трудностях синхронного перевода. // «Вестник ИГЭУ». 2009. Вып. 1. С. 68–71. [Dudareva, N. A. (2009). O Nekotorykh Trudnostyakh Sinkhronnogo Perevoda. (On some difficulties of simultaneous interpretation). *Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University*, 1, 68–71. (In Russ.)].
- Копнина Г. А. Клише или речевой стереотип // «Эффективное речевое общение (Базовые компетенции)». Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты /

- под ред. А. П. Сквородникова. М., 2005. [Kornina, G. A. (2005). Klishe ili rechevoj stereotip (Cliche or speech stereotype). «Effectivnoje rechevoje obshchenije. (Bazoviye Kompetentsiji)». Entsiklopedicheskiy slovar-spravochnik. Vyrazitelnije sredstva russkogo yazyka i rechevije oshibki i nedochyoty / under the editorship of A. P. Skovorodnikov. Moscow. (In Russ.)].
- Кузнецов П. И. Учебник турецкого языка. Начальный курс. М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000. [Kuznetsov, P. I. (2000). Uchebnik Turetskogo Yazyka. Nachalny kurs. (*Turkish Textbook. Basic Course*). Moscow: ID «Muravej-Gaid». (In Russ.)].
- Рамазанова С. Язык текстов дипломатических сообщений как подструктура языка политической коммуникации. М.: Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2009. Вып. 4. С. 23–32. [Ramazanova, S. (2009). Yazyk Tekstov Diplomaticheskikh Soobshcheniy kak podstruktura yazyka politicheskoi kommunikatsiyi. (The Language of Diplomatic Texts as the Substructure of the Language of Political Communication). *Vestnik of Peoples' Friendship University of Russia, RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 4, 23–32. (In Russ.)].
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. [Rozenal, D. E., Telenkova, M. A. (1976). Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov. (*Glossary of Linguistic Terms*). Moscow: Prosveshcheniye, 2nd ed. (In Russ.)].
- Цвиллинг М. Я. Синхронный перевод как объект экспериментального исследования // «Тетради переводчика». №3. М.: Международные отношения, 1966. С. 87–93. [Tsvilling, M. (1966). Sinkhronnij perevod kak objekt eksperimental'nogo issledovaniya (Simultaneous Interpretation as an Object of Experimental Studies). *Tetrady Perevodchika*, 3, 87–93. Moscow: Mezhdunarodnyje Otnosheniya. (In Russ.)].
- Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978. [Chernov, G. V. (1978). Teorija i praktika sinkhronnogo perevoda. (*Theory and Practice of Simultaneous Interpretation*). Moscow: Mezhdunarodnyje Otnosheniya. (In Russ.)].
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. [Sheigal, Ye. I. (2005). Semiotika Politicheskogo Diskursa. (*Semiotics of Political Discourse*): Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Е. В. Терешко

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник
Сектора германских языков Института языкознания РАН
tereshko@iling-ran.ru

**ФОРМАЛЬНОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ *ER*
В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
С МЕСТОИМЕНЯМИ *WIE* / *WAT* В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ**

Данная статья посвящена частице *er*, выполняющей функцию формального подлежащего в повествовательных и вопросительных предложениях. Как в первом, так и во втором типе предложений *er* может опускаться. В официальной нидерландской грамматике *Algemene Nederlandse Spraakkunst* отмечается нерегулярность данного явления и невозможность вывести правило, по которому *er* может быть опущено. Мы, следуя за исследователями формального подлежащего в повествовательном предложении, делаем предположение о прагматической функции *er*, которая обуславливает его наличие или отсутствие в вопросительном предложении.

Ключевые слова: нидерландский язык; синтаксис; формальное подлежащее; частица *er*; вопросительное предложение.

E. V. Tereshko

PhD (Philology), junior researcher
of German languages sector, Institute of Linguistics RAS
tereshko@iling-ran.ru

**THE FORMAL SUBJECT *ER* IN INTERROGATIVE SENTENCES
WITH PRONOUNS *WIE* / *WAT* IN DUTCH**

This article is devoted to the particle *er*, which serves as a formal subject in declarative and interrogative sentences. In both the first and second types of clauses, *er* can be omitted. The official Dutch grammar *Algemene Nederlandse Spraakkunst* notes the irregularity of this phenomenon and the impossibility of deriving a rule according to which *er* can be omitted. We, following the researchers of the formal subject in the declarative sentence, make an assumption about the pragmatic function of *er*, which determines its presence or absence in the interrogative sentence.

Key words: Dutch language; syntax; formal subject; particle *er*; interrogative sentence.

Введение

Частица *er* в нидерландском языке имеет множество функций. В качестве основных выделяют четыре функции *er*:

1. Функция наречия места: частица *er* заменяет собой наречия *hier / daar* (здесь / там):

Ik ben hier / daar. = *Ik ben er.* – «Я здесь / там». = «Я на месте»

2. Функция местоимения перед числительным: если при ответе на вопрос о количестве опускается существительное, к которому относится вопрос, то оно заменяется на *er*, выполняющее в данном случае функцию местоимения и ставящееся перед числительным:

Hoeveel kinderen heb je? – *Ik heb er drie.*

– Сколько у тебя детей? – У меня (их) трое.

3. Функция формального подлежащего: *er* занимает место подлежащего в нидерландском предложении, если смысловое подлежащее выражено неопределённым существительным:

Er lopen veel kinderen op straat. – По улице идет много детей.

4. Функция составной части в местоименном наречии: если при замене существительного на местоимение в предложении присутствует относящийся к этому существительному предлог, вместо местоимения используется *er*, которое встает перед этим предлогом и может писаться как слитно, так и раздельно с ним:

Ik zit op de bank. *Ik zit erop.* *Ik zit er vaak op.* –

Я сижу на диване. Я сижу на нём. Я часто сижу на нём.

В данной статье основное внимание будет уделено третьей функции *er* – функции формального подлежащего. Эта функция *er* согласуется с подобными конструкциями в других германских языках:

- (1) a. *Er is een doos in de gang.*
- b. *There is a box in the hall.* (англ.)
- c. *Es gibt eine Kiste in der Halle.* (нем.)
- d. В коридоре стоит коробка.

Однако наличие *er* в предложении зависит не только от определенности или неопределенности смыслового подлежащего – в примере (1) это коробка, – но и от вида предложения. В вопросительных предложениях с местоимениями *wie* (кто) и *wat* (что) частица *er* может как присутствовать, так и отсутствовать.

Система местоимений нидерландского языка

Нидерландский язык имеет разветвленную систему местоимений, в которой, в отличие от артиклей, сохранилось членение на три рода – женский, мужской и средний, а также рудиментарное падежное деление. В системе личных местоимений нидерландского языка выделяют группу субъектных местоимений, соответствующих именительному падежу, и группу объектных местоимений, соответствующую косвенным падежам.

Помимо личных местоимений в нидерландском языке выделяют указательные (они же выполняют функцию относительных), возвратные, вопросительные местоимения.

Вопросительные местоимения в нидерландском языке дополняются так называемыми местоименными наречиями в том случае, если вопрос задается к существительному, к которому также относится предлог. Так, местоимение *waar* значит *где*, но при необходимости задать вопрос *куда* или *откуда* к нему добавляется предложная часть: *waarnaartoe* и *waarvandaan* соответственно.

Еще несколько примеров:

Waar ben jij? – Где ты?

Waarop zit jij? – На чем ты сидишь?

Waar mee eet jij? – Чем (при помощи чего) ты ешь?

Waarin blijft het? – В чем оно остается?

Waarom denk je dat? – Почему ты так думаешь?

Waar naar kijk jij? – На что ты смотришь?

Вопросительные местоимения

wie «кто» и *wat* «что»

Специфика вопросов с вопросительными словами *wie* (*кто*) и *wat* (*что*) связана с тем, что вопрос задается к подлежащему, значит, подлежащее является неопределенным.

О неопределенном характере местоимений *wie* «кто» и *wat* «что» пишет М. А. Аханова, отмечая, что «одна и та же первичная индоевропейская дейктическая частица могла иметь как анафорическую функцию, так и вопросительно-неопределенную» [Аханова 2008, с. 15], а это значит, что категория определенности-неопределенности изначально заложена в словах *wie* (*кто*) и *wat* (*что*).

В таком случае, было бы логично предположить, что в вопросах с *wie* «кто» и *wat* «что», которые относятся к подлежащему, должно присутствовать формальное подлежащее *er*. Однако это не всегда так.

Опущение *er* в функции формального подлежащего

Er в функции формального подлежащего может быть опущено, однако основной грамматический справочник нидерландского языка ANS – *Algemene Nederlandse Spraakkunst* – не отвечает на вопрос, когда это происходит, отмечая лишь, что «невозможно вывести четкие правила: *er* может выступать в качестве факультативного элемента, его наличие в предложении может определяться стилистическими или семантическими особенностями. Кроме того, на использование *er* в предложении может влиять индивидуальное или региональное использование языка» [Haeseryn et al. 1997, с. 473].

Функцию формального подлежащего в разных источниках, в том числе в ANS, также называют «подлежащим места», «презентативным *er*» и «экзистенциальным *er*». Отмечается, что допускается опущение *er* в случаях, когда оно не занимает первое место в предложении. Например, если на первое место встает второстепенный член, *er* можно опустить:

- (2) a. Op Colakreek wordt *er* van 23 augustus tot en met 18 september een heel groot vakantiecamp gehouden.
  - b. Op Colakreek wordt van 23 augustus tot en met 18 september een heel groot vakantiecamp gehouden.
  - c. В парке Колакreek с 23 августа по 18 сентября будет работать большой лагерь отдыха.
- (*Corpus Hedendaags Nederlands: De Ware Tijd*, 2010).

Однако, как отмечают Хронделаарс, Брейсбаарт и другие, такое возможно только в тех случаях, если на первое место встает обстоятельство места [Grondelaers et al. 2002]. В качестве примера, они приводят предложение, в котором опущение *er* невозможно:

- (3) a. Een paar weken geleden was *er* ook geen maan (*De Aanslag*: 50).
- *b. Een paar weken geleden was ook geen maan.
- c. Пару дней назад тоже не было луны.

В этом примере опущение *er* неприемлемо. Правило опущения *er* в случаях, когда на первое место в предложении встает обстоятельство места, описаны и в ANS [Haeseryn et al. 1997, с. 882], а также этому явлению посвящены работы таких исследователей, как Ван Эс [Es & Caspel 1971] и Схюттер [de Schutter, van Hauwermeiren 1983]. Ван Эс даже пытается вывести закономерности, при которых *er* в описанных случаях может опускаться. Так, исследователь отмечает, что в сочетании с глаголом *zijn* ‘быть’ формальное подлежащее *er* опускается, если только сочетание *er + zijn* не используется с целью выделить для слушателя новую информацию.

Прагматика: определение и место в лингвистике

Несмотря на тот факт, что о принципах прагматического подхода к языку говорили уже в 70-е годы XX века, в контексте исследований нидерландского языка, этот подход начал использоваться сравнительно недавно. Рассмотрим в этом разделе основные определения и подходы прагматического направления и отметим исследования на материале нидерландского языка, проведенные в этом ключе.

Прагматика, или, как ее еще называют, лингвопрагматика – направление языкознания, пользующееся достижениями в области риторики, стилистики, социо- и психолингвистики, как отмечает в курсе лекций Б. Ю. Норман [Норман, 2009, с. 5]. Многие исследователи выводили собственное определение прагматики. Так, О. С. Ахманова так определяет это направление: «Один из планов или аспектов языка, выделяющий и исследующий единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком» [Ахманова 1969, с. 344]. В статье Н. Д. Арутюновой для энциклопедии [Арутюнова 1998, с. 389] прагматика определяется как «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [Языкознание 1998, с. 389]. В «Кратком справочнике современного русского языка» также отмечено, что «слово характеризуется ... также прагматикой (от *греч.* дело, действие) – закрепленным в словаре отношением говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату» [Касаткин et al., 1991, с. 49]. Во всех приведенных определениях отмечается свойство слова или высказывания воздействовать на внеязыковую реальность, а именно – на

восприятие этой реальности говорящим и слушающим. Так, слово обладает не только денотативным значением, но заключает в себе гораздо больший потенциал, который раскрывается в реальных ситуациях общения. Этот потенциал заключен в языке, т. е. входит в систему языка, но для его реализации необходима речь.

Если в России о прагматике начали говорить и писать только во второй половине двадцатого века, то на Западе это направление лингвистики восходит к 1930-м гг., когда Ч. Моррис ввел значение термина в научный обиход. Прагматикой исследователь назвал один из разделов семиотики, который занимался отношением говорящих к знакам [Языкознание 1998]. Т. Н. Прохорова уточняет, что «в оригинальной работе этот раздел изначально определялся как учение об отношении знаков к их интерпретаторам, то есть к тем, кто пользуется знаковыми системами. Она изучает поведение знаков в реальных процессах коммуникации» [Прохорова 1991].

Однако широкое распространение прагматика получила также в 1970-е гг. Точкой отсчета может считаться Международный симпозиум по прагматике естественных языков 1970 года. Как отмечает Т. Н. Прохорова, «значительную роль здесь сыграла логико-философская теория речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля, З. Вендлера, прагматическая теория значения П. Грайса, прагматическая теория Л. Линского, П. Стросона» [Прохорова 1991]. Вероятно, в связи с широкой теоретической базой, прагматика не имеет четких контуров и включает в себя различные аспекты языка и речи, связанные говорящим, слушающим, их взаимодействием и ситуацией общения.

Исследования в прагматическом ключе анализируют высказывания как с точки зрения говорящего, так и с точки зрения слушающего. С позиции говорящего, принято выделять явные и скрытые цели высказывания, речевую тактику и типы речевого поведения, соответствие построения диалога по принципу сотрудничества, установку говорящего, референцию говорящего, прагматические пресуппозиции, отношение говорящего к тому, что он сообщает. С позиции слушающего принято выделять способы интерпретации речи, в том числе выявление скрытых смыслов в речи говорящего, перлокутивный эффект – воздействие высказывания на адресата, типы речевого реагирования.

При анализе отношений между говорящим и слушающим изучаются формы речевого общения, этикет речи и стиль общения,

соотношение между участниками коммуникации в тех или иных речевых актах. При анализе ситуации общения исследуется интерпретация дейктических знаков, например таких слов, как *сейчас, раньше, там, этот* и другие, а также индексальные компоненты в значении слов, например пространственную ориентацию у глаголов: *приходить, уходить, подходить* и т. п.

Таким образом, прагматика развивается на базе множества лингвистических направлений. Встает вопрос о соотношении прагматики с другими направлениями лингвистики. Е. Г. Кротова [Кротова 2019, с. 102] предлагает три подхода к решению этой проблемы, которые она изображает с помощью схем (см. схему 1).

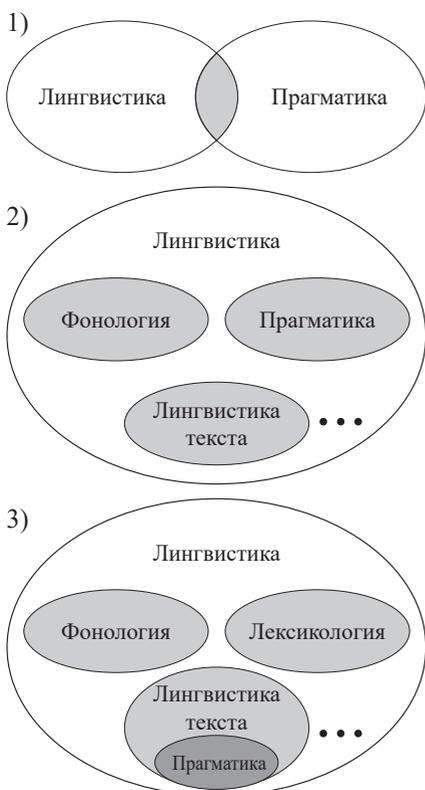

Схема 1. Отношения между прагматикой и лингвистикой

Однако исследователь также отмечает, что «при всех имеющихся различиях все три интерпретации понятия прагматики имеют общее ядро, а именно: прагматика, или прагмалингвистика, понимается как дисциплина, изучающая закономерности использования языка». В выводах к своей статье Е. Г. Кротова резюмирует, что прагматика, наряду с фонетикой и морфофонетикой, относится к коммуникативной лингвистике, а объект исследования этой дисциплины «включает в себя коммуникативные реализации предложений и текстов, а также реализацию языковых значений различного рода» [Кротова 2019, с. 110].

Прагматические исследования на материале нидерландского языка

Т. Н. Прохорова в своем обзоре, посвященном прагматической

лингвистике, отмечает, что это направление находит свое отражение в исследованиях частных случаев употребления различных слов и выражений [Прохорова 1991]. Нидерландский язык также вызывает интерес ученых с точки зрения прагматического употребления тех или иных выражений.

Несмотря на то, что прагматический аспект часто охватывается во многих исследованиях на материале нидерландского языка, не всегда исследователи отдают себе отчет в ценности исследования с точки зрения прагматики. Однако есть ряд исследований, которые можно назвать передовыми в этой области.

Это прежде всего исследование прагматики междометий, опубликованное А. А. Яковлевой в журнале «Скандинавская филология» в 2018 году. В своем исследовании А. А. Яковлева уделяет особое внимание междометиям *zeg* и *hoor*, говоря об их десемантизации в процессе грамматикализации, и, следовательно, об изменении их функции в предложении.

Ссылаясь на исследования немецкого языка, А. А. Яковлева пишет: «Немецкий лингвист Г. Вайнрих, основываясь на многочисленных диалогах реальных носителей немецкого языка, при определении междометий во главу угла ставит такое назначение этих слов, как «заинтересовать слушателя» [Weinrich 1993, с. 857]» [Яковлева 2018]. Эта функция междометий сама по себе уже может рассматриваться как прагматическая, однако она отмечает, что «многие исследования последних лет, подтверждая, что междометия в повседневном общении обладают многочисленными прагматическими функциями, считают их в первую очередь выразителями эмоций и эмоциональных оценок для достижения определенной цели» [там же], что еще больше подчеркивает прагматическую направленность ее исследования.

Анализ прагматики высказываний применяется и в исследованиях переводов. Так, И. М. Михайлова отмечает, что методика преподавания, сложившаяся в западных, а именно – нидерландских и фламандских университетах, «характеризуется коммуникативной установкой, соответствующей повороту к коммуникативной лингвистике в теоретическом языкознании» [Михайлова 2019]. Коммуникативные установки обязывают преподавателей перевода в университетах обратиться к прагматическому подходу.

Это только два исследования, в которых прагматический компонент выходит на первый план. Вместе с тем создается множество научных работ, обращающихся к прагматике, но не заостряющих на этом аспекте особого внимания. Обращение к прагматике представляется закономерным и актуальным на современном этапе развития языкознания.

Прагматическая функция *er*

Можно предположить, что *er* в предложениях имеет прагматическую функцию, что также отмечают Хронделаарс и другие [Grondelaers et al. 2002], называя это формальное подлежащее «маркером доступности для слушающего». Выделяя такую функцию *er*, исследователи опираются на теорию доступности (*англ.* Accessibility theory), разработанную М. Ариэль [Ariel 2001]. Данная теория предполагает, что слушающий может строить предположения о логичном продолжении повествования, исходя из трех контекстов: лингвистического, когда упоминание об объекте вытекает из предыдущих высказываний, физического, когда объект «вписывается» во внеязыковую ситуацию, знакомую говорящему и слушающему, и энциклопедический, когда подразумевается, что объект знаком слушателю, вне зависимости от языковой или внеязыковой ситуации.

Ариэль рассматривает обращение к этим трем контекстам на примере употребления местоимений: личные местоимения в третьем лице обычно понятны слушателю из лингвистического контекста, личные местоимения 1-го лица – из физического контекста, а упоминания имен собственных – из энциклопедического контекста.

Возвращаясь к *er*, можно отметить, что его наличие или отсутствие в предложении обусловлено знакомством слушателя с лингвистическим, физическим и энциклопедическим контекстом ситуации говорения, а также предположением говорящего о том, насколько хорошо слушатель ориентируется в ситуации и тексте. Это же отмечают Хронделаарс и другие [Grondelaers et al., 2002], говоря, что использование *er* в предложениях, где оно занимает не первое место, призвано маркировать для слушателя новую информацию. Новая информация здесь воспринимается как нечто, что сложно идентифицировать, то есть объекту сложно приписать достаточное количество ограничительных признаков.

Исходя из этого, представляется логичным обратиться к прагмалингвистике и согласиться с тем, что использование *er* в подобных предложениях связано с пресуппозицией говорящего и слушающего [Норман 2009].

***Er* в вопросительных предложениях с *wie* «кто» и *wat* «что»**

Если употребление *er* в повествовательных предложениях в функции формального подлежащего обусловлено пресуппозицией говорящего и слушающего, то же самое можно сказать и о вопросительных предложениях к подлежащему. Так, в ситуациях, когда говорящий предполагает, что слушающий может предположить, о чем он спрашивает, формальное подлежащее *er* может опускаться:

- (1) *Wie komt in aanmerking voor een vaccin?*¹
Кто подходит для вакцинации?
- (2) *Wat komt na winter?*
Что приходит после зимы?
- (3) *Wat komt op strafbald?*
Что написано на штрафе?

Предложение (4) – заголовок небольшого текста, в котором перечисляются признаки тех, кому можно сделать прививку от коронавируса. Эта группа достаточно четко может быть обозначена и у читателя заранее уже может быть некоторое представление о представителях этой группы. Равно как и ответы на вопросы (5) и (6) содержатся в энциклопедическом контексте, к которому, как предполагает говорящий, у слушателя есть доступ.

Если предположить ответ сложно, в предложениях используется *er*, например:

- (4) *Wie staat er op mijn adres ingeschreven?*
Кто зарегистрирован по моему адресу?
- (5) *Wie staat er voor de deur?*
Кто стоит за дверью?

¹ URL: FAQ coronavirus Brussel: <https://coronavirus.brussels/nl/faq-vaccinatie-covid/>.

- (6) Wie staat er op die oude foto?
Кто на той старой фотографии?
- (7) Wat komt er op tv vanavond?
Что сегодня по телевизору?

Примеры 5–10 – предложения вопросов поисковой системы Google. Вопросы 7–10 допускают практически любой ответ: по адресу может быть зарегистрирован кто угодно, или никто, равно как за дверью или на фотографии может быть также кто угодно. По телевизору также могут показывать различные программы и передачи. Невозможность ограничить возможные варианты ответа на вопрос побуждают носителей нидерландского языка использовать в них формальное подлежащее *er*.

Интересно отметить, что *er* в вопросах с *wie* «кто» и *wat* «что» может использоваться в качестве приема. Так, в детской песенке про любимого персонажа детского праздника Синтерклааса поется:

- (8) Wie komt er alle jaren daar heel uit Spanje varen?
Кто (это там) каждый год приплывает из Испании?

Дети, конечно, не просто могут предположить, но точно знают, кто имеется в виду. Но чтобы сохранить интригу праздника, в вопросе всё равно используется формальное подлежащее *er*.

Вывод

Прагматическая функция формального подлежащего *er* в повествовательных предложениях вполне доказана нидерландскими исследователями. Не вызывает сомнений, что их выводы можно перенести и на вопросительные предложения с *wie* ‘кто’ и *wat* ‘что’, в которых использование формального подлежащего *er* также обусловлено пресуппозицией говорящего и слушающего относительно возможного ответа на вопрос: если ответ можно предположить или выделить ряд признаков объекта, служащего ответом, то *er* можно опустить. Если же ответом может быть любой объект и его признаки выделить сложно, то в предложении используется формальное подлежащее *er*.

В данной статье мы рассмотрели проблему постановки *er* в вопросительных предложениях с *wie* «кто» и *wat* «что» и сделали предположение об актуализации прагматической функции *er* в подобных

предложениях, однако эта гипотеза должна быть подкреплена экспериментально и / или при помощи корпусных данных, что открывает перспективы для дальнейших научных изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н. Д. Прагматика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 389–390. [Arutyunova, N. D. (1998). Pragmatika. (Pragmatics). In Yarceva, V. N. (ed.), *Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* (pp. 389–390). Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. 2nd ed. (In Russ.)].
- Аханова М. Г. Основные вопросительные местоимения «кто?», «что?» в индоевропейских языках // Вестник Таганрогского Института имени А. П. Чехова. 2008. Вып. 1. С. 14–18. [Ahanova, M. G. (2008). *Osnovnye voprositel'nye mestoimeniya "kto?", "chto?" v indoevropskikh yazykakh.* (Basic interrogative pronouns “who?”, “what?” in Indo-European languages). *Vestnik Taganrogsogo Instituta imeni A. P. Chekhova*, 1 (pp. 14–18). (In Russ.)].
- Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов // Советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969. [Ahmanova, O. S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov.* (Dictionary of linguistic terms). In *Sovetskaya enciklopediya*. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)].
- Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. Высшая школа, 1991. [Kasatkin, L. L., Klobukov, E. V., Lekant, P. A. (1991). *Kratkij spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku.* (*A quick guide to the modern Russian language*). Vysshaya shkola. (In Russ.)].
- Кротова Е. Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Russian Journal of Linguistics. 2019. Вып. 23 (1). С. 98–115. URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/20618> [Krotova, E. G. (2019). *Pragmatika v krugu lingvisticheskikh disciplin: problema definicii i klassifikacii.* (Pragmatics in the circle of linguistic disciplines: problems of definition and classification). *Russian Journal of Linguistics*, 23(1), 98–115. URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/20618> (In Russ.)].
- Михайлова И. М. Внимание к прагматике перевода в современной западной методике преподавания нидерландского языка // Языки и культуры стран Северной Европы: исследование, преподавание, перевод: тезисы Международной научно-практической конференции. 2–4 апреля 2019 г., 2019. С. 56–57. [Mihajlova, I. M. (2019). *Vnimanie k pragmatike perevoda*

- v sovremennoj zapadnoj metodike prepodavaniya niderlandskogo yazyka. (Attention to the pragmatics of translation in the modern Western method of teaching the Dutch language). In *Yazyki i kul'tury stran Severnoj Evropy: issledovanie, prepodavanie, perevod* (pp. 56–57). Tezisy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2–4 aprelya 2019 g. (In Russ.).
- Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков). БГУ, 2009. [Norman, B. Yu. (2009). *Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugih slavyanskikh yazykov)*. (Linguistic pragmatics (based on Russian and other Slavic languages)). BGU. (In Russ.)].
- Прохорова Т. Н. Прикладная прагматика и ее принципы. БелГУ // Филологические исследования : междунар. сб. науч. тр. 1991. С. 255–263. [Prohorova, T. N. (1991). *Prikladnaya pragmatika i ee principy*. (Applied pragmatics and its principles). BelGU. *Filologicheskie issledovaniya* (pp. 255–263). (In Russ.)].
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. [Yarceva, V. N. (ed.), (1998). *Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'*. (Linguistics. Large encyclopedic dictionary). 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. (In Russ.)].
- Яковлева А. А. Семантико-прагматические особенности нидерландских междометий *zeg* и *hoor* // Скандинавская Филология – Scandinavica. 2018. С. 61–73. [Yakovleva, A. A. (2018). *Semantiko-pragmaticheskie osobennosti niderlandskih mezhdometij zeg i hoor*. (Semantic and pragmatic features of the Dutch interjections *zeg* and *hoor*). *Skandinavskaya Filologiya – Scandinavica*. p. 61–73. (In Russ.)].
- Ariel, M. (2001). Accessibility Theory: an overview. In T. Sanders, J. Schilperoord & W. Spooren (eds.). *Text Representation: Linguistic and Psycholinguistic Aspects*. Amsterdam / Philadelphia: Benjamins., 29–89.
- de Schutter, G.; van Hauwermeiren, P. (1983). *De structuur van het Nederlands: taalbeschouwelijke grammatica*. De Sikkel.
- Es, G. A. van, & Caspel, P. P. J. van. De patronen van de zinspotente groepen; grondtype A en zijn varianten // Publicaties van het archief voor de Nederlandse syntaxis. 1971. Vol. 6. P. 153.
- Grondelaers, S., Brysbaert, M., Speelman, D., & Geeraerts, D. Er als accessibility marker: on- en offline evidentie voor een procedurele duiding van presentatieve zinnen // *Gramma/Ttt* (Dordrecht). 2002. Vol. 9 (1). P. 1–22.
- Haeseryn, W., Romijn, K., Geerts, G., de Rooij, J., & van den Toorn, M. C. *Algemene Nederlandse Spraakkunst*. Martinus Nijhoff – Wolters Plantyn. 1997.

УДК 821.131.1

DOI 10.52070/2542-2197_2021_4_846_203

Т. А. Быстрова

кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков
Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета
tassina@yandex.ru

ФОТОГРАФИЯ В РОМАНЕ ХЕЛЕНЫ ЯНЕЧЕК «ДЕВУШКА С ЛЕЙКОЙ»

Роман Х. Янечек «Девушка с Лейкой» (2018) перенасыщен визуальным. Во вступлении и в эпилоге романа анализируется фотографическое наследие Герды Таро и ее круга, в трех главах три рассказчика вспоминают Герду, воссоздавая образ главной героини на глазах у читателя. Фотографическое изображение в романе Янечек имеет сюжетообразующий характер, несет структуроорганизующую функцию, придает повествованию документальность, моделирует многослойное время романа, способствует визуализации изображаемого – экфрасису. Янечек рефлексует над прошлым, выводя его в настоящее, а семейная память писательницы оказывается вписана в мировую историю.

Ключевые слова: современная литература Италии; биофикшн; память; история; визуальное; постмодернизм; Хелена Янечек.

T. A. Bystrova

PhD (Philology), Associate Professor
at the European Languages Department, Institute of Linguistics,
Russian State University for Humanities
tassina@yandex.ru

PHOTOGRAPHY IN HELENA JANECZEK'S NOVEL "THE GIRL WITH THE LEICA"

The novel by H. Janeczka *The Girl with the Leica* (2018) is oversaturated with visuals. The introduction and the epilogue of the novel analyze the photographic heritage of Gerda and her circle; in the main part, three narrators go into the past spent with Gerda, reconstructing her appearance in front of the reader. The visual image in the novel by Janeczka has a structure-forming function and is used as a compositional device; is

plot-forming by nature, since the main characters of the novel are photographers; gives the narration a documentary tone, creating the effect of "truthfulness" of the events presented; models the multi-layered time of the novel; promotes the use of cinematic techniques. The writer reflects on the past, bringing it into the present, and her family memory appears to be put in world history.

Key words: contemporary Italian literature; biofiction novel; memory; history; visual; postmodernism; Helena Janeczek.

Введение

В последнее время исследование интермедийных связей литературы и различных видов визуальных искусств стало особенно актуальным. Одним из первых вопросов классификации, систематизации и феноменологии фотографии поднял Р. Барт. Теме фотографии в современной литературе посвящены труды О. А. Судленковой, Я. В. Яценко, Н. С. Бочкаревой, М. Д. Самаркиной, В. В. Котелевской и др. Одним из направлений, разрабатываемых сегодня исследователями, является изучение функций фотографического экфрасиса (словесного представления визуальной образности) в литературном произведении. В рамках этого направления можно рассматривать и настоящую статью.

В конце XX – начале XXI в. литература обращается к фотографии в поиске обновления формы, что способствовало появлению так называемой фототекстуальности, а также гибридизации жанров. Я. В. Яценко справедливо относит фотографию к объектам экфрасиса [Яценко 2006]. В последние годы появляется немало романов о фотографах, которые, по мнению О. А. Судленковой, можно считать разновидностью «романа о художнике», поскольку налицо схожая проблематика [Судленкова 2017, с. 190].

Роман Х. Янечек «Девушка с Лейкой» (2018), рассказывающий о первой женщине – военном фотографе Герде Таро, погибшей совсем юной во время гражданской войны в Испании в 1937 г., также справедливо можно причислить к «роману о художнике». Янечек поднимает такие вопросы, как истинное и ложное в изображаемом, проблема объективности фотографического изображения, соотношение фактологического и домышленного в литературной интерпретации фотографии, этическая сторона профессии фотографа, фотография как способ создания возможной реальности, проблема исторической и семейной памяти и др. Существенную роль в романе играют как

сделанные товарищами портретные изображения самой Таро, так и снимки, выполненные ею во время Гражданской войны в Испании.

Роман получил самую знаменитую литературную премию Италии – премию Стрега (2018), а также премии Багутта и Кампьялла. Роман о фотографе, сопровождаемый документальными фотоматериалами, оказавшийся в центре внимания интеллектуального сообщества – редкое явление в итальянской литературе, однако тенденциозное для литературы европейской. Фотография активно используется для завязки или развития сюжета современными британскими (Дж. Б. Бейнбридж, Дж. Коу, Р. Сейферт), немецкими (Г. Грасс, В. Г. Зебальд), американскими (Дж. Фокс) писателями.

Сюжетоструктурирующая и композиционная функции фотографии в романе Янчек

По признанию самой Янчек, к написанию романа ее вдохновила миланская фотовыставка работ Таро [Ghioni 2017], следовательно, визуальное впечатление стало отправной точкой для создания литературного произведения. Кроме того, описание фотографий служит завязкой для сюжета романа, а также имеет структурообразующую функцию: во вступлении повествователь анализирует портретные фотографии влюбленных Герды Таро и Роберта Капы, сделанные незадолго до гибели героини. Автор пытается проникнуть во внутренний мир героев посредством интерпретации фотографического изображения, моделируя ситуацию, и приглашает читателя сделать то же самое, обращаясь к нему на «ты». Первые «подступы» к характеру главной героини делаются именно на основе визуального впечатления: образы на фото характеризуются как «завораживающие», «неподражаемые», и несмотря на внешнее отсутствие героизма, героические: «Стоит тебе увидеть эту фотографию, как она завораживает. Двое на ней кажутся счастливыми, слишком счастливыми, они молоды, как и положено героям. Не слишком красивы, быть может, но симпатичны, и всё же героями они не выглядят. Оба прикрыли глаза и обнажили зубы от взрыва безудержного смеха, фотография получилась не самая красивая, но такая искренняя, что двое на ней поистине великолепны» [Janeczek 2018, с. 7] (здесь и далее перевод с итальянского авт. – Т. Б.). Таким образом, фотография дает толчок завязке сюжета, с одной стороны, и выступает

художественным средством, с помощью которого постепенно раскрывается образ главных героев романа – с другой.

Фотографии иллюстрируют обстановку, в которой оказались двое влюбленных: снимки сделаны на подготовительных стрельбищах испанских повстанцев во время гражданской войны. Таким образом ставится вопрос о соотношении индивидуальной (героев) и общей (испанского народа) судьбы. Таро, представительница интеллектуальной молодежи, оказывается на полях войны, разделяет с женщинами-повстанцами кров и пищу, а затем и смерть. Вместе с тем Янечек отмечает, что чувствует родство Герды и Капы с собственными родителями, поскольку они относятся к одному поколению и пережили схожий опыт.

Эпилог, озаглавленный так же, как и вступление к роману («Пары, фотографии, совпадения»), продолжает тему визуального изображения Герды и Капы, замыкая роман и создавая внешнюю рамку, разграничивая голоса рассказчиков и авторский голос. Тем самым описание фотографий также несет структурообразующую функцию, выстраивая роман композиционно.

Фотография как художественный прием для раскрытия характеров героев

Три главы романа, представленные тремя рассказчиками, – Вилли Чардаком, Рут Сёрф, Георгом Курицкесом, раскрывают характер героини через внутренний мир свидетелей жизни Герды, вспоминающих о ней спустя много лет после ее смерти. Повествование строится фрагментарно, хронологическая последовательность событий оказывается нарушена, воссоздается поток мыслей рассказчиков, в памяти которых один за другим всплывают различные жизненные эпизоды, так или иначе связанные с Гердой: знакомство, общение, совместное времяпрепровождение, похороны, последующие «следы» Герды в их жизнях. Каждый из свидетелей добавляет что-то новое к образу героини, в результате чего складывается портрет молодой, независимой и бесстрашной девушки, символизирующей непростую жизнь молодежи 1930-х годов.

Помимо самой Таро, героями романы Янечек оказываются еще несколько фотографов из круга Герды: ее возлюбленный Роберт Капа (Эндре Фридман), Фред Штайн, Чики Вейс и многие другие, а также

раскрывается история «мексиканского чемодана» – фотографического наследия Таро и Капы 1930-х гг., обнаруженного лишь в 1995 г. Для Янечек описание и интерпретация многочисленных фотографий от лица разных рассказчиков – прием, организующий многоголосие романа, а также одно из художественных средств раскрытия характеров персонажей.

Отметим, что фотография как техническое средство обладает широкими возможностями: она запечатлевает историю, визуализирует ее, становится инструментом познания прошлого, способствуя поиску новой достоверности, особенно актуальной сквозь призму времени, минувшего с того момента, когда был сделан снимок. В этом смысле неожиданное обнаружение негативов Герды и Капы спустя почти 60 лет с момента самих событий, изображенных на фотографиях уже само по себе предстает сюжетом, достойным романа, создает эффект «отматывания» истории назад, связывает прошлое и настоящее на новом художественном уровне. Янечек пытается преодолеть временную ограниченность фотографии, «встроить» снимки Герды в контекст мировой истории, выйти за рамки конкретных изображений, расширив их до общемирового значения.

Документирующая функция фотографии

Фотографии в романе Янечек несут еще одну важную функцию: они являются вещественным доказательством, гарантом достоверности рассказываемой истории: «Фреда и Ханну Арендт связывали крепкие дружеские отношения, о чем недвусмысленно свидетельствуют ее фотографии, сделанные им в разные годы» [Janeczek 2018, с. 396]. Но помимо документации прошлого, фотография выступает и средством его художественного моделирования, реализуя, по выражению В. В. Котелевской, «интенцию воспоминания» [Котелевская 2012, с. 88].

Мотив памяти является центральным мотивом романа, связующим сюжетную и композиционную структуру произведения. Воспоминания о Герде становятся «спасательным кругом» для каждого из рассказчиков. «Герда стала решающим фактором, который помог перенести путь через Атлантику. Воспоминания Фреда и Лило открыли ему глаза на многое, чего он не знал прежде» [Janeczek 2018, с. 48], – признается себе Вилли Чардак. Подруга Герды Рут спустя многие годы

не может оторваться от мыслей о Герде: «Почему ты до сих пор обижаешься на мертвую, Рут, когда у тебя столько забот! Смотри вперед и цени свое счастье!» [Janeczek 2018, с. 168], «Он, Георг Курцисекс, никогда прежде не был так счастлив, и никогда уже не будет» [Janeczek 2018, с. 278], – замечается в третьей главе. Личная память о Герде оказывается вписанной в историю, задокументированная история героини и каждого из рассказчиков – в историю культуры.

Проблема правды и вымысла в фотографии, а также фотографии как средства создания иной реальности, также становится одной из тем Янечек. Помимо введения и эпилога, тема интерпретации фотографии возникает и в основной части романа. Так, Рут предлагает одному из друзей, Мелькиору, который отправляется в Берлин, взять фотографию Герды и выдать ее за портрет своей невесты в случае домотра на границе: «На фотографии ... Герда покупает ландыши, как это принято во Франции на Первое мая. Почти наверняка она направлялась тогда на площадь Бастилии вместе с Капой. Но для немцев сгодится и другая история. Можно сказать, что она выбирает свадебный букет, вместе с матерью-цветочницей. На фотографии Герда одета как девушка из народа, как она будет позже одеваться в Испании. Вот только безупречное сочетание берета и шарфа, а еще сияющая улыбка ее выдает» [Janeczek 2018, с. 240].

Фотография как способ моделирования художественного времени

Помимо отмеченных особенностей, фотография позволяет выявить многослойность временных пластов романа, а также способы художественной рефлексии Янечек. По справедливому замечанию В. И. Тюпы, «нарративное (рассказанное) время есть время остановленное, это время памяти» [Тюпа 2016, с. 40]. Сама сущность нарративности заключается в актуализации прошлого в настоящем, связывая несколько временных пластов. В романе Янечек можно наблюдать несколько типов времени: время историческое (писательница обращается к прошлому, интерпретируя его), время автобиографическое (время настоящее, использованное в прологе и эпилоге), время художественное (сюжетное, распадающееся, в свою очередь, на время рассказывания и время рассказуемого). Фотография выступает

связующим элементом разных временных пластов: она актуализирует рефлексию рассказчиков и автора на тему прошлого (автобиографического для рассказчиков и исторического для автора). Во временном пространстве Герды (1930-е гг.) фотография – предмет для продажи, источник существования, новое искусство, к которому она проявляет любопытство и которое помогает ей оказаться в кругу единомышленников и обрести себя: «Фотография сделана из ничего, это товар, который всегда требует первой свежести. Нужно уметь его продать» [Janeczek 2018, с. 142]. У Герды нет времени на рефлексию, ее задача – ухватить момент и успеть передать материалы в газеты. Однако уже во временном пространстве рассказчиков фотографии Герды становятся поводом для переосмысления собственного прошлого: «Среди фотографий Георг заметил портрет Герды, освещенный ее неподражаемой улыбкой. <...> И еще один снимок, на котором Герда подтягивала чулок с одним из своих фирменных выражений лица» [Janeczek 2018, с. 295]. Георг и Капа рассматривают фотографии уже после смерти Герды, заново переживая утрату подруги и собственной юности.

Совсем другой тип рефлексии демонстрирует Янечек при созерцании тех же снимков из времени автобиографического. Фотография, изображающая статичный момент прошлого, служит для нее средством воскрешения, переживается из настоящего, тем самым эмоции изображенных на фотографии людей «присваиваются» повествователем и призывают читателя к собственной рефлексии: «Вот она, обычная история, обычная сцена. Герда за столиком с красивым смеющимся молодым человеком, шутит, флиртует. Внезапно, когда он встает, чтобы позвать официанта и идет посмотреть, куда же он подевался, появляется Банди и усаживается на освободившийся стул. Он улыбается Герде, шепчет ей что-то, что будапештец обращает в шутку («Уже ни на минуту тебя не оставишь!»), говорит это нежно, с любовью, несмотря на то, что девушке нравится шутить и флиртовать с другими. Она поддакивает, и на сделанном в этот момент снимке у нее выходит слегка натянутая улыбка, хотя сама она совсем не такая. Разговор возобновляется: «Кончай уже, понял?» [Janeczek 2018, с. 434].

В эпилоге история Герды и Капы «присваивается» Янечек и становится частью ее собственного автобиографического мифа путем

проведения параллели между героями романа и собственной семейной историей: «Мои родители обвенчались в гетто, затем встретились после войны, любили друг друга, терпели друг друга, подшучивали друг на другом до тех самых пор, пока их не разлучила смерть. Моя мать, которая была такой же упрямой кокеткой, как и Герда, могла бы быть ее сестрой. Мой отец, такой же мечтатель, как и Капа – его младшим братом» [Janeczek 2018, с. 438]. Тем самым, центр внимания уводится в семейную хронику, индивидуальная память оказывается вписанной в мировую историю, моделируется многослойное художественное время.

Визуализация как прием в романе Янечек

Визуальный образ Герды нередко возникает в памяти рассказчиков: «Сколько раз образ ее шелковых чулок сквозил меж формулами, сколько раз маленькие ступни отбивали в такт повторяемым правилам» [Janeczek 2018, с. 37]; «Когда она говорила, что собралась, ей еще оставалось смазать ноги кремом, подождать, пока он впитается, натянуть чулки, одернуть юбку» [Janeczek 2018, с. 52]. «Однажды она вернулась домой уставшей и выжатой, скинула туфли, стянула чулки, принялась растирать себе лодыжки и завалилась на кровати прямо в одежде, на минуту прикрыв глаза» [Janeczek 2018, с. 172] и т. п.

Таким образом фотограф-Герда и сама постоянно находится под прицелом фотообъектива. Литературная визуализация присутствует и при описании сцен, иллюстрирующих повседневную жизнь лиц из круга знакомых Герды: «Герда подходила к холодильнику – «Можно?» – спрашивала она, и Дина согласно кивала, а Георг резал хлеб, посмеиваясь и глядя в пол <...>. Потом Дина читала вслух статьи из “Arbeiter Illustrierte Zeitung”, Герда подбирала соску малыша и споласкивала ее под краном, а сам он стаскивал Фрицхена со стула, на который тот с усердием карабкался» [Janeczek 2018, с. 274].

При упоминании фотографий, сделанных Гердой в Испании, Янечек снова прибегает к экфрасису: «... на снимках Герды изображались трупы, уложенные на фоне на черно-белых плит, похожих на шахматную доску: мальчишка в шортах, обнаженный труп мужчины, едва прикрытый окровавленной простыней, старуха в черном пальто, кажущаяся еще живой, лежащая на носилках, в ряду таких же других мертвецов» [Janeczek 2018, с. 88].

Заключение

Таким образом, фотографический экфрасис в романе Янычек:

- 1) носит сюжетообразующий характер;
- 2) несет структурообразующую функцию;
- 3) используется для разграничения голосов автора и рассказчиков;
- 4) придает повествованию документальность;
- 5) моделирует художественное время романа;
- 6) служит одним из художественных средств раскрытия образа главной героини и других персонажей.

Фотографический экфрасис обогащает повествовательную технику Янычек, позволяет выявить особенности художественной рефлексии писательницы, расширяет проблематику ее романа, а также является способом документирования как частной истории Герды, так и мировой истории 1930-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бочкарева Н. С.* Введение // Экфрасические жанры в классической и современной литературе: монография. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. С. 5–11. [Bochkareva, N. S. (2014). Vvedenie. Ekhfrasticheskie zhanry v klassicheskoi i sovremennoi literature. (Introduction. Ecphrastic genres in classical and modern literature) (pp. 5–11): monograph. Perm. (in Russ.)].
- Брагинская Н. В.* Экфрасис как тип текста (К проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. Структура текста. М.: Наука, 1977. С. 259–283. [Braginskaya, N. V. (1977). Ekfrasis kak tip teksta (K probleme strukturnoi klassifikatsii). (Ecphrasis as a tipe of text. (About the problem of structural classification). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Karpato-vostochnoslavjanskije paralleli. Struktura teksta* (pp. 259–283). Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Котелевская В. В.* Фотография как средство художественного моделирования времени в романе Г. Грасса «Фотокамера» // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Общественные науки. №4 (170). 2012. С. 87–91. [Kotelevskaya V. V. (2012). Fotografija kak sredstvo khudozhestvennogo modelirovaniya vremeni v romane G. Grassa «Fotokamera». (Photography as a tool for modelling artistic space in «Fotokamera» by G. Grass). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 4(170), 87–91. (In Russ.)].
- Мартыанова И. А.* Кинематограф русского текста. СПб.: Свое издательство, 2011. [Mart'yanova, I. A. (2011). Kinematograf russkogo teksta (Cinematography of the Russian text). St. Peterburg. (In Russ.)].

- Судленкова О. А. Фотографический экфрасис в произведениях современных британских авторов // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. научных статей. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2017. С. 187–191. [Sudlenkova, O. A. (2017). Fotograficheskiy ekfrasis v proizvedeniyakh sovremennykh britanskikh avtorov (Photographical ecphrasis in the works by modern British authors). *Aksiologicheskii diapazon khudozhestvennoi literatury*. Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P. M. Masherova (pp. 187–191). (In Russ.)].
- Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. [Тюпа, В. И. (2016). *Vvedenie v sravnitelnuu narratologiu. (Introduction to comparative narrotology)*. Moscow. (In Russ.)].
- Яценко Я. В. Образы визуальных искусств в творчестве Джона Фаулза (на материале романа «Волхв»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. [Yatsenko, Ya. V. (2006). *Obrazy vizual'nykh iskusstv v tvorchestve Dzhona Faulza (na materiale romana «VolkhV»)*. (Visual arts imagery in the creative work of John Fowles (on the novel “The Magus”): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Castellana R. La biofiction. Teoria, storia, problemi // *Allegoria*. № 71–72. Palumbo Editore, 2015. Pp. 67–98.
- Ghioni G. Helena Janeczek che racconta Gerda Taro: la letteratura non deve perdere la sua autonomia. *Il Libraio*. 2017, Settembre, 6. URL: <https://www.il-libraio.it/news/dautore/intervista-helena-janeczek-gerda-taro-586452/> (дата обращения 15.02.2021).
- Janeczek H. *La ragazza con la Leica*. Milano: Guanda, 2018.

Л. Н. Яковлева, М. В. Солдатова

Яковлева Л. Н., преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета
miyo2008@yandex.ru

Солдатова М. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры дальневосточных языков Военного университета Министерства обороны РФ; доцент кафедры восточных языков Российского государственного гуманитарного университета
maria_soldatova@hotmail.com

**ВКЛАД ЖЕНЩИН-ПИСАТЕЛЬНИЦ В РАСШИРЕНИЕ ТЕМАТИКИ
КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД**

Статья посвящена становлению и развитию современной корейской женской прозы в колониальный период (1910–1945). Авторы исследуют ее тематические особенности в сравнении с традиционной (до рубежа XIX–XX вв.) женской, а также мужской прозой. В XX в. женщины ощутили потребность в личной свободе, в самореализации и желание участвовать в общественной жизни наравне с мужчинами. В их произведениях нашли отражение не только гендерные, но и другие социально-политические проблемы, значимые для страны.

Ключевые слова: женская проза; феминистическая проза; литература Кореи.

L. N. Yakovleva, M. V. Soldatova

Yakovleva L. N., Lecturer, Oriental Languages Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
miyo2008@yandex.ru

Soldatova M. V., PhD (Philology), Far Eastern Languages Department, Military University of the Ministry of Defense of the RF; Oriental Languages Department, Russian State University for the Humanities, Associate Professor
maria_soldatova@hotmail.com

**WOMEN WRITERS' CONTRIBUTION
TO THEMATIC WIDENING OF KOREAN LITERATURE
IN THE COLONIAL PERIOD**

The article examines development of modern Korean women's prose in the colonial period (1910–1945). The authors compare its thematic peculiarities with those of women traditional literature (up to the turn of the 19th–20th centuries) and male

prose. In the 20th century women realized the need for personal freedom, self-realization and the wish to participate in social life as equals with men. Meanwhile their works reflect not only gender problems but also other social and political issues important for the country.

Key words: women writing; feminist writing; Korean Literature.

Введение

Исследованием творчества корейских писательниц и определением его характеристик занимаются специалисты как на Корейском полуострове, так и за его пределами. При этом продолжается дискуссия, следует ли говорить о женской литературе, в том числе корейской, как о некоем особом феномене. Несколько лет назад на встрече московских студентов-корееведов с известнейшими писательницами Республики Корея Ын Хигён и Син Гёнсук один студент задал гостям вопрос: «Как вы думаете, почему в Корее сейчас так популярна женская литература?» Реакцией на этот вопрос неожиданно стал недоуменный отказ принять саму его постановку, что вызвало явное разочарование аудитории.

В рамках изучения современной корейской женской прозы (XX–XXI вв.) мы прежде всего хотели бы выяснить, можно ли говорить о специфике ее тематики в сравнении, во-первых, с женской прозой традиционного периода (до рубежа XIX–XX вв.), а, во-вторых, с мужской прозой. Данная статья посвящена становлению женской прозы в еще единой Корее колониального периода (1910–1945). Женская литература Республики Корея и КНДР требуют дополнительного раздельного исследования.

Развитие женской литературы в Корее в традиционный период

Так же, как в Европе, в Азии, и в Корее в частности, в традиционный период верхние ступени иерархии жанров занимали те из них, которые требовали наибольшей образованности и оставались прерогативой знати, нижние же ступени уходили в анонимное пространство. При этом в Корее языком высоких жанров был ханмун, женщинам практически недоступный – соответственно их стихией оставался родной язык, тесно связанный с народной средой и фольклором.

Примечательно, что самым древним корейским поэтическим произведением считается ханмунный текст «Любимый, не переходи реку!» («공무도하가»), то ли созданный в эпоху Древнего Чосона женщиной, услышавшей от мужа историю о двойном самоубийстве супругов, то ли восходящий к народной песне [한국민족문화대백과사전].

Более активному участию корейских женщин в литературном процессе немало способствовало изобретение в XV в. национально-го алфавита, который со временем даже стали называть «амкыль» – «женским письмом».

Писательницы и поэтессы, чьи имена дошли до нас, были либо знатными дамами, либо певичками-кисэн, но не простолюдинками. В традиционный период даже в семьях янбанов не стремились давать дочерям образование, помимо того, которое способствовало исполнению ими роли жены и матери. Литературное творчество женщин не поощрялось, и в любом случае не ожидалось, что его результаты выйдут за пределы женской половины дома. Ввиду этого авторы многих предположительно женских текстов остались неизвестны [Young-Key Kim-Renaud 2015]. И всё-таки имена и тексты ряда женщин-литераторов дошли до наших дней.

Королева Сохе (소혜왕후) (1437–1504) – супруга наследного принца Ыйгёна, мать короля Сонджона – в 1475 г. написала книгу «Наставления женщинам» («내훈»), собрав цитаты из конфуцианских трактатов и снабдив их переводами на корейский. Именно эту книгу, если не принимать во внимание несколько стихотворений более раннего периода, можно считать первым женским произведением в Корее.

Син Саимдан (신사임당) (1504–1551), чей портрет украшает южнокорейскую купюру в 50000 вон, – мать знаменитого конфуцианского ученого Ли И, чей портрет можно увидеть на купюре в 5000 вон, – была обучена китайской грамоте, стихосложению, каллиграфии, вышивке, рисованию. Она считается зачинательницей особого стиля в живописи. Сохранилось два ее стихотворения на ханмуне о тоске по матери, по родительскому дому.

Хван Джини (황진이) (1506–1544) – знаменитая кисэн из города Кэсон – оставила нам шесть стихотворений «сиджо» на корейском языке и восемь стихотворений на ханмуне. Все ее изящные метафорические тексты так или иначе касаются темы любви, которая часто переключается с темами преданности и разлуки.

Очень активно творила Хо Нансорхон (허난설헌) (1563–1589) – сестра Хо Гюна, видного деятеля эпохи Чосон, автора первой повести на корейском языке «Хон Гильдон». Поэтические и прозаические произведения Хо Нансорхон были согласно завещанию уничтожены после ее смерти. Однако чуть более двух сотен стихотворений, написанных Хо Нансорхон на ханмуне, удалось восстановить благодаря, в первую очередь, ее брату Хо Гюну. Кроме того, существует две поэмы *каса* на корейском, авторство которых приписывается поэтессе. Хо Нансорхон была несчастлива в браке, друг за другом похоронила дочь и сына – в художественных текстах она отразила свои страдания.

В середине эпохи Чосон женщины, вслед за мужчинами, стали вести дневниковые записи, но только на корейском языке. Судя по всему, именно женщинами написаны такие тексты, как «Дневник года Кечхук» («계축일기») (1613), о трагической судьбе королевы Инмок (1584–1632) и «История королевы Инхён» («인형왕후전») о супруге короля Сукчона, лишенной им титула за неспособностью родить наследника и позже восстановленной в правах.

Королева Хонгён (헌경왕후) (1735–1816) – супруга печально известного принца Садо, казненного по приказу собственного отца, и мать короля Чонджо – поведала о своей непростой судьбе в мемуарах на корейском языке «Написанное в печали» («한중록»). Части этих мемуаров были написаны в разные годы – с 1795 по 1805 гг. Недавно все они были переведены на русский язык.

Во второй половине XVII в. широкое распространение получили так называемые *кюбан каса*, «женские каса» – женские поэмы о любви, о разлуке с любимым или с родными, о тяготах семейной жизни.

Следует констатировать, что в традиционный период корейские женщины писали в основном о личных переживаниях, о том, как события, в том числе исторические, повлияли на их жизнь, либо на жизнь других женщин. Они могли покорно принимать свою судьбу или сетовать на нее, но не могли ничего изменить.

Положение женщин в корейском обществе и их самовосприятие стали меняться на рубеже XIX–XX вв. благодаря деятельности христианских миссионеров и просветителей, стремившихся к модернизации страны. В 1886 г. наряду с другими школами была открыта женская школа Ихва. Сначала в эти школы простолюдины отправляли своих сыновей и дочерей даже более охотно, чем янбаны. То есть простые

женщины в Корее получили доступ к образованию одновременно с простыми мужчинами. И тогда же женщины в целом стали играть более активную роль в общественной и культурной жизни страны.

Развитие женской литературы в Корее в колониальный период

В начале XX века такие образованные женщины, как Ким Мёнсун (김명순) (творческие псевдонимы – Тхансиль (탄실), Ман Янчхо (망양초), Ман Янсэн (망양생)), На Хесок (나혜석) и Ким Вонджу (김원주) (псевдоним и буддийское имя – Ирёп (일엽)), заложили основы современной женской литературы в Корее. Они учились не только в Корее, но и в Японии и позиционировали себя как «новые женщины» («신여성», «신여자») – стремились к самореализации, к финансовой независимости от мужчин, к свободе и счастью в любви. В итоге судьбы всех трех женщин сложились непросто. Корейское общество в целом оказалось не готово отринуть традиционные конфуцианские установки, а колониальные власти всячески пропагандировали в качестве идеального образ «мудрой матери и доброй жены» («현모양처»), которая заботится о муже, и получает образование лишь для того, чтобы помочь в учебе детям. Исследовательница И Джуён подчеркивает, что и структура экономики колониальной Кореи способствовала сохранению в обществе гендерного неравенства [Jooyeon Rhee 2014].

Ким Мёнсун (1896–1951) была дочерью чиновника и бывшей кисэн. Самым первым женским произведением современной корейской литературы считается ее рассказ «Подозрительная девочка» («의심의 소녀»), опубликованный в 1917 г. в издававшемся Чхве Намсоном журнале «Молодость» («청춘»). Главной героиней этого рассказа является девочка «восемь–девяти лет» по имени Помнэ, живущая в сельской местности с бабушкой со стороны матери и работницей средних лет. Все трое ведут затворнический образ жизни, что вызывает у односельчан подозрения. Однажды Помнэ рассказывает соседке, что ее отец и сводная сестра живут в городе. В конце рассказа выясняется, что мать героини (чье настоящее имя не Помнэ, а Кахи) покончила жизнь самоубийством, не вынеся постоянных измен супруга и нападков его дочери от предыдущего брака.

«Она хотела любви, но не получила ее, хотела свободы – не получила, просила развода – куда там, ей достались лишь подозрения и издевательства...» – в этих словах отражена основная мысль рассказа («Подозрительная девочка»). Знаменитые корейские литераторы Чхе Намсон и Ли Гвансу высоко оценили его, отметив приверженность писательницы принципу «единства письменного и разговорного языка» («언문일치»), серьезность ее отношения к литературному творчеству, отказ от традиционного итогового «поощрения добра, наказания зла» («권선징악»)¹.

В 1919 г. во время учебы в Токио Ким Мёнсун познакомилась с Чон Ёнтхэком и начала сотрудничать с журналом «Творчество» («창조»), впоследствии печаталась в разных изданиях, включая журнал «Новая женщина» («신여자»). Она писала рассказы, эссе, пьесы, стихи, критические статьи, а также переводила произведения зарубежных авторов, в частности Эдгара По, работала в газете «Мэиль синбо» и даже снималась в кино. Критика со стороны литераторов-мужчин и неудачи в личной жизни заставили ее покинуть литературный мир Кореи. Свое «прощальное» стихотворение «Последняя ночь месяца» («그믐밤») Ким Мёнсун написала в 1939 г. Именно в том году она уехала в Японию, где и провела оставшуюся жизнь в одиночестве и нищете. Она умерла в психиатрической лечебнице, и ее имя оказалось надолго забыто.

На Хесок (1896–1948) – первая в истории Кореи профессиональная женщина-художница, а также общественная деятельница, писательница и журналистка – родилась в семье чиновника с довольно прогрессивными взглядами, изучала живопись в Токио. В 1918 г. она опубликовала свой дебютный рассказ «Кёнхи» («경희»). Кёнхи – приехавшую домой в Корею студентку японского вуза – близкие уговаривают бросить учебу и выйти, как положено женщине, замуж. Но девушка не хочет, чтобы кто-то кормил ее, «как домашнее животное», она хочет получить профессию и самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Рассказ вышел в первом корейском женском журнале «Женский мир» («여자계»), который издавался с 1917 по 1921 гг. при поддержке Чон Ёнтхэка и Ли Гвансу. Всего вышло семь номеров. В их подготовке участвовали Ким Доксон (김덕성), Хо Ёнсук (허영숙), Хван

---

¹ URL: <https://m.blog.naver.com/PostView.nhn?blogId=kwank99&logNo=30067289796&proxyReferer=https:%2F%2Fwww.google.com%2F>

Эстер (황에스터), сама На Хесок и другие¹. Примечательно, что журнал «Мир женщин» распространялся не только в Сеуле и Пхеньяне, но и во Владивостоке.

На Хесок участвовала в Движении за независимость 1919 года, за что была арестована и провела пять месяцев в тюрьме. В начале 1920-х гг. она активно сотрудничала с журналом «Руины» («폐허») и другими изданиями. Будучи замужем за дипломатом, она первой из корейских женщин получила возможность съездить в кругосветное путешествие: супруги пересекли Россию, побывав в Москве и Ленинграде, посетили многие страны Европы, а затем – США. Во время проживания во Франции На Хесок завела любовника из соотечественников, и по возвращении на родину развелась с мужем, шокировав корейское общество тем, что не стала требовать алиментов с мужа, но позже потребовала их с любовника.

В браке На Хесок родила четырех детей, и после первых родов опубликовала весьма смелое эссе «Впечатления от материнства» («모 된 감상기»), в котором описала трудности беременности и родов, выразила свое отношение к материнству. На Хесок писала, что никакого природного материнского инстинкта, присущего всем женщинам, не существует, что социальные функции женщин не должны сводиться к рождению и воспитанию детей. Эссе предсказуемо вызвало негативную реакцию как у мужчин, так и у консервативно настроенных женщин.

Из-за развода На Хесок лишилась возможности видеться с детьми, осталась без средств к существованию. В 1934 г. в произведении «Откровения о разводе» («이혼 고백서») она поведала о своей любви, приведшей к крушению брака, выступила против двойных стандартов в оценках поступков мужчин и женщин. Она считала несправедливым, что общество требует верности в браке только от женщин, и не видела ничего предосудительного во внебрачных отношениях. Эти взгляды были слишком смелыми для Кореи колониального периода – все, включая родственников, отвернулись от На Хесок. После долгих мытарств она умерла в больнице. Ее можно без преувеличения назвать самой знаменитой корейской феминисткой. Не случайно страх яркой и умной женщины, опередившей свое время, не вписаться в общество и не найти счастья получил название «комплекс На Хесок» («나혜석 콤플렉스»).

¹ URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0079715>.

Ким Вонджу (1896–1971) – видная активистка женского движения, писательница, журналистка, впоследствии ставшая буддийской монахиней, – родилась в семье служителя протестантской церкви, однако уже в подростковом возрасте разочаровалась в христианском учении. В молодости она принимала активное участие в движении за предоставление женщинам свободы в любви и права на развод. Во время учебы в Японии Ким Вонджу познакомилась с На Хесок и приняла решение об издании женского журнала. Она основала журнал «Новая женщина» («신여자»), который выходил с марта по июнь 1920 года. Вместе с ней над выпусками журнала работали На Хесок, Ким Мёнсун, Пак Индок (박인덕). Официальным издателем и спонсором журнала была миссис Биллингс, супруга миссионера, проректора Колледжа Ёнхи (позже – Университет Ёнсэ).

В 1921 г. Ким Вонджу рассталась с первым мужем, за что, подобно другим женщинам того времени, решившимся на развод, подверглась общественному осуждению. В 1920-е гг. она много писала для газет «Мэиль синбо», «Тона ильбо», «Чосон ильбо» и других изданий. Однако центр ее внимания постепенно смещался от гендерных вопросов к экзистенциальным. Ким Вонджу увлеклась буддизмом, побывала замужем за буддийским монахом, а в 1933 г. ушла в монастырь и прекратила литературную деятельность. В 1960 г., после долгого молчания, она опубликовала автобиографическую философскую книгу «Воспоминания монахини» («어느 수도인의 회상»). В ней, как и в последующих работах – «Сожженная юность» («청춘을 불사르고») 1962 года и «Между счастьем и несчастьем» («행복과 불행의 갈피에서») 1964 года, – она рассуждала о бытии, обретении свободы, поисках себя в не располагающей к этому социальной среде. Примечательно, что проблематика работ, написанных Ким Вонджу после многих лет монашества, перекликается с проблематикой ее ранних текстов, что отмечает, например, исследователь Эрик С. Нельсон [Nelson 2016]. Похоже, всю жизнь Ким Вонджу волновали одни и те же вопросы, и буддизм помог ей найти ответы на них. Она прожила в монастыре до самой смерти.

Оценивая вклад «новых женщин» в развитие современной корейской литературы, следует отметить, что в Корее борьба женщин за свои права и свободы происходила в контексте борьбы за права и свободы всей нации (в условиях давления со стороны традиционалистов,

позже – Японии, еще позже – диктаторских режимов). Исследователи западной «женской прозы» подчеркивают, что женщине издавна навязывались идеалистические стандарты, определявшие прежде всего ее поведение в семье. Вместе с тем семья воспринималась как фон для более важных сфер мужской деятельности, а семейные ценности – как ценности, которыми ни один уважающий себя мужчина не может быть ограничен и которые должны быть отринуты при вступлении в конфликт с более значимыми [Rudman, Glick 2008]. Все это смело можно отнести и к Корее с одной оговоркой – конфуцианство, определявшее место каждого человека в государственной и семейной иерархии, обеспечивало мужчин поведенческими стандартами не менее строгими, чем женщин. Может быть, именно поэтому образ женщины в корейской литературе начали пересоздавать не женщины, а мужчины, которые пересматривали конфуцианские идеалы как таковые, сначала осторожно, как Ким Манджун во второй половине XVII века, а потом все смелее и смелее, как Ли Гвансу или Пак Чонхва в колониальный период.

К середине 1920-х гг. на первый план в корейской литературе вышла тема социального неравенства, тяжелого положения большинства жителей Кореи. Это, в частности, объяснялось ухудшением положения корейцев из-за усиления японского гнета, распространением в стране социалистических идей, предполагавших борьбу с эксплуататорами, в том числе с японскими.

Из женщин-писательниц, обращавшихся к теме тяжелой жизни народа, можно отметить, например, Пэк Синэ (백신애) (псевдоним – Пак Кхва (박계화)) (1908–1939), которая дебютировала в 1929 г. с автобиографическим рассказом «Моя мама» («나의 어머니»). Еще до начала творческой деятельности она съездила в Россию и в 1934 г. отразила впечатления, полученные во время той поездки, в рассказе «Корейцы» («겨래이») о несчастных соотечественниках, бежавших из порабощенной Кореи в Россию в надежде обрести собственные участки земли, и арестованных по обвинению в шпионаже. Этот рассказ корейские критики считают ярким образцом пролетарской литературы. Он вошел, например, в сборник «최서해 외. 탈출기: 카프문학 작품 선집» («Чхе Сохэ и др. Записки беглеца: Сборник произведений литературы Корейской ассоциации пролетарских писателей, КАПП).

Целый ряд серьезных социальных проблем колониального общества затронула в своих работах Кан Гёнэ (강경애) (1906–1944). Она родилась в бедной семье и о страданиях простых людей знала не понаслышке. Кан Гёнэ училась в женской школе в Пхеньяне, откуда была отчислена за участие в студенческой забастовке, потом некоторое время посещала школу в Сеуле. В 1931 г. она вышла замуж и переехала в пограничный с Кореей район Китая Цзяньдао (кор. Кандо), где проживало больше этнических корейцев, чем китайцев. Однако японцы распространили свое влияние и на эти территории. Тема борьбы корейцев против жестоких японских захватчиков звучит в целом ряде произведений писательницы, например «Соль» («소금») (1934), «Тьма» («어둠») (1937). В 1934 г. вышла ее самая известная работа – роман «Проблема человечества» («인간문제») (под таким названием роман вышел на русском языке, но нам оно кажется слишком идеологизированным – название «Человеческие проблемы» больше соответствовало бы этому в целом очень достойному переводу). Главная героиня романа – молодая девушка по имени Сонби – после смерти родителей идет в услужение к помещику, а тот принуждает ее к сожительству. Однажды девушка отваживается сбежать в город. Там она работает за маленькую зарплату на текстильной фабрике, а потом заболевает чахоткой и умирает. Жизнь других выходцев из деревни, сбежавших в город от самодурства помещиков, также проходит в тяжелой работе, которая едва позволяет им сводить концы с концами. Не лишен этот роман и любовных интриг: Окчом – дочь помещика – влюблена в Синчхоль – сына чиновника, а тому нравится Сонби, к тому же в Сонби с детства влюблен ее сосед, выходец из крестьянской семьи Чхотчэ.

Очень интересно в книге показан протест как явление. Вот крестьяне с подачи Чхотчэ восстают против помещика, пытающегося под надуманным предлогом отобрать у них чуть не весь рис, и попадают в полицейский участок, а оказавшись на свободе, якобы благодаря хлопотам того же помещика, обрушивают свой гнев на Чхотчэ. Вот образованный Синчхоль, рассорившись с отцом, решает податься в рабочие, заняться продвижением в массы социалистических идей, но очень быстро устает от физического труда, от нищеты, и будучи арестован, отрекается от своих убеждений. Зато Сонби, совсем не разбираясь в политике, до конца защищает свою подругу, вовлеченную в подпольную деятельность.

Хотя Кан Гёнэ не входила в КАПП, исследователи часто относят ее работы к пролетарскому реализму за идейную насыщенность и правдоподобность изображения жизни простых корейцев в колониальный период. В 1942 г. из-за ухудшения здоровья Кан Гёнэ вернулась в Корею и вскоре умерла.

Из вышесказанного следует, что произведения, созданные женщинами в колониальный период, можно уверенно разделить на два типа. Произведения первого типа имеют ярко выраженную гендерную окраску, в них рассматриваются женские проблемы (потребность в личном счастье, самореализации, финансовой независимости), а произведения второго типа такой окраски не имеют, в них поднимаются вопросы, представляющие одинаковую важность как для женщин, так и для мужчин (необходимость отказа от феодальных пережитков, улучшения положения крестьян и рабочих и пр.).

Заключение

Подводя итог, отметим, что в традиционный период трудности и страдания, с которыми женщины сталкивались в жизни, преимущественно преподносились ими в литературных произведениях как личные. Писательницы не говорили о своих проблемах как о проблемах всех женщин и не призывали к социальным реформам для их решения. Все жизненные перипетии воспринимались ими как обусловленные существовавшим порядком вещей, который не подлежал пересмотру.

На рубеже XIX – XX веков в Корее произошли принципиальные политические, социально-экономические и культурные изменения. Знакомство Кореи (преимущественно опосредованно – через Японию) с западной культурой привело к формированию представления о «новой женщине» – женщине, получившей хорошее образование и имеющей стабильный доход, играющей активную роль в общественной жизни, самостоятельно определяющей свою судьбу. Это представление хорошо раскрыто в произведениях первого поколения современных корейских женщин-писательниц, таких как Ким Мён-сун, На Хесок и Ким Вонджу, возглавлявших в колониальный период борьбу соотечественниц за равные с мужчинами права и свободы. Прогрессивные взгляды разделяли в первую очередь образованные

корейки, в том числе те, которым довелось учиться и работать в Японии, где тогда были сильны идеи женской эмансипации. Однако даже для них идеал «новой женщины» оставался недостижимым, о чем свидетельствуют биографии упомянутых писательниц. Общество в целом, будучи готовым принять эмансипированную женщину в качестве литературного персонажа, отказывалось принимать ее в действительности. Для этого потребовалось не одно десятилетие.

Не способствовала полномасштабному раскрытию гендерной темы и социально-политическая ситуация, сложившаяся в Корее в результате внезапной смены экономической формации и попадания страны в колониальную зависимость. Важнейшими темами прозы колониального периода, отраженными в произведениях не только мужчин, но и женщин, например, Пэк Синэ и Кан Гёнэ, можно считать тяжелую жизнь корейского народа и борьбу с японскими и собственными угнетателями. На наш взгляд, именно женщины-писательницы, активно поднимавшие не связанные с гендером социальные проблемы, особенно ярко позиционировали себя как равных с мужчинами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Kim-Renaud Young-Key. *Creative Women of Korea: The Fifteenth Through the Twentieth Centuries*. Routledge, 2015. URL: <https://www.amazon.com/Creative-Women-Korea-Fifteenth-Twentieth/dp/0765611880> (дата обращения: 15.02.2021).
- Nelson Eric S. *Reflections of a Zen Buddhist Nun by Kim Iryōp* // *Philosophy East and West*. 2016. Vol. 66, № 3. P. 1049–1051. URL: https://www.researchgate.net/publication/305761241_Reflections_of_a_Zen_Buddhist_Nun_by_Kim_Iryop (дата обращения: 15.02.2021).
- Rhee Jooyeon. *No Country for the New Woman: Rethinking Gender and Cultural Nationalism in Colonial Korea through Kim Myongsun* // *Acta Koreana*. 2014. Vol. 17, № 1. P. 399–427. URL: https://www.kci.go.kr/kciportal/landing/article.kci?arti_id=ART001881811 (дата обращения: 15.02.2021).
- Rudman L.A., Glick P. *The Social Psychology of Gender: How Power and Intimacy Shape Gender Relations*. New York: Guilford Press, 2008. 1st ed. P.386
- 한국민족문화대백과사전. URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0004279>. [Encyclopaedia of Korean Culture. (In Kor.)].

УДК 008

DOI 10.52070/2542-2197_2021_4_846_225

М. В. Николаева

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета;
старший научный сотрудник Отдела литератур Института востоковедения РАН
losmarinik@mail.ru

РОССИЯ И ЕГИПЕТ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Статья посвящена презентации полевых исследований 2021 г. по проблеме межкультурного российско-египетского диалога, монографических работ Э. А. Али-Заде «Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей)» и Г. В. Горячкина «Очерки российско-египетского цивилизационно-культурного сотрудничества XIX–XX вв.». Показано, что в истории духовной эволюции человечества процессы взаимовлияния в рамках межкультурного диалога могут проявлять себя в самых неожиданных формах и смыслах.

Ключевые слова: Египет; арабский мир; Россия; цивилизация; межкультурный диалог; непротivление; Лев Толстой; арабская литература; история.

M. V. Nikolaeva

PhD (Philology), Associate Professor at the Oriental Languages Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
Leading Researcher of the Literature Department,
Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences
losmarinik@mail.ru

RUSSIA AND EGYPT. LITERATURE AND CULTURAL TIES YESTEDRAY AND TODAY

The article is a presentation of field research of 2021 on the problem of intercultural Russian-Egyptian dialogue, monographs of E. A. Ali-Zade «Russian literature and the Arab world (on the history of Arab-Russian literary contacts)» and G. V. Goriatchkin «Essays on Russian-Egyptian civilizational and cultural cooperation in the 19–20th

centuries». It shows, that the history of spiritual evolution of the humanity in the frames of intercultural dialogue can mark different forms and meanings of interaction processes.

Key words: Egypt; Arab world; Russia; civilization; intercultural dialogue; non-resistance; Leo Tolstoy; Arabic literature; history.

Введение

О великой древней стране пирамид – Египте написано множество книг, художественных произведений, научных трудов зарубежных и российских ученых-востоковедов. Его место настолько уникально в мировой истории, что все эти труды становятся лишь отдельными этапами постижения значений и смыслов не столько конкретных исторических или вымышленных событий, сколько собственного места и предназначения в мире, так что изучающий Египет, в конечном счете, изучает самого себя. На современном этапе острых политико-экономических конфликтов, морально-этических и идеологических противоречий, классические академические исследования в области межкультурного взаимодействия становятся всё более актуальными, а тема российско-арабских литературных контактов и сегодня остается одним из приоритетных направлений научных поисков.

Проблема идейно-эстетического присутствия русской литературы в арабском мире в монографии Э. Али-Заде

Проблемам идейно-эстетического присутствия в арабском мире классической русской литературы посвящена двухтомная монография Э. Али-Заде «Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей)» в которой автор поднимает серьезные научные проблемы идейно-эстетического присутствия в арабском мире классической русской литературы и культуры [Али-Заде 2014; Али-Заде 2020]. Появление этого труда не только свидетельствует о бесспорно глобальном масштабе великого русского литературного наследия, но и становится новым подтверждением традиционно близких взаимоотношений России и арабских стран, что особенно характерно для арабского Машрика – региона Ближнего Востока. Известно, что классическая русская литература оказала огромное влияние на развитие новоарабской литературной

традиции XX в., в которой ведущую роль играли писатели современных стран Арабского Машрика – традиционного региона Леванта («Великой Сирии») – Египта, Палестины, Иордании, Сирии и Ливана.

В динамично меняющемся контексте истории Арабских стран XXI столетия особенно актуальными становятся научные труды Али-Заде в области восприятия творческого наследия Л. Н. Толстого, когда проблема непротивления злу насилием становится всё более значимой в условиях острых социально-политических и военных конфликтов, непрекращающихся попыток различными способами катализировать процесс реформатирования миропорядка, сложившегося после Второй мировой войны.

Важным явлением культурных взаимосвязей России и Арабского мира сегодня является специальное исследование Э. Али-Заде творческого присутствия Л. Н. Толстого в литературном процессе арабских стран на протяжении полутора столетий. В нем приводятся многие имена арабских литераторов, египтян и левантинцев, многие из которых хорошо владели русским языком и посвятили свою деятельность освоению творческого наследия великого русского писателя-философа.

Вспомним, к примеру, только палестинца Селима Кобейна, который так увлекся идеями толстовства, что мечтал открыть арабскую земледельческую колонию. В 1901 г. он опубликовал в Каире книгу «Учение Толстого», в 1904 г. перевел на арабский язык «Евангелие» Толстого, а в 1912 г. свой сокращенный вариант «Изречений Магомета, не вошедших в Коран». В эту книгу он внес письмо Л. Н. Толстому муфтия Египта мусульманского реформатора Мухаммада Абдо (1848–1905). Хорошо известно, что Мухаммад Абдо переписывался со Львом Толстым по религиозным вопросам до самой своей смерти. Здесь же переводчик поместил и известную элегию великого египетского поэта-романтика Нового времени, черкеса по происхождению, Ахмеда Шауки (1870–1932) на смерть Толстого, которая воспроизводит воображаемый нравственный диалог русского писателя с классиком арабской средневековой литературы поэтом-философом Абуль-Аля аль-Маарри (973–1157/8) и другие материалы.

Актуальным является и поставленный в этой работе вопрос о специфике восприятия русской литературной традиции на Арабском

Востоке, отражающей национальный подход восточных арабских авторов к переводческой деятельности и к оценке литературных произведений русских писателей, давших им и всему миру, говоря словами Л. Н. Толстого, «совершенно новые формы писания». Сравнительный анализ произведений Л. Н. Толстого и их переводов на арабский язык, сделанных с языка-посредника (которым в Египте и Машрике чаще всего выступали английский и французский), либо непосредственно с русского языка, позволяет выявить различия техники перевода в рамках идейно-художественных задач, которые стояли перед переводчиками в различные этапы развития арабского общества.

Становится очевидно, что арабские переводчики Л. Н. Толстого с русского языка прежде всего выбирают произведения малых жанровых форм, драмы и публицистику, что вызвано, несомненно, объективными трудностями творческого освоения такого сложного и богатого языка, как русский. В то же время арабские переводчики Толстого с западноевропейских языков-посредников (английского или французского), обращаясь к его романам, ограничиваются публикацией отрывков, и это, по-видимому, объясняется объективными трудностями восприятия объёмных инокультурных текстов. При этом здесь чаще встречаются также и характерные попытки адаптации, оставляющие лишь общую канву повествования, используются различные формы приспособления к собственным культурно-историческим реалиям. Это становится заметно уже по трансформации самих названий русских произведений, приближаемых к восточной эстетической традиции, предполагающей экспликацию и одновременно орнаментальность представляемого текста).

В целом следует отметить, что Л. Толстой воспринимается на Арабском Востоке прежде всего как философ и великий учитель, в ряду других вновь открываемых деятелей европейской и мировой культуры. Его неординарная личность и судьба столь же интересна арабскому обществу, что и очевидная для русского читателя эстетическая компонента толстовских текстов. При этом характерно, что восприятие этого русского писателя-философа, со всей бесконечностью его религиозно-философских исканий, пацифизмом и антиклерикализмом, полностью лишено в арабском и, в частности, египетском обществе, с его очевидной исламской доминантой, всякой религиозной ограниченности или определенной конфессиональной окраски.

Русско-арабское культурное и литературное взаимодействие сегодня

Диалог культур, имеющий столь давние исторические традиции, продолжается и сегодня в среде отечественных и арабских исследователей, не теряя своей важности и злободневности как для российского, так и для египетского общества в столь сложный период, который переживает сегодня Арабский Восток.

Традиции русско-арабского культурного и литературного взаимодействия продолжают и в наши дни энтузиасты с обеих сторон. Тему рецепции русской классики в арабском мире развивает, к примеру, диссертация египетского профессора-руссиста, преподавателя Каирского университета доктор Макарем аль-Гамри «Творчество Максима Горького в арабском мире», академическое издание которой могло бы стать серьезным продолжением научных поисков Э. А. Али-Заде. Много лет плодотворно трудится на русском отделении филологического факультета Каирского университета профессор Н. Е. Павлов, под руководством которого арабские студенты осваивают теорию практику перевода на арабский язык русской классики – прозы А. С. Пушкина, А. П. Чехова. Бронзовый памятник Чехову работы советника по культуре Посольства АРЕ в Российской Федерации Усама ас-Серауи стоит во дворе Российского Центра Науки и Культуры (РЦНК) в районе Докки в Каире. Там же в РНЦК поставлен и созданный им памятник Е. М. Примакову, в свое время возглавлявшему Институт востоковедения РАН. (Бронзовый бюст египетского классика XX столетия Таха Хусейна, сделанный в период своей дипломатической службы в Москве, его автор Усама ас-Серауи подарил Залу Ученых советов ИВ РАН). По инициативе Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в АРЕ С. В. Кирпиченко в 2017 г. в «Саду Свободы» в Каире в ряду других деятелей мировой культуры (среди которых, к примеру, египетский поэт-романтик Ахмад Шауки, учитель Махатма Ганди и казахский поэт Абай) воздвигнут бюст А. С. Пушкину.

Активно работает в руководстве РНЦК директор по культурным программам Шериф Гадд – выпускник факультета журналистики МГУ им. Ломоносова, возглавляющий Ассоциацию выпускников советских и российских вузов в Египте. Центр продолжает серьезную культурную и научную деятельность, в рамках которой проходят ежемесячные творческие семинары, литературные и музыкальные вечера.

В числе инициатив конца 2020 – начала 2021 гг. – поэтические встречи, посвященные поэзии А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. Фета, салон Серебряного века, мемориальный вечер памяти египетского поэта XX Абдаррахмана аль-Хамиси, много лет плодотворно сотрудничавшего с Союзом писателей СССР. В мероприятиях РЦНК принимают участие как российские деятели культуры, так и представители интеллигенции других арабских стран (Сирия, Ливан, Палестина и др.), общественность и официальные лица русскоязычного постсоветского культурного пространства (Казахстан, Армения и др.).

Внимание к современной русской культуре и литературе традиционно проявляет и официальная египетская пресса, особенно специализированные издания. Отдельный выпуск египетской литературной газеты «Ахбар аль-Адаб» («*Новости литературы*») N 1413 от 23 августа 2020 г. посвящен творчеству А. И. Солженицына, в частности анализу его произведения «Один день из жизни Ивана Денисовича». На страницах издания приводится его портрет, творческая биография, отрывки из произведений разных лет, объединенные одной знаменитой цитатой: «Жить не по лжи».

«Очерки российско-египетского цивилизационно-культурного сотрудничества XIX–XX веков» Г. В. Горячкина как новый аспект изучения проблемы межцивилизационного диалога

В этом контексте, вызовет большой интерес российской и египетской общественности подготовленная к печати новая работа отечественного историка-востоковеда Г. В. Горячкина «Очерки российско-египетского цивилизационно-культурного сотрудничества XIX–XX вв.». Перу автора принадлежит множество трудов по арабской и российской истории на русском и арабском языках, получивших известность в России и в арабских странах. Среди них: «Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939)», 2000, «Россия и Египет в свете русских архивных документов (середина XIX – начало XX вв.)», 2002, «Россия и Египет. Неизменная дружба», 2004, «Страницы русско-египетского культурного диалога» Ч.1–2, 2005, «Тройственная агрессия против Египта в воспоминаниях советских современников», 2007, «Египет в российских архивах», 2017, монография «Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте», 2012 и многие другие.

Уже простое перечисление этих названий дает нам ясное представление о степени и глубине вовлеченности автора в проблематику конкретного периода исторического процесса, о его стремлении проследить все этапы становления и эволюции российско-арабского политического, культурного, цивилизационного диалога, в процессе которого обе стороны обогащаются достижениями друг друга и в то же время получают возможность лучше понять себя, свою собственную историю и современность посредством взгляда со стороны.

Подобный аспект изучения межкультурного диалога ставит работы Г. В. Горячкина в один ряд с трудами историков-востоковедов русской научной школы с ее глубокими традициями тщательной работы над первоисточниками, широкими полевыми исследованиями с привлечением самых современных научных методов, вниманием и уважением к носителям традиции и в то же время с ее широким универсализмом и полнотой охвата различных областей востоковедного знания. Среди них: основатель Азиатского музея Х. Л. Френ (1782–1861), петербургские, московские, казанские академики В. Ф. Гиргас (1835–1857), Г. В. Саблуков (1804–1880), Б. А. Дорн (1805–1881), В. Р. Розен (1849–1909), В. В. Бартольд (1869–1930), А. Е. Крымский (1871–1941), И. Ю. Крачковский (1883–1851), крупные ученые Ленинградского университета и ЛО Института востоковедения АН СССР А. А. Долинина (1923–2017) и О. Б. Фролова (1926–2015), почетный член АН ОАР Е. А. Беляев (1895–1964). В новой работе Г. В. Горячкина использованы также и такие фундаментальные труды, как «История египетской литературы XIX–XX вв.» В. Н. Кирпиченко и В. В. Сафронова, и самые последние работы современников на тему межкультурного диалога в истории России и арабского мира Д. В. Микульского, Д. Е. Мишина, В. В. Белякова, Э. Е. Кормышевой и других. При этом подчеркивается, что исторически сложившиеся традиции взаимоотношений таких крупных мировых стран, как Россия и Египет всегда оказывали и продолжают оказывать серьезное влияние на трансформирующийся миропорядок, в котором занимает свое особое достойное место также и тема российско-египетского военно-технического сотрудничества.

Автор фиксирует всё возрастающую актуальность и непрекращающийся интерес к проблематике российско-египетских цивилизационно-культурных отношений со стороны отечественных

политических кругов, журналистов, творческой и научной ответственности на протяжении XIX–XX вв. при отсутствии определенной законченной концепции российско-египетских связей в раннее Средневековье, а приводимые им научные гипотезы о возможных индоевропейских истоках древнеегипетской цивилизации, несомненно, обогащают представления читателей о мировой истории.

Комплексный академический подход делает книгу не только серьезным историческим источником, но и увлекательным произведением, которое бережно ведет читателя по страницам нашей общей истории: от самых первых контактов древних предков русов с неведомым арабским миром на торговых путях из варяг в греки до произведений современного кинематографа и искусства фотографий наших дней. Суровые тексты официальных византийских дворцовых хроник, древнерусских летописей и хронографов, фиксирующих первые сведения о связях Руси с Ближним Востоком, сменяются витиеватыми узорами арабской вязи средневековых арабских ученых историков в «Записках» Ибн Фадлана или объёмных сводах «арабского Геродота» аль-Масуди. Ценнейшие свидетельства очевидцев о ранних российско-египетских контактах представлены в разделах книги о «Хождениях» на Восток и странствиях русских паломников на Святую Землю.

Много внимания в работе посвящено арабским источникам. Действительно, арабская сторона на протяжении истории придавала большое значение контактам с Россией, начиная еще со времен первых русских «хожений» и паломнических поездок на Ближний Восток, когда наши страны постепенно всё больше открывали друг друга на путях торговых, политических, военных и религиозных связей.

Интересно, что сложные для арабского слуха транскрипции русских имен путешествовавших по Египту и Синаю странников и путешественников: например, монаха Варсонофия, гостя Василия, Афанасия Никитина или Василия Григоровича-Барского появляются на страницах периодической печати и в XXI столетии [Аль-Хаят 4]. Как ведущая форма взаимопроникновения культур уже в Новое время в работе Г. В. Горячкина по праву представлена такая область человеческой творческой деятельности, как литература, где также активную роль играли мемуары и записки путешественников, а множество частных документальных свидетельств, записок путешественников, страниц личных дневников-исповедей, так же как и официальные

реляции, познакомили своих читателей с различными подробностями жизни далекой страны.

Таким образом, мы видим, как познание другого на пути далеких странствий, известное в классической арабской духовной традиции в своей особой жанровой форме *рихля* (путешествие), снова становится необходимой вехой в процессе духовного познания самого себя, и определения своего места в мире и исторической реальности.

В этом контексте, например, неслучайно частная поездка на Арабский Восток О. И. Сенковского осенью 1820 г. совпадает с началом греческого восстания против османского владычества, а семейные путешествия братьев А. Н. и Н. Н. Муравьевых (1829–1833) фактически становятся дипломатическими миссиями в процессе мирного урегулирования первой Турецко-египетской войны и подписания Российско-турецкого Ункяр-Искелесийского мирного договора. Странствия по Египту и Нубии Авраама Норова 1830–1860-х гг. получают высокую оценку Н. Г. Чернышевского как серьезный вклад в научное решение многих затруднительных вопросов древней истории, географии и археологии, а отчеты 1840-х гг. российского литератора и дипломата Е. П. Ковалевского были высоко оценены академиком Крачковским за серьезное изучение африканских народов. И это лишь несколько частных примеров активно расширяющегося формата взаимодействия России и Египта в различных областях жизни обеих стран.

Взаимное познание русских и арабов интенсифицируется к концу XIX столетия в связи с активизацией цивилизационных контактов, модернизацией общественной жизни, транспортных и технических средств коммуникации. В своей новой книге Г. В. Горячкин сожалеет о том, что до сих пор отсутствует полный перевод и публикация такого важнейшего для истории обеих стран литературного памятника, как рукопись «Описание России» приглашенного профессора Санкт-Петербургского университета, шейха ат-Тантави, скончавшегося в Санкт-Петербурге в год отмены крепостного права в 1861 г.

Интересным для современного читателя, несомненно, являются и материалы о русско-египетских контактах в сфере классической литературы, художественного творчества, музыки и театрального искусства. Ведь возникновение «восточного стиля» в отечественной словесности, отмечено в творчестве многих литераторов и деятелей культуры, начиная с Александра Пушкина и Михаила Лермонтова до

Л. Толстого, С. Есенина, Н. Гумилева и К. Бальмонта или философов В. С. и С. М. Соловьевых. Египетские города Каир и Александрия видели выступления российских певцов С. Бартенева, В. и Н. Чернецких, Ф. Шаляпина, рукоплескали великой балерине Анне Павловой. Египетские мотивы принесли в Россию известные полотна И. Айвазовского и Н. Маковского, Д. Поленова, И. Билибина, М. Сарьяна. Многие малоизвестные факты о российских художниках и меценатах, о памятниках «египетского стиля», ставших неотъемлемой частью российской архитектуры, и об уникальных научных коллекциях египетских древностей в русских музеях, так же как и особое место в российской культуре египетского кинематографа, и сегодня занимающего лидирующие позиции среди арабских стран, несомненно, заслуживают дальнейших исследований.

Наконец, следует отметить, что, несмотря ни на какие политические, экономические трудности и карантинные ограничения последнего времени, в Египте многие годы плодотворно работает научная археологическая миссия Института востоковедения РАН.

Заключение

Таким образом, становится очевидно, что знакомство с различными сферами жизни и цивилизационными особенностями страны пирамид в конечном счете обогащает саму русскую культуру в ее стремлении к познанию мира и себя. И хотя порой нам кажется, что во многих областях жизни наших современных стран культурный диалог России и Египта носит асимметричный характер, что эти контакты отразились в русской культуре в большей степени, чем в египетской, быть может, в истории духовной эволюции человечества не всегда следует искать «объективные» критерии и количественные параметры для оценки процесса взаимовлияния, который проявляет себя порой через века и тысячелетия в самых неожиданных формах и смыслах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Али-Заде Э. А. Русская литература и арабский мир (к истории арabo-русских литературных связей). Книга 1. М.: Издательство МБА, 2014. [Ali-Zade, E. A. (2014). *Russkaya literatura i arabskii mir (k istorii arabo-russkikh literaturnykh svyazei)*. Kniga 1. (Russian literature and the Arab world (on the

history of Arab-Russian literary contacts). Book 1). М.: ООО «Izdatel'stvo MBA». (In Russ).]

Али-Заде Э. А. Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей). Книга 2. М. : ИВ РАН, 2020. [Ali-Zade, E. A. (2020). Russkaya literatura i arabskii mir (k istorii arabo-russkikh literaturnykh svyazei). Kniga 2. (Russian literature and the Arab world (on the history of Arab-Russian literary contacts). Book 2). М.: IV RAN. (In Russ).]

Аль-Хаят. 12–13 марта 2001 г. [Al-Hayat. 12–13 March, 2001].

Е. А. Степаненко

кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
Военного университета Министерства обороны РФ
yev.yar1985@gmail.com

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ
РЕЧЕЙ НА РУССКОМ И НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ**

В статье предпринимается попытка лингвокультурологического анализа поздравительных обращений лидеров России и Нидерландов в канун Нового года и Рождества. Тексты обращений исследуются с точки зрения стиля, использованных в них образов, знакомых и понятных целевой аудитории, в контексте программных государственных документов и в соотношении с внешней атрибутикой. Трехуровневый анализ поздравительных речей позволяет представить их как политические документы, в которых отражены ролевые модели власти, связанные с различным государственным устройством двух стран.

Ключевые слова: текст; образность; образ; интертекстуальность; паратекстуальность; поздравительная речь; политическое заявление; ролевая модель.

E. A. Stepanenko

PhD (Philology), Associate Professor
at the Department of Germanic Languages, Military University of the Ministry of
Defense of the Russian Federation
yev.yar1985@gmail.com

**ANALYZING FESTIVE SPEECHES IN RUSSIAN AND IN DUTCH
FROM LINGUOCULTURAL ANGLE**

The article attempts to analyze two festive speeches, the New Year Address of the President of Russia and the Christmas Speech of the King of the Netherlands from the linguocultural angle. The style, the commonly used and broadly known imagery attracting the target groups in both countries make up the main goal of the study, as well as the connection between the principal political speeches of the country leaders and the symbolism of the predominating visual attributes on the background. Due to the three-level analysis both festive speeches are regarded as political acts depicting the historically and politically accepted role models within Russia and the Netherlands.

Key words: text; imagery; image; intertextuality; paratextuality; a festive speech; a political act; a role model.

Введение

Традиция новогодних и рождественских обращений лидеров государств к согражданам относительно нова, при этом она очень быстро укоренилась в сознании обывателя и почти не воспринимается всерьез, являясь частью застольного ритуала. В смысл новогодней поздравительной речи редко вслушиваются, между тем, обращение первого лица государства – всегда политический акт, а его содержание отражает внутривнутриполитическое положение в стране и ее внешний курс. Поздравительная речь преследует, таким образом, двойную цель: осветить в доступной форме текущую ситуацию и перспективы на будущий год и что не менее важно – быть созвучной всеобщему праздничному настроению.

Любой политический деятель стремится донести свою точку зрения до как можно более широкой аудитории, одновременно стараясь показать, что именно его видение проблем и общества соответствует действительности, и что именно это видение дает возможность сохранить / изменить текущие обстоятельства наиболее приемлемым для аудитории образом [Алтунян 2006, с. 17–18]. Для этого политику, особенно руководителю государства, необходимо объединить в своей речи общее и частное, отождествить проблемы страны с личными проблемами граждан с тем, чтобы его слова отозвались в душе большинства зрителей / слушателей. Поздравительная речь подходит для убеждения аудитории, ведь праздники, особенно Рождество и Новый год, традиционно проникнуты духом общности, а значит, посыл лидера будет воспринят и скорее всего в положительном ключе. Важно отметить и то, что любая политическая аргументация учитывает менталитет аудитории, соотношение рационального и эмоционального в ней должно соответствовать моменту и в первую очередь ожиданиям тех, к кому она обращена.

Задачей настоящего исследования является попытка лингвокультурологического анализа поздравительной речи, в частности попытка проанализировать ассоциативную образность, использованную в поздравлениях, и предложить возможные стратегии перевода подобного рода политических документов на русский и иностранный языки. В качестве объектов исследования мы выбрали рождественскую речь Короля Нидерландов Виллема-Александра и новогоднее обращение Президента России Владимира Путина. Обе речи были

произнесены в канун 2019 г. и могут быть проанализированы в контексте актуальных общемировых событий. Вместе с тем поздравление с главным и одним из самых любимых зимних праздников задействует более-менее традиционный образный ряд для придания тексту торжественности и, одновременно, камерности, даже интимности звучания.

Анализ содержания поздравительных речей первых лиц России и Нидерландов осуществляется на трех уровнях: собственно тексты поздравительных речей (текстовый уровень), связь поздравительных речей с программными политическими документами России и Нидерландов (интертекстуальный уровень) и обстановка, в которой была произнесена речь (паратекстуальный уровень). Важным для восприятия поздравительных обращений является и задействованный в них ассоциативно-образный компонент [Алексеев 2009, с. 4–5], поскольку именно образы помогают или, напротив, мешают воспринять заложенные в политической речи смыслы. Потенциальному переводчику обеих речей на русский или нидерландский языки следует определить ассоциативно-образную структуру текстов, «раскодировать» образы и только затем приступить к поиску эквивалентов на уровне лексической семантики. Подчеркнем, что степень экспликации ассоциативно-образного компонента политической (равно как и любой другой) речи напрямую зависит от того, какая задача поставлена перед переводчиком и какие при этом будут задействованы переводческие стратегии. Для создания коммуникативно-равноценного перевода – в том случае, когда перевод речи осуществляется синхронно либо рассчитан на слушателей, относящихся к целевой аудитории обращения, но по каким-то причинам не владеющих национальным языком (например, недавние иммигранты), ассоциативно-образный ряд следует максимально эксплицировать, выбирая при этом наиболее эмоционально окрашенные лексические эквиваленты. В случаях же терциарного перевода [Цвиллинг 2020, с. 24–26], который осуществляется в интересах лиц, непосредственно не относящихся к аудитории речи (и это – автор и читатели данной статьи), используемый в тексте образный ряд также следует сохранить или даже усилить, однако его эмотивная функция в данной ситуации уйдет на второй план, уступая место чисто прагматическому – *ter info* – восприятию.

Лингвистический анализ поздравительных речей на русском и нидерландском языках

Следуя аристотелианской логике, аргументация в политической речи осуществляется по трем направлениям: доводы, обращенные к рассудку (логос), доводы, обращенные к нравственности (этос), и доводы, обращенные к эмоциям (пафос). И Рождественская речь Его Величества, и Новогоднее обращение Президента России представляют собой развернутые высказывания с явным преобладанием эмотивной и морально-психологической составляющей. Обе речи обращены вовне, к слушателю / зрителю, подчеркиваются общность, сплоченность («мы торопились завершить неотложные дела», «мы с волнением и надеждой ждём наступления Нового года», «все мы хотим...») [Новогоднее обращение 2018] // «*Het Kerstfeest verbindt ons*» (Рождество нас объединяет), «*zou het niet kunnen dat we onze eigen rol onderschatten*» (быть может, мы недооцениваем свою роль), «*We zijn minder machteloos dan we denken*» (Мы не так бессильны, как может показаться) [Kersttoespraak Koning 2018], делается акцент на ощущении каждого частью нации и общества («мы загадываем желания, ждем везения и удачи...», «нам предстоит решить немало настоящих задач...») [Новогоднее обращение 2018] // («*De bereidheid om rekening met elkaar te houden en samen te werken heeft ons ver gebracht*» (Готовность считаться друг с другом и трудиться сообща позволила нам многого достичь), «...*dat we samenwerken en geven en nemen*» (... что мы сотрудничаем, и отдаём, и принимаем) [Kersttoespraak Koning 2018]. Фигура адресата послания предельно размыта, первое лицо государства обращает свою речь к нации в целом и к каждому гражданину в отдельности, чередуя образы-апелляции к личному, интимному (человек за праздничным столом, в окружении близких, и в речи В. В. Путина, и в поздравлении Виллема-Александра) и к чувству общественного долга (призывы «засучить рукава» у Владимира Путина, примеры «инициативы снизу» у Виллема-Александра). Напротив, личности адресантов обоих посланий очерчены предельно четко: они не просто поздравляют своих граждан с любимым семейным праздником, но имплицитно позиционируют себя как *отцов семейства*, которые одновременно хвалят и направляют.

Во время «предпереводческого» прочтения обеих речей стоит обратить внимание на различие в позициях короля и президента по

отношению к адресатам: в речи Виллема-Александра местоимение *wij* (мы) используется наряду с личным местоимением первого лица *ik* (я):

Mijn vrouw en ik weten wat U doormaakt. – «Я и моя супруга понимаем, каково вам сейчас» [Kersttoespraak Koning 2018. URL].

‘Kleinschalig’, denken sommigen misschien. Maar *ik* denk: ‘groots’! – «Мелочи», думают, наверное, некоторые. Но я считаю – это большое дело!» [там же].

Сочетание местоимений «я» и «мы» создает, на наш взгляд, некую дистанцию между оратором и его аудиторией, и определяет позицию Его Величества как внешнего наблюдателя, который констатирует факты, готов протянуть руку помощи, но в целом предоставляет жителей Королевства Нидерланды самим себе. В обращении же Владимира Путина местоимение «я» отсутствует, но местоимение «мы» использовано почти в каждой фразе. Президент, в отличие от короля, не отделяет себя от граждан страны, которой управляет. Данное различие в употреблении местоимений – индикатор не только и не столько отношения «лидер – народ» в Нидерландах и в России, сколько различия в политической системе двух стран: президент России избирается народом из народа, монарх же становится таковым в силу происхождения и от подданных никак не зависит.

Ассоциативно-образный компонент в поздравительных речах

Разнонаправленность персонифицированности в речах Его Величества и Президента России проявляется и на уровне ассоциативно-образного компонента. Нидерландское Рождество и российский Новый год – главные семейные праздники, повод увидеться с родными и пожелать им всего доброго в наступающем году. Одновременно важно помнить о том, что шкала ценностей в разных странах различается, следовательно, к семейному благополучию и осознанию роли гражданина в России и в Нидерландах подходят тоже по-разному. Употребление местоимения «мы» в поздравительной речи Владимира Путина вполне оправдано с точки зрения центробежных процессов, происходивших в истории России, но для носителя нидерландской

языковой картины мира подчеркивание «мы» без противопоставления его личному «я» малопонятно и требует пояснений. Нидерланды – страна, составленная преимущественно из территорий, которые задолго до провозглашения Нидерландской Республики имели собственную законодательную и судебную систему и обладали правом заключать от своего имени торговые соглашения. Следовательно, подчеркивая важность личной ответственности каждого дома и каждого города за свое благосостояние и свою судьбу, Виллем-Александр не столько проводит грань между собой и остальными гражданами, сколько отдает дань исторической традиции самоуправления.

Диаметрально противоположны в поздравительных речах глав двух государств и основные ассоциации с Рождеством и Новым годом. Безусловно, это противопоставление на ассоциативном уровне связано, в первую очередь, с особенностями каждого праздника: Рождество проникнуто религиозным чувством, в то время как Новый год в России – исключительно светское явление, хоть и призванное заместить отмененный после Октябрьской революции праздник Рождества Христова. И всё же в отношении к окончанию старого года и наступлению нового в России и Нидерландах прослеживается едва ли не основное отличие менталитета двух наций. Для носителя русского менталитета приход нового года, равно как и рождение Христа – это в первую очередь *чудо*, надежда на обновление, *загадывание желаний* и жажда *везения, исправления* того, что не удалось или не случилось в ушедшем году. На эту особенность восприятия россиянами новогодних праздников и указывает президент в своей поздравительной речи. Рождественское обращение Виллема-Александра, напротив, свидетельствует о подчеркнуто трезвом, рациональном отношении голландцев и к смене года, и к рождению Христа. *Met Kerst triomfeert de eenvoud*) [Kersttoespraak Koning 2018] – эта фраза из рождественской речи короля Нидерландов передается на русском языке как «торжество / победа / триумф *простоты*», где слово *eenvoud* концептуально связано и с протестантской этикой умеренности (на это значение намекает и контекст: Христос пришел в мир в хлеве, *zelfs een hoekje in de herberg was niet beschikbaar* («на постоялом дворе не нашлось ни одного свободного уголка») [там же]), а кроме того, с понятием *скромности*, также свойственной морально-этическим нормам кальвинистских Нидерландов. *Простым, непритязательным* было место,

где появился на свет Иисус, *простота*, *бесхитрость* и *бесприязательность* являются для нидерландской нации базовыми чертами, и именно эти качества позволили во всех смыслах создать свою страну.

Описанное выше понимание простоты вызывает ассоциации с многочисленными фразеологизмами о необходимости существования и труда (разумеется, совместного, понимаемого как сумма индивидуальных усилий) в априори заданных условиях. Ни один из этих речевых оборотов не приводится в поздравительной речи Виллема-Александра, тем не менее, они знакомы каждому нидерландцу и составляют внеязыковой контекст или концептуальный фон, важный для понимания главного посыла рождественской речи короля. Определить этот концептуальный фон важно и переводчику речи на русский язык, в первую очередь, в условиях терциарного перевода, когда необходимы соответствующие пояснения и комментарии. Примером фразеологизмов, концептуально связанных с понятием простоты, может служить поговорка *Men moet roeien met de riemen die men heeft*, дословно «гребти теми веслами, которые имеешь», т. е. следует принять обстоятельства и действовать в них. Вера в Рождество в представлении жителя Нидерландов не только и не столько связана с религиозной верой в чудо, сколько служит подтверждением для веры человека в самого себя и в то, что в любых обстоятельствах можно выжить и выстоять:

Dit feest doet een beroep op ons geloof
In religieus opzicht, maar ook:
Het geloof in onszelf,
In elkaar,
In een gelukkige en vreedzame toekomst [Kersttoespraak Koning 2018]. –
«Этот праздник обращается к нашей вере; к религиозной вере, и вместе с тем к вере в себя, друг в друга, в счастливое и мирное будущее».

О совместном труде во имя общего блага говорит и Президент России в новогоднем обращении. Вера в чудо, в «*новогоднее волшебство*» [Новогоднее обращение 2018] сменяется осознанием необходимости «*общими усилиями, общей слаженной работой*» [там же] добиваться лучшего для себя, своих близких и тем самым для всей страны. Если в представлении короля Нидерландов личное

практически равняется общественному, то российский лидер в своей поздравительной речи несколько противопоставляет семейное (личное) и общественное, присущее ребенку ожидание новогоднего чуда («...как в детстве, загадываем желания, ждем везения и удачи [Новогоднее обращение 2018]) и «взрослое» представление о том, что социальные блага создаются только кропотливым и добросовестным совместным трудом. В новогоднем обращении В. Путина доминирует установка на *общность* («...чтобы все граждане России, каждый из нас, <... > почувствовал перемены к лучшему»), *общее* («общая слаженная работа», «достижение общих целей»), *совместность* («... сделать это <добиться улучшения жизни в России. – Е. С.> мы можем только вместе») [Новогоднее обращение 2018], что, на первый взгляд, сближает его с Рождественской речью Виллема-Александра. Однако, сопоставляя поздравительные речи двух государственных лидеров, мы наблюдаем принципиально разные подходы к восприятию индивидуального и общего. Первоочередной задачей для переводчика новогоднего обращения Владимира Путина на нидерландский язык должно стать разграничение понятий «общность» и «общинность», поскольку именно обусловленное исторически представление о народе России как о большой общине лежит в основе поздравительной речи Президента России.

Использованные в текстах обеих поздравительных речей образы и ассоциации, как уже указывалось, легко узнаваемы целевой аудиторией. В то же время, как известно, любой образный компонент текста всегда имеет меньшее смысловое наполнение, чем общий образ-символ, составленный из множества концептуальных единиц. Любой большой праздник воплощается в жизнь путем выполнения набора ритуалов, и обращение первого лица государства к согражданам является частью этого ритуала в той же мере, в какой и новогодняя / рождественская елка, и особые блюда, и несколько поколений семьи за праздничным столом. Семейственность, чувство принадлежности к большому разветвленному роду – основной символ, заложенный в праздничном послании. Глава государства, который поздравляет свой народ с наступлением Нового года или приходом Рождества, у большинства людей подсознательно отождествляется одновременно с отцом, главой семьи, и – одновременно – с провозвестником наступления перемен, начала нового годового круга. Примечательно,

что в Нидерландах, несмотря на значительные полномочия премьер-министра и временами подчеркиваемую «декоративность» монархии, именно Его Величество поздравляет своих сограждан с Рождеством. Если внутри семьи объединяющей фигурой является отец, то в государстве, особенно монархическом, таким символом единства выступает король или королева. Оговоримся все же, что нидерландская конституционная монархия насчитывает всего двести лет, и что традиция почитания короля существует в обществе наряду с чисто республиканским уважением гражданских прав и исторически обоснованным восприятием каждой из провинций себя как «государства в миниатюре». Соответственно, и речь Виллема-Александра концептуально и стилистически куда менее патерналистская, чем обращение Владимира Путина. Российский президент произносит свое обращение к народу нашей страны каждый год строго в одно и то же время, и строго за поздравительной речью следует первый из двенадцати ударов часов на Спасской башне. Речь президента, бой курантов и наступление нового года, таким образом, образуют в подсознании обывателя своеобразный ассоциативный ряд, где всем его составляющим отведено свое место. Популярность новогодней речи президента обусловлена, на наш взгляд, именно ее символичностью, «встроенностью» в общий ритуал смены года.

Анализ поздравительных речей на уровне интертекста

На уровне интертекста обе речи представляют собой комментарии к программным документам, ранее озвученными лидерами обоих государств: Тронной речи в Нидерландах и Послании Федеральному собранию в России. Интересно отметить, что в поздравительных речах выдержан тот же стиль, что и в программных заявлениях, и текст написан в таком же ключе. И в Тронной речи, и в Рождественском обращении Его Величества приводятся факты из истории Нидерландов: освобождение страны от немецкой оккупации в 1945 г. (Тронная речь) и принятие ООН Всемирной декларации прав человека и Восьмидесятилетняя война за независимость (рождественское обращение). Обращения к прошлому в политических речах задействуются в случаях, когда в настоящем необходимо подчеркнуть преемственность внутренне- и внешнеполитического курса страны.

Современная внутривластная обстановка в Нидерландах может быть определена как ревизионистская по отношению к собственной истории и традиционным общественным институтам. Одновременно, и об этом свидетельствуют результаты последних волеизъявлений нидерландцев на выборах 2017 и 2019 гг., всё большую популярность в Нидерландах приобретают партии и политики, риторика которых связана с внутривластными проблемами (эта тенденция проявилась уже в 2013–2014 гг., но особую популярность оппозиционные партии приобрели после проведения в Великобритании референдума о выходе из ЕС 23 июня 2016 года), см. [Peilingwijzer 2013; Peilingwijzer 2016]. Соответственно, приведение примеров из истории можно рассматривать как кивок в сторону традиционалистских сил.

Внутренняя политика России, охарактеризованная в 2018 году неоднократно повторяемым в Послании Федеральному собранию тезисом о необходимости «прорыва и рывка», требует иной риторики, что и проявилось в Новогоднем обращении Президента. Основной идеей Послания 2018 года стало «сбережение народа России», поэтому тема семейственности и общей сплоченности преобладает и в поздравительной речи. В Новогоднем обращении семья традиционно отождествляется со страной, где страна представляется одной большой семьей, которую необходимо сохранять и защищать, а это возможно только сообща. Этим можно объяснить достаточно резкий переход от идиллической новогодней картинке к сугубо идеологическому заявлению: «Помощников у нас никогда не было и не будет» [Новогоднее обращение 2018]. Характерно и то, что в обоих документах, Послании Федеральному собранию и Новогоднем обращении Президента, ключевые с точки зрения государственной идеологии мысли выражены простыми предложениями, с акцентуируемым повторением глагола-сказуемого в разных таксисных связях: «Мы должны это сделать и сделаем это» [Послание Президента 2019], уже процитированное «Помощников у нас нет и не будет» [Новогоднее обращение 2018]. Следовательно, можно сказать, что система образов, используемая в Новогоднем обращении Президента России, так же как и в Рождественском обращении короля Нидерландов, идеологически дублирует программные общественно-политические документы государства. Тем не менее важно подчеркнуть, что при сходстве метода (использование идей, изложенных в Тронной речи и Послании Федеральному

собранию) формы реализации этих идей в поздравительных речах первых лиц России и Нидерландов существенно разнятся.

Анализ поздравительных речей на уровне паратекста

На паратекстовом уровне мы обращаем внимание на антураж, выбранный для произнесения руководителями государства поздравительных речей. Новогоднее обращение Президента России традиционно записывается в Кремле: символическое значение Московского Кремля поистине огромно. Его Величество записывает Рождественскую речь в королевской резиденции Оранских – во дворце Ноорд-Эйнде, также символическом месте в истории Нидерландов. Текст обращения записан в библиотеке, где фоном служат полки с книгами и небольшая рождественская композиция из цветов и свеч, но рождественская ёлка как символ собственно Рождества отсутствует. Нам видится в этом попытка универсализации Рождественского обращения, желание быть услышанным в тех слоях нидерландского общества, для которых ни Рождество, ни связанная с ним символика не являются родными. Налицо некая двойственность, просматривающаяся и во внутренней политике Нидерландов вообще, когда обращение к важнейшим событиям истории страны и подчеркивание таких подлинно нидерландских качеств, как трудолюбие, выносливость, сплоченность и самоорганизация, идут рука об руку с политкорректным изъятием визуальных символов праздника. Подобный упрек можно выразить и российскому лидеру, ведь то, о чем говорится, на первый взгляд, мало соотносится с тем, что зритель видит на экране телевизора. Однако неоднократно подчеркиваемая в обращении мысль «семья = родина, а родина = семья» примиряет речь и антураж.

Заключение

Проведенный анализ поздравительных речей первых лиц Нидерландов и России позволяет представить эти речи как самостоятельные политические документы, где в «облегченной» форме представлены основные направления развития государства в наступающем году, а также утверждать, что подобная речь может дать представление об общественно-политической ситуации в стране. Также текст праздничных обращений лидеров стран может представлять интерес

с точки зрения истории и общественного менталитета, поскольку использует ассоциативно-образный ряд, знакомый и понятный носителям данного менталитета и культуры. Присутствие в тексте этого образного ряда должно быть очевидно и потенциальному переводчику поздравительных речей, более того, переводчик должен быть способен «прочитать» их, поскольку именно заключенные в текстах поздравлений образы являются реперными точками, смысловыми акцентами, благодаря которым и становится возможным определить наиболее верную стратегию перевода.

Поздравительная речь первого лица всегда носит более-менее выраженный патерналистский характер, так как вызывает ассоциации с праздничным застольем, где первым держит слово именно глава семьи. Тем не менее следует подчеркнуть, что поздравительная речь Его Величества Виллема-Александра, призванная в преддверии наступления Рождества примирить разные слои нидерландского общества, не снимает наиболее острые противоречия и не ставит точку в дискуссии об основных «якорях», вокруг которых должны сплотиться жители Нидерландов, но, напротив, с новой силой обнажает эти противоречия несогласованием идеологического посыла, сформулированного в тексте речи, и внешних атрибутов. Российскому обществу, также находящемуся в поисках маркеров собственной идентичности (помимо истории и религии) в новогоднем обращении Президента предложен архетипический и поэтому узнаваемый и легко усваиваемый образ дружной семьи как основы крепкого государства. Опасность этого образа для государства видится нам в том, что он легко превращается в самодовлеющее понятие, и из связки «семья – страна» может остаться только первая часть. Символически перегруженные образы легко становятся предметом дискуссии и даже споров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеев С. А.* Передача структуры образов художественного текста в переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. [Alekseev, S. A. (2009). *Peredacha struktury obrazov khudozhestvennogo teksta v perevode. (Rendering the Imagery in Fiction Texts in Translation): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)*].
- Алтунян А. Г.* Анализ политических текстов: учебное пособие. М: Университетская книга; Логос, 2006. [Altunyan, A. G. (2006). *Analiz politicheskikh*

tekstov. (Analysis of Political Texts). Textbook. Moscow: Universitetskaya kniga; Logos. (In Russ.).]

Новогоднее обращение к гражданам России. Официальный сайт Президента Российской Федерации. М., 2018. [Novogodnee obrashchenie k grazhdanam Rossii. (*New Year Address to the Citizens of Russia*). Official Webpage of the President of the Russian Federation. Moscow. 2018. (In Russ.)]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/40> (дата обращения: 17.03.2021).

Послание Президента Федеральному собранию / Официальный сайт Президента Российской Федерации. М., 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 17.03.2021) [*Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu. (President's Address to the Federal Assembly of Russian Federation*. Official Webpage of the President of the Russian Federation. Moscow, 2018. (In Russ.)].

Цвиллинг М. Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода // Мосты. Журнал переводчиков. 2020. № 3 (67). С. 24–26. [Zwilling, M. Y. (2020). O nekotorykh modifikatsyah kommunikativnogo podhoda k ponyatiu perevoda. (Notifications on Modifying the Notion of the Communicative Approach to Translation). *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 3 (67). 24–26. (In Russ.)].

Kersttoespraak Koning op 25 december 2018 (*The King's Christmas Address*) Het Koninklijk Huis. Den Haag, 2018. URL: <https://www.koninklijkhuis.nl/actueel/nieuws/2018/12/20/kersttoespraak-koning-op-25-december-2018> (дата обращения: 17.03.2021).

Peilingwijzer 2013, 2016 / Peilingwijzer Trends. Amsterdam, 2013, 2016. URL: <https://peilingwijzer.tomlouwerse.nl/p/laatste-cijfers.html> (in Dutch) (дата обращения: 17.03.2021).

Troonrede 2018: dit had Koning Willem-Alexander te melden. Den Haag, 2018. URL: <https://www.businessinsider.nl/troonrede-2018-prinsjesdag/> (in Dutch) (дата обращения: 17.03.2021).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 4 (846)	Issue 4 (846)

Ответственный редактор выпуска 4 (846)
кандидат филологических наук Е. В. Воробьева

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка Ю. Л. Герасимовой
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 30.04.2021
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 15,6.
Заказ № 28/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.